

ЧЕРЕКСКАЯ ТРАГЕДИЯ

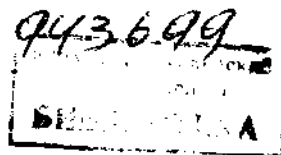
К. Г. АЗАМАТОВ, М. О. ТЕМИРЖАНОВ,
Б. Б. ТЕМУКУЕВ, А. И. ТЕТУЕВ, И. М. ЧЕЧЕНОВ

ЧЕРЕКСКАЯ ТРАГЕДИЯ

69.3(2837-6K)
4-46
9(c164)

Эта книга — первая серьезная попытка осветить на основе архивных материалов подлинную историю трагических событий в Черекском ущелье в ноябре 1942 года, приоткрыть завесу тайны над именами участников, главных действующих лиц и жертв той далекой военной осени.

В книгу включены воспоминания очевидцев Черекских событий, документы центральных и местных архивов.

К 0503020900-010
М125(03)-94 без объявл.

ISBN 5-7680-0905-1

© Издательство «Эльбрус», 1994

«...Заложников беру, действую беспощадно, население все уничтожаю, а постройки жгу...

За период с 27.II.42 по 30.II.1942 г. уничтожено пять населенных пунктов: В. Балкарня, Сауту, Кунюм, В. Четет и Глашево. Из них три первых сожжено. Уничтожено до 1500 человек...» (Из донесений командира сводного отряда 11-й стрелковой дивизии НКВД капитана Н. Ф. Накина).

*Центральный Государственный архив
Советской Армии, ф. 38677, оп. 1,
д. 5, л. 14, 15*

Пятьдесят с лишним лет прошло с того времени, когда произошла эта кровавая трагедия в Черекском ущелье... Неумолимое время берет свое, в жизнь вступают новые поколения, и все меньше свидетелей и очевидцев этой трагедии остается в живых.

Но время не властно над памятью.

Сегодня, когда идет процесс очищения всех сторон нашей жизни от деформации и искажений общечеловеческих принципов гуманизма, усиливается стремление людей знать всю правду об этих событиях. При этом выстраиваются различные версии произошедшего.

Как произошла эта трагедия, каким образом свои же солдаты с такой жестокостью расстреляли, сожгли детей, стариков, женщин, чьи сыновья, мужья, отцы сражались в это время на фронтах Великой Отечественной войны? Как это могло случиться? Совесть взывает к ответу. Совесть взывает знать и помнить об этой трагедии! Ибо

правда о невинно убиенных, память о них — единственное, что можем сделать мы, живые, выполняя свой человеческий долг. «Это нужно не мертвым, это нужно живым...»

В основу этой книги легли материалы работы комиссии по изучению событий, имевших место в Черекском ущелье в ноябре 1942 года, созданной по предложению организации «Ныгъыш» и ответственности республики Президиумом Верховного Совета КБР в июле 1992 года.

Комиссия изучила архивные документы в Центральном государственном архиве Кабардино-Балкарской республики, архивах КГБ, МВД КБР, партийном архиве Кабардино-Балкарского обкома КПСС, Центральном Государственном архиве Советской Армии, Центральном архиве Министерства обороны СССР*.

Для установления истины широко использованы воспоминания руководителей партийных и советских органов, партизанского движения республики, очевидцев событий — жителей Черекского района.

Авторы книги, не претендуя на исчерпывающее освещение всех сторон Черекской трагедии, сделали попытку показать хронологическую последовательность событий, выявить основные факторы, приведшие к трагедии.

«Черекская трагедия» — документальная книга. Это память, это живой голос людей, сожженных и убитых в своих селах.

Говорящие с вами со страниц этой книги в самом буквальном смысле прошли огонь, все мыслимые и немыслимые испытания, они пронесли свои воспоминания через холод и голод, болезни и

* Выводы комиссии опубликованы в газете «Кабардино-Балкарская правда» за 1 декабря 1992 года.

смерть... Знать то, что помнят они, — страшно, но не знать этого — нельзя.

Авторы абсолютно сознательно избегали эмоциональных оценок описываемого, придерживаясь сухого и, по возможности, бесстрастного официального слога.

Внимательный взгляд заметит, что и очевидцы, чьи воспоминания составляют значительную часть книги, также лишь передают факты — чувство редко пробивается сквозь их спокойное и страшное повествование.

Нападение фашистской Германии на Советский Союз принесло неисчислимые страдания всем его народам, явилось для них тяжелейшим испытанием. С первых же дней войны жители Кабардино-Балкарии встали на защиту своего Отечества, показывали образцы мужества и отваги на фронтах, трудолюбия и самоотверженности в тылу.

Именно на этот короткий в историческом плане промежуток времени пришлись события, определившие будущее балкарцев на многие годы вперед.

Ситуация, сложившаяся во второй половине 1942 года, практически поставила партийное и советское руководство республики перед рядом уже свершившихся фактов.

Видимо, то, что настолько четко проявилась недееспособность существовавшей системы управления, напрямую спровоцировавшая Черекские события, позднее послужило одной из причин тотальной фальсификации произошедшего.

Обстоятельства трагедии 1942 года были искажены, подтасовывалось буквально все, а главное — мотивация поступков людей. Запротоколированная и получившая статус признанной версии ложь через какие-то два года послужила

одним из аргументационных оснований выселения балкарцев в Среднюю Азию и Казахстан.

Между тем, несмотря на целенаправленное уничтожение и сокрытие архивных материалов, бывшее в практике вплоть до последнего времени, с чем столкнулся и авторский коллектив этой книги, и сегодня можно со всей очевидностью доказать, что явления, инкриминированные в 1944 году всему балкарскому народу, в реальности имели совершенно отличные от принятых официально масштабы и предысторию.

Сфабрикованные после Черекских событий документы говорили, в основном, о массовом среди балкарцев бандитизме — обвинение весьма тяжкое, тем более для военного времени.

Уроженцы Балкарии, как и представители других народов Советского Союза, сражались на фронтах Великой Отечественной войны. Что же касается мобилизованных именно из Черекского района, то многие из них отмечены государственными наградами, а Мухажир Умаев был удостоен звания Героя Советского Союза.

Но война есть война. К сожалению, во все времена, у всех народов лихолетье рождало не только героев, но и выявляло трусов, дезертиров и предателей. Были они и в Черекском районе.

Нельзя отрицать факты, как сегодня делают некоторые авторы на страницах периодической печати, но тем более недопустимо пресувеличивать это явление, как это делалось в 1942—1946 годах в оправдание массового геноцида балкарского народа в период его насильственного переселения.

Учитывая болезненность и остроту этой проблемы, необходим детальный и осторожный анализ всех ее аспектов. Для нас, например, существенным представляется то, что по принятому в НКВД

правилу во время войны к бандитам относились вооруженные лица (группы или одиночки), за которыми числились «бандпроявления»; причем значение последнего термина почти не оговаривалось. В условиях республики это выражалось в угоне колхозного скота или краже продуктов питания, угрозе оружием. Недоработанность юридического аппарата, наряду с другими факторами, привела к тому, что фактически отдел борьбы с бандитизмом (ОББ) НКВД КБАССР стал брать бандитов на учет только с января 1943 года¹.

В то же время партийные и советские органы республики к бандитам относили дезертиров, скрывавшихся в горах от уголовной ответственности, а лиц, выступивших против карательной акции Красной Армии по отношению к мирному населению в ноябре 1942 года, называли бандповстанцами. Поэтому термины «бандит», «бандповстанцы» ныне можно употреблять в большинстве случаев чисто условно.

В формировании явления, обусловленного военно-политической обстановкой в Черекском районе и получившего название «бандитизм», можно выделить 3 этапа.

1-й этап — август — конец октября 1942 года (т. е. до оккупации Кабардино-Балкарии немцами).

Архивные документы говорят о том, что более или менее отчетливо проблема дезертирства в Кабардино-Балкарии проявилась в июле—августе 1942 года, когда после падения Ростова части 37-й армии отступили на Северный Кавказ. В это же время в республику вернулось 600—700 человек из разбитой и потерявшей управление 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии, которая

лоб в лоб столкнулась с наступающими крупными силами мотострелковых и танковых соединений немцев при массовой поддержке с воздуха ².

Многие из вернувшихся жили нелегально или полулегально, и их стали именовать дезертирами или «бандитами». Были случаи, когда некоторые из них примыкали к партизанам. В архивах нами не обнаружены данные о национальном составе дезертиров из 115-й кавдивизии, тем не менее в справке «О состоянии балкарских районов КБАССР», направленной на имя Л. П. Берии 23 февраля 1944 года за подписью Кумехова, Бзиава, Филатова, утверждается, что якобы большинство из них были балкарцы. Эта фальсификация была необходима для обоснования выселения балкарского народа.

Документы свидетельствуют, что летом 1942 года в Черекском ущелье насчитывалось около 100 дезертиров представителей разных национальностей: балкарцев, кабардинцев, грузин, осетин и др. Все они, боясь уголовной ответственности, скрывались в горах ³.

В результате мероприятий республиканских и местных органов многие дезертиры были легализованы. Часть из них была отправлена на фронт, часть же заключена в тюрьму. Большинство нелегализованных дезертиров трудилось в колхозах, на заготовке сена, уборке урожая, на фермах в местностях «Гожук», «Карасу», «Чегет-журт», «Хаймаша».

14—15 октября 1942 года, когда на бюро и пленуме обкома ВКП(б) рассматривался вопрос о бандитизме, Черекский район специально не выделялся ⁴, но туда, как и в ряд других районов, направлялась бригада, состоящая из ответствен-

ных работников областного масштаба для улучшения политической работы⁵. Следует отметить, что к тому времени в республике уже были люди, отбывшие наказание за дезертирство. Их в свое время уговорили сдаться властям, обещая в общем порядке повторно отправить на фронт, в дальнейшем они были задержаны для проведения следствия. В августе 1942 года, при приближении фронта, они будут отпущены и, выйдя на свободу, заявят, что верить обещаниям властей нельзя. Их агитация в последующем сыграла негативную роль.

2-й этап — конец октября — середина ноября 1942 года.

25 октября 1942 года немцы перешли в наступление, пал Нальчик, большинство районов республики были оккупированы противником. 37-я армия оказалась расчлененной и отступала в горы, неся большие потери.

2-я гв. СД под командованием Захарова, выйдя в конце октября к Бабугенту, удерживала этот рубеж, обеспечивая отступление частям армии из районов Нальчика по маршруту Издра (гора) — Карасу — Бабугент — Голубые озера. Отсюда, при необходимости, можно было выйти на Ташлы-Талу и соединиться с главными силами фронта либо по дороге через Черекское ущелье, либо через Верхние Голубые озера и лес. Таким образом, Черекское ущелье оказалось на пути полуразбитой, полукругленной армии.

1 ноября 1942 года генерал-майор Захаров, назначенный военным администратором района, издал приказ, которым «обязывал НКВД Черекского района выявить родственников дезертиров и ближайших из них взять в заложники. Если в тече-

ние двух дней после этого дезертиры не сдадутся, то заложников расстреливать, а родственников репрессировать»⁶. Безусловно, этот приказ ускорил процесс перехода дезертиров в повстанцы.

В журнале боевых действий 2-й гв. СД не зафиксировано нападение «бандитов» на красноармейцев этой дивизии, но есть запись о том, что в горах убито 3 «бандита»⁷. Видимо, речь идет о мирных жителях Таубие Аппаеве и Мусосе Хасауове. Третий их спутник чудом остался жив. В те же дни в окрестностях Голубого озера были расстреляны еще двое — пастухи из рода Башиевых. Эти четыре жителя Черекского района оказались первыми жертвами 37-й армии⁸.

Ответная реакция была достаточно быстрой. Отдельные дезертиры стали разоружать мелкие подразделения отступавших красноармейцев, что не могло не привести к появлению убитых с обеих сторон.

Для борьбы с группами дезертиров, а также для охраны Суканского ущелья в 1942 году создается истребительный отряд. В него вошли отдельные работники НКВД, весь руководящий состав партийно-советских органов района во главе с секретарем РК ВКП(б) Х. Энеевым и председателем райисполкома М. Мечукаевым, а также некоторые активные участники становления Советской власти в Кабардино-Балкарии, в том числе И. М. Занкишиев, бывший красный партизан, имевший большой опыт борьбы с бандитизмом в 20-х годах и награжденный орденом Красного Знамени. Истребительный отряд должен был стать ядром партизанского отряда в Черекском районе или же войти в состав Хуламо-Безенгиевского партизанского отряда. По различным обстоятельствам и причинам эти задачи выполнены не были.

Вечером 4 ноября штаб 37-й армии стал перемещаться из сел. Карасу в Черекское ущелье, а с 5-го по 15 ноября включительно он находился в сел. Мухоль⁹. Взаимоотношения местного населения и бойцов 37-й армии были нормальными и дружескими. Балкарские семьи, в которых жили красноармейцы, стремились облегчить в меру своих сил и возможностей тяжелый военный быт бойцов. Большую помощь в снабжении 37-й армии продовольствием оказывали колхозы района, которые без ограничения выделяли ей скот по указаниям партийно-советского руководства.

Особая забота проявлялась о красноармейцах, находившихся в Мухольской райбольнице. Благодаря помощи местных жителей 250 раненых бойцов были переправлены в Грузию¹⁰.

В долине р. Черек-Безенгийский оставался отряд 295-й СД под командованием капитана Бондарева «с задачей закрыть направление Безенги по долине р. Черек, расположив отряд в районе Усхур». К подразделению Бондарева был прикреплен Хуламо-Безенгиевский партизанский отряд под командованием Х. К. Бозиева.

Отряд прикрытия 11-й СД НКВД возглавил командир первого батальона 278-го стрелкового полка этой дивизии капитан Накин Федор Дмитриевич «с задачей закрыть по долинам р. Черек-Балкарский направление на перевал Сари-Вцец, расположив отряд в районе Зылги»¹¹.

К 14 ноября в Мухоле, помимо штаба 37-й армии, еще находилось партийно-советское руководство Кабардино-Балкарии. Здесь сосредоточился и объединенный партизанский отряд (командир Царяпин, комиссар Кудаяев), пришедший из Баксанского ущелья¹².

3-й этап — вторая половина ноября 1942 года по 28 ноября 1943 года.

Во второй половине ноября 1942 года обстановка в Черекском районе заметно осложняется, что в значительной мере было связано с передислокацией штаба 37-й армии и объединенного партизанского отряда в сел. Ташлы-Тала. В Черекском ущелье остался небольшой гарнизон с остатками техники.

21 ноября в 12 часов дня завязалась перестрелка между группой дезертиров, находящихся на склоне над Мухолом около сел. Шаурдат, и гарнизоном, расположенным в здании райбольницы на правом берегу р. Черек. Установить, кто начал перестрелку, сложно, т. к. мнения очевидцев расходятся.¹³

Солдаты гарнизона за каменными стенами больницы, толщиной в 60 сантиметров, находились в полной безопасности, дезертиры были на виду у всех, рядом с ними стояла группа детей в основном из Шаурдата. Дезертиры потерь не имели. Были ранены две девочки.

Основным объектом обстрела дезертиров стала не больница, а здание Дома Советов Черекского района. Это здание с громким названием представляло из себя турлучное строение с каменным полуподвалом. В свое время колхоз имени Асанова строил его для своего правления, но с появлением в ущелье района здание сняли для районных служб. На момент начала перестрелки в здании находились: Энеев — первый секретарь РК ВКП(б), А. Туменов — оперуполномоченный милиции Черекского РО НКВД, М. Бачнев — зам. председателя Совнаркома КБАССР¹⁴, Х. Заммаев — бывший судья Черекского района, М. Мечукаев — председатель Черекского райисполкома, М. Чочаев — прокурор Черекского района. Последние двое, а с ними, возможно, и Заммаев, вскоре выехали

по своей инициативе в сторону Шаурдата на переговоры с дезертирами и не вернулись. Однако есть документальное свидетельство, что Чочаев появился, правда, видимо, к вечеру в сопровождении дезертиров¹⁵. По этому поводу высказывались два мнения: 1) парламентарии были в сговоре с дезертирами; 2) Мечукаев с товарищами были задержаны дезертирами.

Осудят их по первой версии, но осужденные, естественно, придерживались второй. Вероятно, истина где-то посередине: Мечукаев с товарищами выехал уговорить дезертиров, но был задержан или поддался уговорам, памятуя о своем недавнем аресте армейским руководством.

В самом Мухоле красноармейцев не было. Дезертиры спустились вниз и в конце концов окружили Дом Советов. К этому времени Энеев, Бачиев и Туменов перебрались на первый этаж, где каменная кладка оберегала их от пуль. Туменов был задержан нападавшими и переправлен в Шаурдат, а оттуда в Верхнюю Балкарию¹⁶. Энеев и Бачиев спрятались в подвале и дезертирами найдены не были. Позже, с наступлением темноты, их вывели из здания. Не найдя Энеева, дезертиры подожгли здание, предварительно забрав зерно, хранившееся там. О нем говорят свидетели, но в актах ничего не упоминается.

✓ Основной целью нападения на Дом Советов, по словам очевидцев, был захват Энеева — первого секретаря райкома. Причиной тому был следующий случай. В конце августа — начале сентября 1942 года при загадочных, вызвавших много кривотолков и до конца невыясненных обстоятельствах был убит помощник первого секретаря Черекского РК ВКП(б) Мухадин Таулуев, когда он вместе с

Хамидом Энеевым верхом на лошадях возвращался из Зылги в Мухол. Ночью у места убийства была выставлена засада из бойцов истребительного отряда. На засаду нарвался и был застрелен житель Зылги Бозиев, причем в руках у него была только палка.

Дезертиры категорически отрицали свою причастность к этому убийству. Теперь они намеревались отомстить Энееву за то, что он хотел возложить на них ответственность за смерть Таулуева.

Попытки приписать дезертирам убийство мирных жителей и таким образом настроить против них население Черекского ущелья предпринимал и отряд П. В. Тура, который с апреля 1942 года был начальником отдела борьбы с бандитизмом НКВД КБАССР. Широкую огласку получило убийство его людьми Рамазана Иттиева и Идриса Дадуева¹⁷.

После сожжения Дома Советов дезертиры осадили райбольницу, где располагался небольшой гарнизон во главе с капитаном Ляшенко. Здесь же к этому моменту находились Х. Энеев и М. Бачиев. В течение 22, 23 и 24 ноября в Черекском ущелье шла перестрелка между дезертирами и подразделениями армии.

По данным архивных документов, в один из этих дней дезертиры захватили зенитную пушку с расчетом, который под угрозой оружия вынуждали обстрелять здание райисполкома. За невыполнение требования дезертиров расчет был расстрелян, и лишь двоим удалось скрыться*. Однако, по свидетельству Ададьби Туменова, расчет пушки был

* Согласно воспоминаниям очевидцев, бойцы расчета все-таки произвели два выстрела.

арестован и находился под стражей вместе с ним. Их было 4—5 человек грузин, но о дальнейшей их судьбе сведений нет¹⁸.

За четыре дня (с 21-го по 24 ноября) открытой конфронтации стороны понесли потери, которые, по данным штаба 11-й СД НКВД, на 24 ноября составили: а) свои — «убито — 5, ранено — 4, лошадей убито — 5, утеряно автоматов — 2, винтовок — 2»; б) противника — «уничтожено бандитов — 30 человек»¹⁹.

Последняя цифра явно преувеличена. Покидая больницу, солдаты расстреляли еще несколько человек около здания. Их задержали накануне в разных местах. Имена четырех из них установлены. Это были Огурлу Мисиров, Сафар Мисиров, Буллах Этчеев, Исмаил Саракуев²⁰.

После захвата дезертирами районного центра сел. Мухом, зенитной пушки, а также убийства нескольких красноармейцев около сел. Сауту командование 37-й армии отдало приказ уничтожить «бандловстанческое движение» в Средней Балкарии²¹. Ссылаясь на это, а также на то, что якобы командующий 37-й армии Козлов устно, по телефону, приказал «стереть с лица земли село Средняя Балкария, не считаясь ни с чем»²², Шикин (командир 11-й стрелковой дивизии НКВД) 22 ноября в 16.00 издал боевое распоряжение (исполнение поручено командиру 4-го эскадрона 17-го кавалерийского полка Каратаеву): «С получением приказа выступить в Среднюю Балкарию на соединение с капитаном Ляшенко с задачей: ликвидировать бандгруппу, находящуюся в сел. Верхняя Балкария. Принять самые решительные меры, вплоть до расстрела на месте, сожжения их построек и имущества»²³. Используемая в приказе формула — «бандиты и их пособники» — давала неограничен-

ные возможности для совершения актов произвола и беззакония.

Все последующие приказы Шикина мало чем отличались в своей основе, в зависимости от обстановки менялись лишь кое-какие элементы — сначала в сторону ужесточения, а затем — смягчения наказания.

24 ноября отряд Накина, оставив свои позиции отряду капитана Бондарева, направился в Черекское ущелье. По дороге они задерживали встречных и расстреливали²⁴. В их числе оказались: Ибрагим Бозиев, Кичинау Шукаев, Локман Зашаев, Мустафа Глашев, Аубекир Каркаев. К бандитам они не имели никакого отношения. Командованию было также доложено, что бойцы отряда уничтожили еще 10 «бандитов» в результате боя. Однако этот факт попросту не соответствует действительности.

В ночь с 24-го на 25 ноября все части 37-й армии вместе с техникой покинули Черекское ущелье. Горючее доставили по воздуху.

В 2.30 ночи 25 ноября отряд капитана Накина вместе с 3-м эскадроном 17-го КП 11-й СД НКВД и материальной частью армии выступил из больницы в направлении фанерного завода. Как следует из донесений, автотранспорт был переправлен через Салты (так называли в документах Сауту) до перевала с боем²⁵.

25 ноября Шикин издал второй приказ, которым обязал капитана Ляшенко объединить немедленно весь личный состав, независимо от частей, находящихся в Средней Балкарии, и «повести самую решительную борьбу с бандитами и их пособниками, уничтожать бандитов и их пособников на месте, сжигать полностью постройки и их имущество, уничтожать все, что может возродить почву для

бандитизма. Ни в коем случае не проявлять жалости даже косвенным пособникам».

И еще одна новая характерная особенность в приказе: «Если вам представится возможность захватить заложников (родственников бандитов), то доставляйте их на Фан. завод, а если нужно, уничтожайте на месте, широко объявив об этом населению». Шикин также просит «захватить пушку 772 ап, находящуюся в районе Салты»²⁶.

Ляшенко не успевает приступить к выполнению приказа, т. к. к этому времени войска уже покинули Черекское ущелье и находились в пути на фанерный завод.

26 ноября к 6.00 автотранспорт и сопровождающие его части прибыли в долину р. Псыгансу и сосредоточились в районе фанерного завода. Через два часа командир (Шикин) и начальник штаба (Тяжелов) 11-й СД НКВД издают третий приказ, в главных пунктах повторяющий предшествующие, не выполненные Ляшенко и Каратаевым в силу сложившихся обстоятельств. Теперь дело поручается капитану Накину, которому предписано с отрядом в 150—200 человек немедленно выступить в Черекское ущелье с задачей ликвидировать там банду, захватить пушку и восстановить порядок в селениях Мухол, Салты и Верхняя Балкария. Накину также приказано: «Повести самую решительную, беспощадную борьбу с бандитами и их пособниками, уничтожать их на месте, сжигать полностью постройки и имущество, уничтожать все, что может возродить почву для бандитизма.

Ни в коем случае не проявлять жалости...

При брeвых действиях захватывать заложников (родственников бандитов)»²⁷.

В 14.00 Накин выступил в Черекское ущелье с отрядом численностью 152 человека, сформирован-

ным из состава 1-го батальона 278-го стрелкового полка и 3-го эскадрона 17-го кавалерийского полка 11-й СД НКВД²⁸.

В этот же день (26 ноября) штаб 11-й СД НКВД обо всем проинформировал штаб 37-й армии²⁹.

Весьма важный момент. По данным штаба 11-й СД НКВД на 26 ноября, т. е. после того, как из Черекского ущелья были выведены все части и стало возможным определить в спокойной обстановке потери, о них было доложено в штаб армии. Через три дня командование 37-й армии в своем боевом донесении подтвердит данные штаба 11-й СД НКВД, кое-что уточнив и дополнив: «Наши потери 21—26.11.42 борьбе с бандитизмом в р-не Мухол — Салты. Убито — 5, ранено — 4, лошадей — 5; нападение бандитами на перевале без горючего 35 мм пушку с расчетом один, автоматов — 2, винтовки — 2, меры по возвращению матчасти приняты *. Следствие ведется»³⁰.

Запомним приведенные выше цифры, ибо она в последующем будут сильно искажены.

Из оперативных сводок следует, что расстрелянных жителей Черекского ущелья 24-го и в ночь на 25 ноября было всего 12, имена 9 из них приведены выше, остальных — не установлены, возможно, что двое из них — Кючюк Кабардоков и Мустафа Таумурзаев³¹.

И последнее. На этот день численность «банд», оперирующих в районе Средняя Балкария, оценивалась штабом 11-й СД НКВД в 200—300 человек, причем указывалось, что «банда» «заняла господствующие высоты вокруг Мухол и Салты»³¹.

Таковы известные нам факты кануна трагедии.

* Цитируется дословно.

То, что случилось в Черекском районе, не являлось по тем временам чем-то необычным и из ряда вон выходящим для республики. На IX пленуме обкома ВКП(б), проходившем 15 октября 1942 года в Нальчике, отмечались факты мародерства в отдельных селах, когда растаскивали колхозный скот, мебель из учреждений, зерно и даже необмолоченный хлеб задолго до прихода немцев. В Черекском ущелье это проявилось контрастнее и с применением оружия, что привело к жертвам.

Во второй половине дня 26 ноября жители сел. Нижний Чегет, в прошлом кавалеристы 115-й кавдивизии, задерживают на дороге между сел. Зылги и Н. Чегет трех партизан (Алиев — командир Урванского партизанского отряда, Тхазеплов и Кумыков), идущих со стороны Голубого озера, и доставляют их в Зылги. Ночь они, видимо, провели в Зылги, а утром были переправлены в Чегет³². Они были разоружены, а в остальном с ними обращались как с гостями. Один из захваченных спрятал свои документы в В. Чегете. После стабилизации обстановки он вернется и заберет их.

27 ноября. К десяти часам утра отряд капитана Накина занял исходную позицию у перевала в 3 километрах от Сауту. Начало операции было назначено на 23.00 часа³³.

Параллельно с Накиным объединенный партизанский отряд (ОПО) должен провести операцию по освобождению Верхней Жемталы³⁴, захваченной к тому моменту немцами.

Подразделение Накина было замечено жителем Глашево, рассказавшим о своих опасениях односельчанам, но те не придали этому значения³⁵.

На этот час в Черекском ущелье еще не закончились похоронные церемонии по расстрелянным на дорогах и около больницы.

Ближе к вечеру отряд Накина, разделившись на две неравные группы, направляется с Суканского перевала в Черекское ущелье по берегам речушки Хашки. Основную часть по левому берегу повел на Сауту капитан Накин. Кто возглавлял правобережную группу, которая, по свидетельству очевидцев, имела численность в 30—40 человек, неизвестно.

Вечером Накин задержал двух жителей Верхней Балкарии и хотел их расстрелять, но им удалось бежать. Проходя через Сауту, эти двое предупредили дезертиров, собравшихся в этот момент в одном доме, о приближении агрессивно настроенного отряда. Полагая, что солдаты могут искать только их, дезертиры, которых было не более 15, покинули село, ничего не сказав односельчанам³⁶.

Таким образом, в сел. Сауту не осталось ни одного человека с оружием, способного оказать сопротивление отряду Накина. У Глашевых же, как это видно из архивных данных и сведений местных жителей Черекского района, никогда не было ни бандитов, ни дезертиров. Местные жители утверждают, что по дороге в Сауту Накин направил в сел. Курнаят двух красноармейцев из своего отряда, которые вопреки его приказу предупредили жителей о грозящей им опасности и позволили скрыться.

Операция началась, когда подавляющее большинство жителей уже спало. Капитан Накин отдал приказ группе лейтенанта Коротаева с боем овладеть Сауту справа, а первой роте — слева. Бойцы отряда действовали беспощадно: забрасывали гранаты в окна домов, ломали двери и окна, врываются в дома мирно спавших жителей села, выводили стариков, женщин, детей и хладнокровно расстреливали. Затем стаскивали трупы и сжигали вместе с домами.

Были взяты заложники, позже их тоже расстреляли. К утру село было оцеплено, тем не менее расстреливали всех подряд. Об этих невинных жертвах свидетельствуют архивные документы 37-й армии. Так, в докладной записке старшего политрука Сэскова начальнику политотдела 37-й армии т. Осадчему указывается: «...в колхозе им. Сарбашева была расстреляна вся семья Сарбашева, которая не была связана с бандой. Сарбашев был сам убит бандитами в 1930 году, именем которого и назван колхоз. Такие случаи были не единичны. В отдельных хатах находили много трупов, потому что жители от страха сбегались в один дом, а брошенные гранаты в окна истребляли до единого человека»³⁷.

Поименно установлено, что в сел. Сауту было расстреляно 310 человек, в том числе детей до 16 лет — 150³⁸.

В Глашево солдаты входили в дома и убивали всех, кто в них находился. Из-за темноты кое-кто из взрослых остался незамеченным, уцелели некоторые раненые, принятые за убитых. В родовом сел. Глашево было уничтожено 67 человек, в том числе детей до 16 лет — 5. В ауле в живых осталось только восемь жителей, трое из которых умерли от ран в течение года³⁹.

Из тех, кто сопровождал солдат, в ту ночь местными жителями были опознаны несколько балкарцев, партизан, связанных с Глашево и Верхним Чегетом родственными или иными узами и навещавших село раньше.

Покончив с жителями Глашево, люди Накина спустились в сел. Верхний Чегет, которое находилось 300 метрами ниже у подножия скалы.

В Верхнем Чегете уже привыкли к стрельбе и особого внимания на нее не обращали. В то же

Сожжённое село Сави

Развалины родового села Глашево

время село не спало. Люди собирались группами у родственников, у соседей, на улице. В Глашево был послан человек. Вернувшись, он сказал, что там все спокойно. Однако одновременно или чуть раньше туда же отправились двое подростков. Эти двое сумели незамеченными подойти к крайнему дому в момент расстрела хозяина. Вернувшись в В. Чегет, они рассказали увиденное. Это стало сигналом для Нижнего Чегета, т. к. один из посланцев в Глашево был из этого села, жители которого стали спешно покидать свои дома и переходить на левый берег Черека. По дороге они предупредили людей аулов Темукуева и Зылги. К рассвету все они стали подниматься в горы. Жители Верхнего Чегета оставались на месте.

В Верхнем Чегете было 2—3 вооруженных человека. Мать Аслана Настаева *, урожденная Хозаева, была родом из В. Чегета. И он, естественно, знал село и живущих в нем с самого детства. В силу этого или каких-то других причин, но в В. Чегете старались уничтожать исключительно мужчин и не подряд, а выборочно. Однако женщины, пытавшиеся защитить близких, также были расстреляны. В Верхнем Чегете кроме 8 его жителей были убиты и люди из других сел, которых вылавливали и приводили туда на расстрел. После начала карательных операций НКВД, население балкарских аулов ушло, в основном, в горы, и, как правило, в селах оставались единицы. Это были либо очень старые и больные люди, либо те, кто считал, что у них были особые заслуги перед Советской властью. Так, например, среди последних оказалась Кабул

* Аслан Настаев — бывший боец 115-й Кабардино-Балкарской кавдивизии. В описываемое время находился в отряде Накина.

Кадырова; четыре сына которой в то время находились на фронте. Тем не менее ее расстреляли. По сведениям очевидцев и архивных документов, бойцы отряда Накина при осуществлении карательной акции над мирным населением в селах Верхней Балкарии занимались мародерством: отбирали ценные вещи, ткани и др.⁴⁰

С рассветом, подпалив несколько домов, отряд спешно покинул село и через речушку Хашки ушел к Мухолу, в здание больницы⁴¹. Вместе с солдатами ушли партизаны Алиев и Тхазеплов, которые позже, придя в штаб Накина в Сауту*, рассказали ему о своем пленении⁴². Кумыков ушел с жителями в горы.

С отрядом покинул В. Балкарию и главный бухгалтер колхоза с женой, живший в доме Хамида Хуболова. Все русские примкнули тогда к отряду, их не трогали⁴³.

В эти же дни в доме Салиха Оракова в сел. Тебен-Эл вместе с дочерью Тамарой (по мужу Мисирова) оставалась русская учительница Александра Алексеенко, которая незадолго до этих событий родила ребенка, и аптекарь Галина Петровна, еврейка. В те дни они эвакуировались⁴⁴. Алексеенко вернулась в 1943 году, и из ее заявления, сохранившегося в архиве, следует, что она ушла с отрядом Накина⁴⁵.

28 ноября. Рано утром в дом к Хаждауту Османову приходят Исмаил Занкишиев (Хутай) и Акой Мисиров — еще молодой парень. Занкишиев рассказывает Османову о ночных событиях в Сауту. Он точно не знает, чьи люди в карательном отряде,

* Штаб сводного отряда под командованием Накина базировался в Сауту около недели.

знает только, что солдаты в форме воинов Красной Армии. Хутай не исключает, что жителей убивает переодетая немецкая часть.

До Мухола к этому времени дошли лишь слухи о произошедшем в Верхнем Чегете и Глашево. Хаждаут Османов и еще несколько человек идут в Верхний Чегет, где все видят своими глазами, кроме того, по дороге они встречают раненого жителя Глашево.

Османов с товарищами возвращаются назад и около мечети, где уже собрались старики, мужчины советуются, как быть дальше. Решено написать письмо командиру отряда с тем, чтобы выяснить, на каких условиях он оставит в неприкосновенности село, дома и людей. Составление текста поручили, как самому образованному, Хаждауту Османову — в недалеком прошлом директору школы. Написанное собственноручно Хаждаутом Османовым письмо доставляется в больницу для передачи командиру, т. к. никто не знает ни имени командира, ни его местонахождения. Посланец возвратился с ответом-ультиматумом. Командование требовало в течение 24 часов сдать оружие и самим сдаться на его милость. Бумага была подписана генералом Калининым. Имя генерала насторожило Занкишиева, Османова и других, т. к. о таком генерале они не слышали. Было решено уходить в горы, а тем, кто помоложе, остаться на склоне, на виду у села. Оборонять Мухол невозможно, т. к. нет оружия⁴⁶.

Жители остальных сел, кроме Сауту, в тот день также покинули свои дома и поднялись в горы.

В 20.00 Накин посылает Шикину первое донесение⁴⁷:

«Доношу, что с 23.00 настоящего часа веду бой в 5.00 28.11.42 г. очищен Кишлак Салты, банда

частью из Салты ушла в кишлак В. Балкарию. Трупов насчитывается до 1200 человек.

1) Сила противника в кишлаке В-Балкария насчитывается по показу заложников до 150 чел. Вооружение винтовки стан. и руч. пулеметы и пушка, попытка овладеть В. Балкарией захлебнулась.

2) По данным заложников, в Мухоле насчитывается 80 чел. немецких автоматчиков и до 200 бандитов вооруженных тоже, говорят, что имеют пушки.

В 16.00 от противника Мухол получил ультиматум, который посылаю вам. Замысел противника овладеть всеми способами и оседлать дорогу, идущую на фанерный завод, данный замысел противника установил наблюдением.

Имею потери 2 красноармейца и 5 раненых. Решил овладеть дорогой, идущей на фан. завод, и высоты 3150. Занять круговую оборону кишлак Салты.

Жду дальнейших указаний.

Довожу до сведения, что начиная с кишлака Зилги и кончая кишлаком Шканды население восстало полностью»*.

О численности бандитов в Черекском ущелье скажем ниже, а что касается группы немецких автоматчиков, которая еще будет упоминаться в докладах Накина, то она не могла пройти в ущелье, т. к. Бабугент будет находиться в руках Бондарева до вечера 3 ноября. Вход в ущелье со стороны

* В данном случае население просто покинуло свои дома, чтобы не быть уничтоженным, но они не стали повстанцами.

В. Жемталы также контролировался частями 37-й армии и партизанами.

Приведем полный текст ультиматума бандитов, который Накин переслал Шикину:

«Бойцам Красной Армии.

От имени штаба объединенного отряда, таких же бойцов, как и вы, но уже узнавшие и испытавшие бессмысленные жертвы, которые требуют от вас высший командный состав, привести к победе не может. Поэтому, обращаемся к Вам, тов. бойцы, выйти из щелей больницы и перейти на нашу сторону. Представитель Германской армии обещает полностью сохранить вашу жизнь и вернуть на родину. Условие сдачи — бросить оружие, руки вверх.

Нач. штаба — Ногеров.

28.XI.42 г. Ответ ждем через 30 минут»⁴⁸.

Сохранился оригинал этого послания, ксерокопия которого была показана Хаждауту Османову. Он не признал своего авторства показанного документа, заявив, что это не его почерк и содержание не соответствует написанной им записке.

Шикин в этот день посылает Накину рацию и 10 кавалеристов.

29 ноября. В 12.25 Шикин, получив первое донесение Накина, направляет ему второй приказ, в котором не только оставляет в силе свои первые указания, но и требует от командира сводного отряда решительных действий для их выполнения.

Кроме того, Шикин требует установить через заложников «место расположения пушки и штаба бандитов и наличие немцев и при благоприятных условиях» захватить пушку и штаб, а «всех банд. пособников уничтожить с жилыми домами. Детей и женщин не трогать». В заключение Шикин приказывает Накину: «Укажите, что за 1200 трупов,

указанных Вами в донесении, и какие имеются трофеи»⁴⁹.

Отряду высланы последние известия Совинформбюро и газета для ознакомления населения.

Второй приказ Шикина Накин мог получить, учитывая, что штаб 11-й СД все время операции находился на фанерном заводе, или поздно вечером 29 ноября или в первой половине следующего дня. Вторая дата более вероятная.

В 13.20 Шикин отправляет боевое донесение в штаб 37-й армии, в котором подробно излагает донесение Накина и свой второй приказ отряду, а также высылает копию указанного выше ультиматума бандитов из Мухол. Несколько изменено последнее предложение из донесения Накина. Было: «Довожу до сведения, что начиная с кишлака Зилги и кончая кишлаком Шканты население восстало полностью». Стало: «По донесению командира отряда все население Мухол, Салты, Каспарты, Зылги и прилегающих населенных пунктов восстало и выступает против Советской власти»⁵⁰. Добавление существенное: все — повстанцы. Видимо, ощущалось, что «повстанцы» само по себе слишком звучно или близко к законности, и глубины армейских канцелярий вскоре соединили старое и новое и получили: «бандповстанцы». Именно так будут в дальнейшем именовать всех жителей Черекского ущелья, взявших оружие.

Из оперсводки штаба 37-й армии следует, что к 19.00 этого дня один эскадрон 17-го кавалерийского полка сосредоточен в Мухоле для борьбы с бандитизмом.

В Мухоле сжигают дома, причем первым уничтожается дом Хаждаута Османова.

Алиев и Тхазеплов вывозят по указаниям Накина 14 тяжело раненных красноармейцев из В. Балка-

рии на фанерный завод. Там же они встречаются с Кумеховым и Барсоковым и обо всем их информируют.

Отряд Накина обстреливают, и он несет потери, о которых капитан докладывает на следующий день.

30 ноября. Вечером Накин пишет два донесения. Одно — начальнику штаба 11-й СД НКВД капитану Тяжелову, в котором сообщается, что «заложников беру, действую беспощадно, население все уничтожаю, а постройку жгу. При получении второго приказа тактику уничтожения изменил». Накин также утверждает, что нет ответа на два его ультиматума и нет возможности собрать оставленные в Черекском ущелье автомашины из-за отсутствия запчастей⁵¹.

В доставке ультиматума, или, вероятно, второго ультиматума, участвовал Адильби Туменов. Он был отпущен дезертирами и скрывался в Сауту у родственников, а через некоторое время оказался у Накина. Позже Туменов отступил с отрядом и присоединился к партизанам⁵².

Второе донесение адресовано Шикину. Это донесение Шикин называет вторым (первое — от 28 ноября). Накин пишет, что «в 5.00 30.11.42 г. овладел кишлаком В. Балкария и Кюнюм. В течение дня вел уничтожение населения и построек... взорвал склад с боеприпасами. Уничтожено 300 человек. За период с 27.11.42 по 30.11.42 г. уничтожено пять населенных пунктов В. Балкария, Сылты, Кюнюм, В. Чегет и Глашево, из них три первых сожжено. Уничтожено до 1500 человек. По указанию заложников уничтожено 90 человек бандитов, 400 (мужчин), могущих носить оружие, а остальные — женщины и дети.

Пушка взята...

Прибыли кр-цы из расчета батарей, которые находились в банде, Даруманидзе и Кагладзе, последние заявили, что банда имеет до 150 чел. 29.11.42 приходил немец, обещал подбросить солдат до 400 и закрыть ущелье против больницы, должны прибыть сегодня или завтра...

Имеют потери 14 раненых и 3 убитых»⁵³.

Накин просил у Шикина мины и снаряды к пушке, а у Тяжелова — соль, табак и водку. Продукты Накин добывает сам, помимо того, выполняя приказ по части высылки в дивизию продуктов питания, он просит командира «выслать людей для выгона скота».

Надо заметить, что данные по численности «бандитов» у Накина и у тех, кто побывал в «банде», существенно отличаются.

В этот же день Шикин отвечает на адресованное ему донесение:

«Действия Ваши нахожу хорошими, а действия бойцов просто замечательными.

Если Вы очистите Среднюю Балкарию от этой сволочи, которая вместо защиты от немецких оккупантов предала свою Родину, и сами стали бандитами, то Вы совершите дело огромной важности,— очистите тыл наших войск.

Новой задачи я Вам не ставлю, она остается прежней, принимайте все меры к ее выполнению. Не забывайте коварство бандитов, не идите ни на какие провокации, форсируйте выполнение задачи, держитесь умением и хитростью, не бейте в лоб.

Убитых у Вас мало — это хорошо, а раненых многовато».

Шикин также сообщает, что «по имеющимся данным — банда держит связь с немцами в Жемтала, я приму кое-какие меры, чтобы прикрыть эту связь».

Высылаю Вам боеприпасы, табак и соль, ишаков верните немедленно, если можно, нагрузить их чем можно из продовольствия»⁵⁴.

1 декабря. Шикин, видимо, отвечая на донесение Накина Тяжелову от 29 ноября, пишет: «Ваше донесение получил. Дальнейшая задача продолжить очищать населенные пункты, в первую очередь Мухол...

Примите меры к разведке маршрута Средняя Балкария — Жемтала, откуда якобы бандиты поддерживают связь с немцами.

Немедленно принимайте меры к уборке трупов, используя для этого местное население.

Пушку вытаскивайте тоже силами населения, если таковое осталось, если нет, то держите при себе до благоприятного момента»⁵⁵.

Штаб 11-й СД НКВД в этот же день отправил боевое донесение в штаб 37-й армии с полным изложением донесения Накина Шикину от 30 ноября.

С получением приказа Шикина от 1 декабря (который Накин мог получить во второй половине этого или в первой половине следующего дня) прекратились расстрелы, т. к. все силы пришлось перебросить на уборку трупов⁵⁶. Командование понимало, что в Черекское ущелье действительно могут прийти немецкие войска, и уже невзирая на утверждения Накина о давнем пребывании фашистов в районе В. Балкарии, для реальных немцев трупы могут стать вещественным доказательством в пропагандистской борьбе.

Мужчины Мухола решают добыть оружие и выбить красноармейцев из села и таким образом сохранить от поджогов оставшиеся дома *.

* Это решение, судя по всему, было единогласным, его поддержали даже старики, что весьма показательно.

Мухольцы собираются (точное количество их не установлено, но, видимо, не более 20) и вечером идут в Жемталу через Верхние Голубые озера. У тоннеля они встречают Якуба Жангуразова с 2—3 сопровождающими. Он впервые, в качестве немецкого представителя, посетил Черекское ущелье. Мухольцы больше с Жангуразовым до официального вхождения немецких войск в Черекское ущелье не встретятся. Ночь они провели в местности Аул.

2 декабря. Штаб 37-й армии отправил донесение⁵⁷, где излагал основные моменты борьбы с бандитизмом в Черекском ущелье начиная с 21 ноября, используя при этом сведения, направленные ему штабом 11-й СД НКВД от 1 декабря⁵⁸. В оригинале этого текста указывалось количество бандитов — 600—700 человек, число убитых — 1500 человек, а подписывавший, должность и фамилия которого не выяснена (запись наряду с другими изъята в ЦАМО СССР), собственноручно исправил первую цифру на 300, а вторую — на 773. Исправление было произвольное, так как к этому времени штаб 37-й армии, кроме донесений штаба 11-й СД НКВД, никакими другими материалами не располагал. К этим цифрам мы еще вернемся.

Мухольцы этот день провели в лесу около Верхних Голубых озер, а с наступлением темноты двинулись в район Жемталы, где и заночевали.

3 декабря. Утром мухольцы получают оружие и, не задерживаясь по дороге, днем возвращаются домой, точнее, в район сел. Зарашки.

Накин высылает Шикину третье донесение, согласно которому накануне он очистил Мухол от бандитов и их пособников и оставил гарнизон (3-й эскадрон 17-го КП).

Утром Накин получил письмо от бандитов, которое выслал Шикину. Накин также докладывал комдиву: «Банда в количестве 97 истреблена, часть ушла на соединение с немцами в Жемталу, остальные пытаются сдать... трупы собираю»⁵⁹.

В этот день как реакция на донесение комдива от 1 декабря последовал приказ Козлова Шикину, где командующий требовал установления истинного положения, уточнения сведений об убитых пособниках бандитов. Ему цифра 1500 казалась большой, и он, наконец, допустил, что есть напрасные жертвы, о чем говорит его приказ Шикину дать указание отряду НКВД не трогать местное население, которое не имеет ничего общего с бандой⁶⁰. Но этот приказ командарма не имел каких-либо практических последствий, т. к. дальнейшие события сделают его ненужным. Не исключено, что приказ был издан для самооправдания, как попытка свалить вину на непосредственных исполнителей — Шикина и Накина. Об этом свидетельствует докладная старшего политрука Сэскова от 9 декабря 1942 г. начальнику политотдела 37-й армии Осадчему. Выполняя задание Осадчего, Сэсков расследовал факты необоснованных расстрелов и убийств во время ликвидации банд в районе Средней Балкарии и сделал следующие выводы:

«1. Считаю, что отряд Накина уничтожил много невинных жителей, которые совершенно не были связаны с бандитами.

2. Вышеуказанную цифру убитых* считаю нереальной, взята с потолка, в смысле бахвальства

* Сэсков имеет в виду 1500 человек, упомянутых в донесении Накина.

перед начальством. Если считать это количество правильно, то на число убитых женщин и детей падает 1010 человек...

3. Основная вина в том, что пострадало много невинных людей, ложится в равной мере и на командира 11-й СД Шикина и его заместителя по политической части Будко в том, что не смогли своевременно предотвратить невинных жертв»⁶¹.

Однако в последующем и эти выводы будут проигнорированы и всю вину попытаются переложить на «бандитов», чтобы полностью снять ответственность всего командного состава 37-й армии, 11-й дивизии и батальона за содеянное.

Из документов видно, что командование армии было в курсе Черекских событий с первого же дня. Нет каких-либо данных о том, что во время этой операции прерывалась связь между Накиным и штабом 11-й СД НКВД, а также между последним и штабом 37-й армии.

Во второй половине дня отряд прикрытия Бондарева в районе Бабугента был расчленен немцами на две части. Одна часть отступила в сторону фанерного завода через Верхние Голубые озера, а другая, во главе с капитаном Бондаревым, — в сторону Сауту по большой дороге⁶². Путь немцам в Черекское и Хуламо-Безенгийское ущелья через Бабугент был открыт.

4 декабря. Повстанцы, состоявшие исключительно из жителей Мухола и Тебен-Эль, к которым присоединились 7 мужчин из Коспарты, рано утром выступают из сел. Зарашкы в направлении сел. Шаурдат. Точное их количество неизвестно, но, видимо, набралось около 40 человек. Повстанцы были вооружены винтовками, ручным пулеметом.

Они подошли к аулу Шаурдат, и люди Накина, занимавшиеся поджогами, после непродолжитель-

ной перестрелки, без потерь покидают село. На очереди Мухол, наступление на него ведется со склона. Повстанцам ничего не известно об отряде Бондарева, который в составе 47 человек ночью прибыл из Бабугента в Мухол и расположился у подножия склона, прямо на пути у наступающих.

Бой начался в 8 часов утра и шел до темноты. Стороны несли потери. Погиб капитан Бондарев и еще 6 человек, включая одну женщину из его отряда, а 8 бойцов было ранено. У повстанцев убитых меньше: один из мухольцев и двое из коспартинцев, о раненых данных нет.

В 19.00 отряд Бондарева под командованием лейтенанта Позднякова отошел из Мухола в направлении Сауту.

Накин докладывал из Сауту Шикину, «что отряд Бондарева 3.12.42 16.00 оставил Бабугент и прибыл в Мухол». Накин также сообщал, что в связи с отходом отряда Бондарева бандиты активизировались, и он ведет бой. «Бандиты», однако, активизировались не из-за того, что отступил Бондарев, а из-за того, что получили оружие и решили защищаться.

В 19.20 Козлов требует от Шикина, которому был подчинен Бондарев, восстановить положение в Бабугенте⁶³, а через два-три часа — выяснить, при каких обстоятельствах аул был сдан немцам⁶⁴. Командарм не знал, что к этому времени части 37-й армии покидали Черекское ущелье и отходили к Суканскому перевалу.

5 декабря. В 9.00 Накин докладывает своему начальству, что немцы соединились с бандитами (утверждая, что численность немцев доходит до батальона) и перешли в наступление. При этом он отмечал, что 100 повстанцев проникло из Безенги, 200 — из Бабугента⁶⁵.

Все это не соответствовало действительности. Мухольцы послали за помощью в сторону Безенги Хаждаута Османова и Токалая Узеева, но те не смогли на лошадях перейти через перевал и вернулись к концу боя. Ни немцев, ни кого-либо из других районов в Черекском ущелье и в Безенги тогда не было. Накин просто оправдывал свое отступление.

В течение дня командарм направил два приказа Шикину, требуя разрушить дорогу (тоннель) Бабугент — Мухол, ускоренным темпом расчистить от банд район Сауту⁶⁶, частью сил 11-й СД НКВД и действием отряда Накина расчистить дорогу фанерный завод — Голубые озера и освободить Бабугент⁶⁷. Приказы эти не выполнялись.

Вечером штаб 37-й армии доносил, что отряд 295-й СД (Бондарева), по предварительным данным, расчленен, командир убит, немцы проникли в Мухол, отряд 11-й СД НКВД, занимающий Сауту, под натиском банды, усиленной 500 немцами, оставил село и отошел к перевалу⁶⁸. Количество «немцев», будто бы действовавших против отряда Накина совместно с «бандитами», росло от штаба к штабу, что, безусловно, не соответствовало действительности.

В этот день произошли еще два заслуживающих внимания события.

Жители Сауту Мажид Темиржанов и Ахмат Сарбашев из Черекского ущелья пошли в район, «чтобы сообщить о расстрелянных колхозниках». От Якуба Жангуразова, которого встретили по дороге, они узнали, что в местности «Ак-кая-аллы» есть «Сборный пункт», где каждый желающий может получить русскую пятизарядную винтовку⁶⁹. Темиржанов и Сарбашев пошли туда. Один из них действительно получил оружие. Видимо, имен-

но через этот пункт специально снабжали Черекский район, т. к. 3 декабря, когда мухольцы в Жемтале получали винтовки у немцев, ничего подобного не было, и оружие им было выдано с большими сложностями.

В Мухоле повстанцам сдались 5 партизан из Хуламо-Безенгиевского партизанского отряда. Трое жителей селения Кашкатау — Хажисмаил Конакович Бозиев (брат командира Хуламо-Безенгиевского отряда), Хажисмаил Хажомарович Настаев, Касым Чочаевич Чеченов, один из Гунделена — Нух Алиевич Жанатаев и уроженец Нижнего Чегема — Каму Аубекирович Жабоев. Ранее, 28 ноября, Бабли Асанова (урожденная Гериева) в сел. Нижний Чегет опознала Аслана Настаева и Хажисмаила Бозиева как участников расстрела мирных жителей⁷⁰. Аслана Настаева среди арестованных партизан не было.

Пленных партизан расстреляли 5 или 6 декабря. Вторая дата более вероятная.

Следует сказать, что у Бозиева было много родственников в Черекском ущелье, т. к. он выходец из Коспарты. Остальных знали меньше или не знали вовсе, тем не менее все партизаны, видимо, полагали, что их расстреливать не станут, и повстанцы действительно не были настроены казнить их. Этот вопрос обсуждался открыто при партизанах. Но произошло непредвиденное. Один из мухольцев, без всякого на то разрешения, самолично и внезапно расстрелял из автомата всех пятерых в отместку за брата, убитого 4 декабря *.

* Уже после возвращения из Средней Азии Хамзат Бозиев, командир Хуламо-Безенгиевского партизанского отряда, среди погибших в декабре вместе с Бондаревым партизан,

6 декабря. Накин, предположительно до утра находился на перевале, а к 12.00 его отряд занял оборону в районе В. Жемталы⁷².

В Сауту начинают возвращаться жители.

7 декабря. В 8.40 Козлов приказывает установить связь с ротой 1157-го стрелкового полка, находящейся на перевале, и совместно с ней отряду Накина освободить Среднюю Балкарию от «бандитов»⁷³. Командарм не верит в мифических немцев. По данным штаба армии, в тот период в Черекском ущелье якобы находилось 300 бандитов, усиленные не менее чем 500 немцами⁷⁴. Для того чтобы выбить их из ущелья, отряда Накина и роты 1157-го стрелкового полка явно было мало. Приказ Козлова остается невыполненным.

8 декабря. Командарм не снимает вопрос очистки Средней Балкарии от «бандитизма» и продолжает требовать действий⁷⁵.

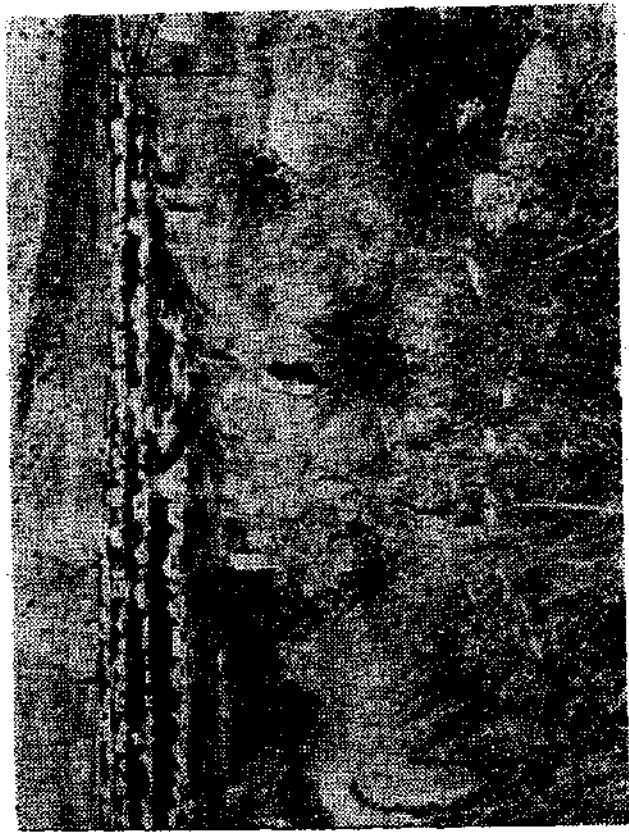
В села постепенно начинают возвращаться жители. До этого многие из них жили за пределами ущелья в кошах своих колхозов.

10 декабря. Вероятно, в этот день в Черекское ущелье вошли части немецких войск.

По свидетельству, которое, в принципе, может быть проверено, Мисировой (урожденная Оракова), работавшей до оккупации директором школы в Мухоле, в Казахстане, они, заполняя анкеты, при поступлении на работу, писали, что находились в оккупации с 10 по 31 декабря 1942 года⁷⁶.

Среди оккупантов не было ни одного немца. Воинские подразделения состояли исключительно из румын. Единственный немец — офицер — по-

помимо пятерых расстрелянных, назовет Никодима Эдуардовича Кучинского — бывшего работника клепочного завода сел. Бабулент. Вероятно⁷⁷, Кучинский погиб во время боя.

Кладбище Сауту, где были захоронены останки невинных жертв

На родовом кладбище захоронены невинные жертвы Глассера

явится позже и пробудет здесь не более суток. Больше немцев в ущелье не было, да и численность оккупантов была небольшая — один отряд, охранявший перевал, другой — в Зылги.

Многие жители спускаются с гор уже после вхождения в ущелье немецких войск.

Уцелевшие черекцы начнут разыскивать среди погибших своих родственников и хоронить. На это уйдет много времени, видимо, не меньше недели. Обгоревшие трупы, а часто только отдельные кости, извлекали из-под толстого слоя земли, обвалившейся с крыш сгоревших домов *.

Людей было мало, поэтому от сооружения индивидуальных могил отказались; в Сауту и в Глашево, где больше всего было убитых, решили хоронить всех вместе, в траншеях.

14 декабря. 11-я СД НКВД ликвидируется, все ее части передаются в распоряжение командира 2-й гвардейской дивизии.

Каких-либо документов по линии НКВД, поступавших в 11-ю СД или отправленных из ее штаба, в архивах обнаружено не было, все распоряжения шли из 37-й армии, и штаб 11-й СД НКВД отчитывался только перед штабом армии.

16 декабря. Этот день можно считать началом крупномасштабной, массовой фальсификации истории Черекских событий, что для всего балкарского народа будет иметь далеко идущие трагические последствия.

Политотдел 37-й армии направляет в политуправление Закавказского фронта и политотдел Северной группы войск объемистое донесение «Об активизации банд в селениях Средней Балкарии и

* В Сауту, на первом этапе, сжигали также и скот, пока Накин не стал отправлять его в штаб.

борьбе с ними отряда 11-й СД НКВД». В документе дана общая характеристика бандитизму в республике и Черекском ущелье. Описаны действия Накина. В донесении искусно переплетены правда и заведомая ложь. Из него следует, что активизация бандитов в Черекском районе началась после 16 ноября: обстрел частей войск, поджоги и пр.

Бандиты захватили «орудие 772-го АП ПВО с расчетом, которые под силой оружия заставили вести огонь по нашим подразделениям, не выполняя требования бандитов, они уничтожили расчет, 2 красноармейца убежали от расправы бандитов».

Примечательно, что текст письма бандитов от 28 ноября снабжен следующим комментарием: «В свою очередь группа отряда, действующая в сел. Глашево и в В. Чегете получила ультимативное письмо из штаба банды, именующих себя немецкими партизанами, действующими в тылу Красной Армии»⁷⁷. До «немецких партизан» не додумались ни Накин, ни его заместитель по политчасти работник политотдела дивизии старший политрук Федоровский, ни комдив Шикин.

Как уже отмечалось, в отряде Накина были партизаны из Хуламо-Безенгиевского партизанского отряда. Не вдаваясь в подробности довольно запутанной истории, отметим, что отряд в соответствии с приказом, подписанным Козловым и Кумеховым, от 6 ноября, должен был находиться с отрядом прикрытия Бондарева⁷⁸. Однако Хуламо-Безенгиевский отряд 20 ноября присоединился к Объединенному партизанскому отряду в районе фанерного завода⁷⁹, а 28 ноября его включают в состав Нагорно-Зольского партизанского отряда, как отделение⁸⁰.

Но Хуламо-Безенгиевского отряда 28 ноября уже, видимо, на фанерном заводе не было, как и в

последующие 6—8 дней. Во всяком случае, в Жемталинской операции, проводившейся в ночь с 27 на 28 ноября, и Лескенской, проведенной 4—5 декабря, никто из Хуламо-Безенгиевского отряда участия не принимал. В состав Нагорно-Зольского партизанского отряда были включены только 18 человек. Это те 17 человек, которые остались в составе Хуламо-Безенгиевского партизанского отряда после расстрела 5 партизан и гибели Кучинского в декабре, Адильби Туменов был 18-й. Последний примкнул к отряду в Сауту и ушел с ним на фанерный завод. Туменов числился в отряде давно. Среди 18 оставшихся было: балкарцев — 15, русских — 2, кабардинцев — 1⁸¹.

Надо отметить, что шестерка погибших в декабре в Объединенном отряде партизан из Хулама и Безенги не включена в список потерь — не желая увеличивать показатели своих потерь, руководство ОПО продолжало считать Хуламо-Безенгиевский отряд самостоятельной единицей до окончания Черекской операции.

Существенный момент — всех партизан Хуламо-Безенгиевского отряда будут награждать как бойцов Нагорно-Зольского партизанского отряда.

В докладе Кумехова Маленкову от 10 декабря 1943 года о боевых действиях Кабардино-Балкарского объединенного партизанского отряда записано: «За время действий было разгромлено три немецких штаба и один штаб бандитов»⁸².

Немецкие штабы (один дивизионный и два батальонных), согласно сведениям о боевых действиях партизан, были уничтожены в селениях Каменно-мостском, Хабазе и Жемтала⁸³. Где находился штаб бандитов, не указывается, но его легко «вычислить». Шикин приказывал Нахину найти и уничто-

жить штаб бандитов в Черекском ущелье. Следовательно, если ОПО ставит себе в заслугу его уничтожение, то тем самым признается участие ОПО в Черекской операции, которой руководил Накин.

Доклад Кумехова Маленкову в 1975 году опубликовали в сборнике документов о войне, но три слова — «один штаб бандитов» — опустили.

Можно считать установленным, что не менее 15 человек из ОПО или близко с ним связанных людей так или иначе непосредственно и лично принимали участие в действиях отряда капитана Накина в Черекском ущелье в конце ноября — начале декабря 1942 года. Высшее партийное руководство республики в лице Кумехова, командование Объединенного партизанского отряда в лице Царяпина, наркомат внутренних дел в лице заместителя наркома Борсокова находились в курсе событий в Черекском ущелье с самого начала.

После смены власти в районе были избраны 5 старост, арестованы несколько активистов, которых, продержав около недели, отпустили по просьбе жителей, был убит Имангулов — работник НКВД Черекского района⁸⁴. Трупы красноармейцев и партизан оставались неубранными. Их приказал убрать, пока они не начали разлагаться, немецкий военный чин, о котором упоминалось выше. Одному из местных жителей поручили заняться уборкой трупов, и он перетаскивал их волоком в ямы, где раньше обжигали известь. Также люди Накина стаскивали в дома трупы в Сауту для последующего сожжения и уничтожения. Зло порождало зло, а жестокость — жестокость. Позже, когда родственники партизан обратились к новым властям за разрешением забрать их тела для похорон, они его получили. Всех пятерых балкарцев

похоронили: кого-то в Черекском ущелье, а кого-то в Кашкатау.

Немецкий гарнизон в конце декабря 1942 года начал покидать Черекское ущелье внезапно, и население пришло в волнение. Оно боялось продолжения расстрелов, ожидая появления красных войск через перевал со стороны Жемталы. В панике многие семьи покидали ущелье и двигались в сторону Бабугента—Кашкатау. Усилиями стариков и некоторых повстанцев людей остановили и повернули назад. Однако многие из-за боязни попасть в капкан шли в горные кони.

В это время кому-то в голову пришла идея выставить боевые заставы на всех входах в ущелье. Нечто подобное уже было в гражданскую войну, активным участником которой был и Хутай Занкишнев. Было решено, как и в гражданскую, за каждым селом закрепить определенных людей для застав.

Немцы, вопреки утверждениям НКВД, о своем отступлении не предупредили повстанцев.

Повстанцы по очереди стояли на постах, войска для этого не использовались. Шли слабые переговоры между властями и повстанцами. Позже это представят как задержание продвижения повстанцами частей Красной Армии в течение месяца, а в Москву доложат: «Район обороняли на стороне повстанцев 500 человек»⁸⁵.

На январском (1943 г.) пленуме обкома партии один из балкарских руководителей республики потребует говорить с черекцами языком оружия. Ни тогда на пленуме, ни позже никто даже не упоминает об истинных причинах трагических событий в Черекском ущелье. Все жители ущелья будут представляться только как оголтелые бандиты и

их пособники. Тогда и бандитам, и пособникам угрожало до 10 лет исправительно-трудового лагеря.

Через несколько дней после январского (1943 г.) пленума три батальона полка ВВ НКВД СССР повели с трех сторон наступление на ущелье. После непродолжительной перестрелки на одном из постов, в результате которой, по свидетельству участника, погиб один красноармеец, а другой был ранен, войска беспрепятственно вошли в ущелье. Навстречу им вышли жители сел с красными знаменами⁸⁶. Руководство республики в своем обращении к жителям ущелья не угрожало карам, а призывало к согласию и труду. Это, однако, как практиковалось раньше и многократно повторится в будущем, была простая уловка. Через несколько дней, не позже 6 февраля, начались, вопреки всем обещаниям, повальные облавы и аресты всего мужского населения на основании приказа наркома внутренних дел Филатова об изъятии «бандитов, дезертиров и прочего антисоветского элемента». На первом этапе в Черекском районе арестовали 324 человека, основная часть подверглась изъятию в первые два-три дня, остальных, кто не оказался на месте, ловили в кошах еще несколько дней. При этом скот зачастую оставался без пастухов, что обусловило его большой падеж. Аресты проводили по заранее составленным спискам. Источниками информации служили совпартактивисты и красные партизаны. Среди арестованных оказались инвалиды войны, женщины, подростки.

До конца 1943 года арестуют еще 76 человек и общее число изъятых по Черекскому ущелью составит за весь 1943 год 400 человек⁸⁷. Среди арестованных оказалось много руководителей разных уровней, которые сами всячески помогали первым

арестам, от бригадиров до заведующих отделами райисполкомов. Из обнаруженных списков на 355 человек арестованных или подлежащих аресту установлено, что 35 человек среди них проходили как дезертиры, остальные — мирные жители.

В то же время в ОББ взяли на оперативный учет всех «бандповстанцев». Они в число указанных выше 400 человек не вошли, т. к. «бандповстанцы» проходили отдельным списком.

Численность Черекской «бандповстанческой» организации и потери частей Красной Армии в боях с ней менялись (в сторону повышения) в зависимости от конъюнктуры.

Сопоставим известные нам материалы по этому вопросу из имеющихся у нас документов.

Выше приводились данные штаба 37-й армии и штаба 11-й СД НКВД. В штабе произвольная цифра 600—700, определяющая численность «бандповстанцев», была уменьшена также произвольно — до 300—400. Именно это количество, видимо, положили в основу деятельности органов НКВД по Черекскому ущелью, т. к. именно столько, не считая укрывавшихся в горах «бандповстанцев», арестовали за год.

Несмотря на то, что многие из арестованных имели весьма отдаленное отношение к бандитизму и позже были выпущены, все 400 изъятых человека в документах фигурировали как бандиты в письме Кумехова, Бзиава и Филатова, направленном на имя Берии.

Выступая на XIII пленуме обкома ВКП(б) 10 апреля 1944 года, Кумехов сказал: «В одном Черекском районе выступало более 600 вооруженных бандитов»⁸⁸. Получить такую цифру можно было следующим образом: к 400 арестованным

прибавлялись «бандповстанцы» (к тому времени около 140 человек) и арестованные 8 марта 1944 года, далее сумма округлялась с добавлением слова «более».

К сентябрю 1944 года, когда закончилось дело по легализованным балкарским бандитам, состав Черекской «бандповстанческой организации» несколько уменьшился. Так, Берии в одном и том же документе на разных страницах называли 350 и 400 человек, из которых 141 ушли в горы «после того, как было сломлено сопротивление»⁸⁹.

Таким образом, получалось, что среди арестованных в 1943 г. было от 209 до 259 «бандитов». Но по ОББ НКВД КБАССР как бандиты проходили только эти 141 человек, список которых постоянно уточнялся. Составители доклада прекрасно это знали.

Выступая на XVIII областной партконференции (декабрь 1946 г.), министр внутренних дел Кабардинской АССР Горшков воспользуется вышеприведенными данными, но ограничится первой цифрой: «Анτισоветская, бандповстанческая организация Черекского района насчитывала в своем составе свыше 350 бандитов».

Однако, когда страсти улеглись, ОББ признал: «Точными данными о количественном составе бандповстанческих формирований на территории Балкарии в период до оккупации (осенью 1942 г.) не располагаем».

В начале 1947 года были подведены окончательные итоги. Реальные данные существенно отличались от декларируемых ранее цифр. По данным МВД КБАССР, на территории республики действовало 50 вооруженных банд в составе 1170 человек, из них балкарцев — 763. В то же время в горах скрывалось 27 групп дезертиров и нелегалов в со-

ставе 357 человек, среди которых не было ни одного балкарца. На территорию республики выбросили всего 13 парашютно-диверсионных групп в составе 89 человек, из них балкарцев — 20. Среди последних 2 или 3 человека из Черекского района⁹⁰.

Итак, из 763 балкарских «бандитов» на оперативном учете по Черекскому району составляло 5 бандгрупп в составе 152 человек⁹¹.

Проведенный анализ всех имеющихся списков «бандповстанцев», состоявших на учете в разное время в ОББ НКВД КБАССР, дал такой же результат. Однако получился он несколько иным способом. За все время существования «бандповстанческого движения» в Черекском районе в разное время были взяты на учет или выявлены при легализации 157 человек, из них 4 проходили как бандиты-одиночки, а остальные распределялись по группам: Ногерова — 11, Туменова — 42, Османова — 33, Ульбашева — 3, Занкишиева — 64. К группе Занкишиева 3 человека присоединились после выселения балкарцев. Таким образом, в Черекском районе состояло в бандповстанческом движении 154 бандита, из них 1 грузин, 1 азербайджанец. Итого: 152 бандповстанца — балкарцы из Черекского района, в том числе 88 дезертиров, 3 подростка до 16 лет, 7 женщин, остальные мирные жители⁹².

Всего среди арестованных и бандповстанцев, проходивших как дезертиры, насчитывалось 123 человека.

Подводились итоги и по потерям противоборствующих сторон. «За весь период борьбы с бандитизмом на территории КБАССР наши потери составляют 57 чел., из них: убитых — 40 чел. и ранеными 17 чел.», — отмечалось в документе МВД КБАССР.

Потери бандитов только убитыми составили более 150 человек, в эту цифру включены и парашютисты.

Эти данные из документов 1947 года, но не-сколькими годами раньше все представлялось иначе.

В феврале 1944 года, в уже упоминавшемся выше докладе Кумехова и двух наркомов, в котором обосновывалась необходимость выселения балкарцев за пределы республики, упомянули и о Черекском районе, где «в одном столкновении убито несколько бойцов и командиров и разоружена часть в 80 человек», а «одну из бандгрупп возглавил председатель райисполкома». Председатель Черекского райисполкома Мечукаев (именно он подразумевался в докладе), не возглавлял бандгруппу и вообще никогда не числился в составе бандповстанцев. Черекские события в разное время расписывались и дополнялись нужными подробностями и лицами. Так, в сентябре 1944 года Бзизава докладывал Берии о событиях 21 ноября 1942 года следующим образом: «В ноябре месяце 1942 года бандповстанческая организация объединенными силами со всего Черекского района, под руководством Якуба Жангуразова, совершила нападение и с боем захватила райцентр Черекского района — сел. Мухол и Черекскую райбольницу, где располагался гарнизон. В результате имевших место боев со стороны подразделений Красной Армии имелись значительные потери, всего было убито и взято в плен, а пленные были расстреляны, свыше 50 человек»⁹³.

В том же докладе приводилась более обширная картина злодеяний балкарских бандитов: «Во время нападения на части Красной Армии было убито до 100 чел. командиров и красноармейцев, ранено 11 красноармейцев и командиров, кроме этого, было

взято бандитами в плен 30 красноармейцев и командиров, коих более 20 человек передали немцам». Речь, хотя и нет прямых указаний, идет о Черекском районе⁹⁴.

Дальше — больше. В 1945 году, когда арестовали Ульбашевых из бандгруппы с сел. Шаурдат, только про них писали, что «ими было совершено 15 вооруженных нападений на части Красной Армии, во время которых убито и ранено 120 офицеров, партизан и медсестер. Отобрано более 180 винтовок и разных боеприпасов.

Кроме того, совершено 45 вооруженных налетов на колхозы и совхозы с изъятием и уничтожением 2500 голов крупного и мелкого рогатого скота»⁹⁵.

С февраля 1943 года с жителями Черекского района обращались как с врагами, к которым неприменимы никакие законы.

Новый начальник ОББ НКВД КБАССР капитан Бижев требовал, чтобы при поиске бандитов в заминированных местах «сперва пусти проводников, а за ними бойцов»⁹⁶.

То ли для облегчения опознания, то ли для устрашения, с апреля 1943 года работники НКВД отрубали и забирали головы убитых бандитов⁹⁷, что, безусловно, не способствовало их быстрой легализации. Дело дошло до того, что в 1945 году, когда банда, с целью присвоения скота, убила двух членов другой группы, то ОББ вынужден был признать, что «у расстрелянных ими бандитов были отрублены головы, а вещи сожжены с целью завуалировать свое участие в убийстве... создав впечатление у других бандитов о действиях войсковых подразделений»⁹⁸.

С первых же чисел февраля 1943 года в Черекском районе начало работу новое руководство. На все ключевые посты назначили людей со стороны.

Энеева на посту первого секретаря заменил Жанакаит Залиханов. Из пяти членов бюро РК ВКП(б) трое пришли из Объединенного партизанского отряда: бывший командир Хуламо-Безенгиевского партизанского отряда Х. Бозиев — председатель РИКа, Ю. Макитов — секретарь РК ВКП(б), М. Куашев — начальник РО НКВД.

Руководству района были известны подробности недавних Черекских событий: исполнители акций, количество — более или менее точное — человеческих жертв, жилищно-имущественные потери*.

В официальных документах районных структур в разное время будут приводиться следующие цифры: а) погибших местных жителей — 393 (в том числе до 16 лет — 162 чел.), 373, 458, 713, 723¹⁰¹. Следует отметить, что цифра 713 приводилась, как точно установленная, от отдела здравоохранения, до составления актов со списками, а позже, когда списки были отправлены, то в документе появилась

* Относительно степени осведомленности руководства республики: в ноябре (между 27 и 30, точная дата не определена) по заданию Кумехова шесть человек — среди них Каширгов, высокопоставленный сотрудник НКВД, партизан, в 1943 году начальник политотдела УМ НКВД КБАССР, имена остальных не установлены — «поехало в Черекский район для восстановления советской власти», которое они, по утверждению Каширгова, «не плохо выполнили». Позже это подтвердил и бывший командир ОПО Царяпин⁹⁹.

По версии Кумехова, которую он выдвинул в 1975 году, о событиях в Черекском ущелье он узнал в сел. Комунты ночью и сразу уже, проскакав верхом на лошади 40 км до пос. Калух (оба пункта в Северной Осетии), где располагался штаб какой-то воинской части, дозволил Шикину и потребовал прекратить военные действия. Затем он преодолевает еще 30 км от Калуха до фанерной фабрики. К его приезде военные действия прекращаются, и он высылает для организации похорон Энеева — первого секретаря Черекского РК ВКП(б) и Настуева — председателя колхоза Ташлы-Тала¹⁰⁰.

та же цифра, но несколько измененная — 723, т. е. исполком использовал две цифры — одну «официальную» (373, 393, 458), а другую — для внутреннего пользования (713, 723);

б) сожженных домов — 400, 413, 519¹⁰²;

в) бескоровных семей (т. е. тех семей, кто потерял коров в ноябре—декабре 1942 г.) — 504, из них 267 семей военнослужащих¹⁰³.

Летом 1943 года, по указанию из Нальчика, в Черекском районе начали составлять акты, в которых убийство мирных жителей, угнанный отрядом Накина и реквизированный отступающей армией частный и колхозный скот, поджог домов и имущества объявлялось делом рук немцев и бандитов. Соответствующие указания, по свидетельству Залиханова, бывшего первого секретаря РК ВКП(б), председатель РИКа Бозиев получал от председателя Совнаркома КБАССР Ахохова¹⁰⁴. В свою очередь, Бозиев собрал всех председателей и секретарей сельсоветов и передал им установку руководства¹⁰⁵.

Специальная комиссия с вошедшими в них председателями и секретарями советов, составили сотни актов с указанием в них ущерба, нанесенного немцами и бандитами имуществу граждан и колхозников Черекского района. Два акта были посвящены расстрелам, соответственно: по сельскому совету сел. В. Балкария, сельсовету — Ср. Балкария. Всю вину свалили на немцев, Жангуразова, Занкишнева и Табаксоева. В актах привели поименные списки погибших¹⁰⁶.

Немцам и пособникам, т. е. бандитам, приписывалось сокращение на $\frac{3}{4}$ поголовья общественного скота района: лошадей — на 891 голову; крупного рогатого скота — на 2773 головы; овец и коз — на 41 672 головы¹⁰⁷.

Сокращение поголовья произошло не «в период хозяйствования в районе немецко-фашистских захватчиков и их сообщников», как докладывали, а несколько раньше — в ноябре, когда отрезанная от баз снабжения 37-я армия, находящаяся на территории района вместе с руководством республики, получала без каких-либо ограничений скот для пропитания. Однако летом 1943 года о поставках скота действующей армии предпочитали не упоминать.

Выступая 15 октября 1942 года на пленуме обкома, Кумехов сказал: «Наиболее хорошо сохранили скот горные районы — Эльбрусский, Чегемский, Черекский». Скот перед вступлением 37-й армии был, его могли использовать в таком количестве либо Красная Армия, либо немцы. Последнее не брали.

Руководство Черекского района явно перестаралось, т. к. по данным ОББ балкарские бандиты разграбили 15 660 голов крупного и мелкого скота и 778 лошадей. Надо отметить, что данные от руководства района и от ОББ поступали в Москву по разным каналам.

Именно в 1943 году была подведена вся документационная база для выселения балкарского народа, и именно в Черекском районе набирались основные данные. Началось с массовых арестов, произведенных в начале февраля по приказу Филатова. Всего за год арестовали 400 человек, а 316 из них изъяты до 1 апреля. Их, вне зависимости от степени вины, рассматривали как бандитов или бандпособников.

Весной—летом 1943 года по указанию руководства республики все содеянное отрядом Накина и партизанами в Черекском ущелье переписывается на немцев и их «пособников-бандитов», возглавля-

емых Жангуразовым, Занкишиевым, Табаксоевым, Османовым и другими.

Еще в январе 1943 года Кумехов, Ахохов и Ульбашев заявили жителям Черекского района, что Занкишиев и Табаксоев «являются главными виновниками бессмысленного кровопролития в ноябре 1942 года».

Руководство Черекского района безропотно составляет несколько сот актов и передает их в республиканскую комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников, где они утверждаются, а сводные данные передаются в Москву. Комиссию возглавляли З. Кумехов, члены — Х. Ахохов, А. Сасиков, И. Ульбашев, С. Филатов.

В результате таких действий, преступления черекских «бандповстанцев» резко увеличиваются. Все это происходит на фоне действующих «банд-групп» и соответствующих докладов наркома внутренних дел Бзиава, направляемых им в Москву. При этом за весь период работы Бзиава наркомом ни один балкарец — будь то мужчина, женщина или подросток — не ставится на оперативный учет как дезертир или нелегал, а только как бандит.

Свое видение «балкарской проблемы» Бзиава довел до Берии в июне 1943 года: «Проведенные до сего времени агентурно-оперативные мероприятия совершенно не достаточные и не обеспечивают как ликвидацию существующих банд, так и локализацию имеющуюся у местного населения тенденцию к дезертирству из РККА и уклонению от призыва и мобилизации, впоследствии пополняющих и увеличивающих количество ныне существующих банд-групп»¹⁰⁸.

По данным ОББ, штаб банды Занкишиева находился в Сауту в доме Гумаева, Мустафы

Сарбиевича¹⁰⁹. Дом сожгли люди Накина, видимо, совместно с партизанами, ибо, как уже упоминалось, партизаны записали в свой актив уничтожение штаба бандитов.

В результате, в исторической и мемуарной литературе — «Очерки истории балкарского народа» (Нальчик, 1963), «Очерки истории Кабардино-Балкарской организации КПСС» (Нальчик, 1971), Захаров Ф. В., Романов И. В. «Плечом к плечу» (повесть-хроника), Давыдов И. В. «Героический труд народов Кабарды в Великой Отечественной войне» (Кабардинская АССР. Нальчик, 1949), «Кабардино-Балкарская правда» и в других изданиях — Черекские события оказались искаженными. Одни авторы пытаются объявить немецких оккупантов прямыми виновниками массового расстрела граждан, другие умалчивают об этой трагедии. Вместе с тем в указанной литературе дается высокая оценка боевым и «чисто человеческим качествам» непосредственных участников Черекской трагедии — П. М. Козлова, Е. И. Шикина, Ф. Накина. Имя П. М. Козлова увековечено в названии одной из улиц Нальчика, а Ф. Накину предполагалось воздвигнуть памятник в сел. Зольское.

В завершение необходимо отметить, что для возникновения положения, подобного Черекскому, в то время имелись и объективные, и субъективные факторы на территории всей республики, однако они в результате ряда совпадений обусловили развитие ситуации в крайней ее форме именно в Черекском районе — в один из самых тяжелых, неподходящих моментов — что и дало свои кровавые плоды.

ВМЕСТО ВЫВОДОВ:

— В результате серьезных деформаций политической системы, органы НКВД и МГБ вышли из подчинения закону и обществу. Они творили произвол и насилие над многими честными людьми страны, и Кабардино-Балкария никак не была в этом смысле исключением. Так, в марте 1941 года освобожденный от должности Председателя Президиума Верховного Совета республики Мокаев Хазрет Гонаевич был объявлен неблагонадежным и обвинен в создании в селениях Балкарии повстанческих групп, способных выступить в тылу Красной Армии в случае возникновения войны между СССР и капиталистическими странами. За три месяца до начала войны Мокаева Х. Т. объявили отцом-основателем будущего бандповстанческого движения. Он был арестован в начале ноября 1941 года, осужден в 1943 году после Черекских событий, а реабилитирован посмертно только в 1958¹¹⁰.

— В период осуществления социально-экономических, политических и культурных преобразований не учитывались национальные особенности, религиозные и традиционные устои, особенности экономического и бытового уклада.

Осуществление насильственной коллективизации, индустриальный атеизм, приоритет классовых интересов над общечеловеческими ценностями, преследование инакомыслия — все это вызвало протест и содействовало формированию антигосударственных явлений.

— Постоянная закулисная борьба за власть породила такие уродливые явления, как доносы

ство, навешивание ярлыков не только на отдельные личности, но и на большие группы людей.

— Ошибки и просчеты командиров Красной Армии при проведении боевых операций способствовали дезертирству. Это особенно проявилось в августе 1942 года, когда 115-я Кабардино-Балкарская дивизия была направлена против танковых колонн немецких войск. По мере отступления 37-й армии и приближения фронта к Кабардино-Балкарии, количество дезертиров увеличивалось.

— Ухудшение социально-экономического положения трудящихся, кризис партийно-государственных структур в оккупированной немцами Кабардино-Балкарии, ошибки, допущенные при легализации дезертиров, убийство мирных жителей привели к небывалому обострению криминогенной ситуации в Черекском районе.

— Под предлогом захвата дезертирами районного центра сел. Мухол, зенитной пушки, а также убийства нескольких красноармейцев около сел. Сауту, командование 37-й армии 11-й СД НКВД издало преступные приказы, которые спровоцировали геноцид мирного населения Черекского района.

— С 27 ноября по 4 декабря 1942 года сводным отрядом 11-й СД НКВД под командованием капитана Накина с участием около 15 партизан из Объединенного партизанского отряда Кабардино-Балкарии, под предлогом борьбы с бандитизмом в Черекском ущелье, было расстреляно около 700 жителей (поименно удалось установить 377 человек, в том числе детей до 16 лет — 155), сожжено не менее 519 домов с имуществом и хозяйственными постройками, угнано значительное количество скота.

Впоследствии факты массового расстрела командование дивизии и армии обосновало тем, что

бандиты якобы активно сопротивлялись отряду Накина. Это не соответствует действительности, так как отряд Накина вел войну с мирным населением. До 4 декабря 1942 года красноармейцами не был убит ни один бандит.

— Какие бы преступления не совершали отдельные представители Черекского района, это никому не давало права на массовое физическое уничтожение населения — женщин, инвалидов, стариков, детей.

— Карательная акция Красной Армии вызвала ответную реакцию у мирного населения, которое с оружием в руках стало защищать себя от истребления.

— Трагические события в 1943 году, по указанию партийного и советского руководства республики, районные органы власти задокументировали актами как злодеяние немцев и их пособников-бандитов Черекского района. В результате, в исторической и мемуарной литературе указанные события оказались искаженными.

ВОСПОМИНАНИЯ
ОЧЕВИДЦЕВ
ЧЕРЕКСКИХ
СОБЫТИЙ

Свидетельства очевидцев Черекской трагедии, вне всякого сомнения, дополняют и уточняют картину событий, и без них описание произошедшего не давало бы нам в достаточной мере полного представления о кровавых днях ноября—декабря 1942 года.

Жители ущелья — в большинстве своем колхозники, не имеющие полного среднего образования, простые труженики, очень часто не помнящие точных дат, цифр, фамилий, имен. В отдельные моменты их рассказы сбивчивы и непоследовательны, и иногда предлагаемые ими версии случившегося в чем-то противоречат друг другу.

Однако все это понятно и объяснимо, и, видимо, нет нужды подробно анализировать причины подобных расхождений. Ведь человеческое сознание — вещь зыбкая, даже в спокойной обстановке наше восприятие глубоко субъективно, тем более это относится к людям, находившимся практически в шоковом состоянии. Эти люди выжили в боине, устроенной нашей армией, армией, в солдатах которой горцы видели свою опору и защиту. И теперь со страниц этой книги они просто рассказывают нам, пришедшим на эту землю после них, то, что сохранила их память. То, что было выхвачено их зрением и слухом из чудовищного калейдоскопа убийств и несправедливости.

Жители балкарских селений, рассказы которых вошли в эту книгу, живые люди, абсолютно не похожие друг на друга. Авторы постарались максимально широко охватить различные возра-

стные и социальные группы. В текст включены воспоминания и тех, кто в 1942 году были совсем детьми и донесли до нас лишь разрозненные эпизоды событий; и тех, кто был достаточно близок к республиканским и районным властям; и тех, кто волею судеб вынужден был скрываться в горах...

Язык воспоминаний гол и безыскусен, и в приведенных ниже текстах, в сущности, отсутствует какая-либо литературная обработка. Это — правда, а она не нуждается в украшении и нивелировке. И пусть правда этих слов является в каждом отдельном случае правдой одного человека... У жителей балкарских аулов Черекского ущелья есть право на такую истину — оно оплачено кровью их родных и близких, друзей и знакомых, их собственной.

Воспоминания очевидцев Черекской трагедии записаны и собраны в течение 1990—1993 годов В. М. Аталиковым, Х. Л. Бичиевым, М. О. Темиржановым, Б. Б. Темукуевым, А. И. Тетуевым.

Авторы с сожалением констатируют, что в силу ряда причин им не удалось собрать фотографии всех очевидцев Черекских событий.

**БАЙСИЕВ
МУХАДИН
МАГОМЕТГЕРИЕВИЧ,
1928 г. р.**

Среди ночи меня разбудила мать и попросила выяснить, что за шум слышен в Сауту. Едва я вышел во двор, как у соседнего дома раздался топот. Осторожно выглянув из-за забора, я поймал как раз тот момент, когда один из солдат бросил в окно гранату. Я бегом вернулся обратно, и мы с матерью спрятались в большой картофельной яме.

Подойдя к нашим дверям, красноармейцы попытались выбить ее, но не смогли и, дав пару очередей в окна, ушли.

Утром нас разыскал Мисиров Тета, и, узнав, что в его доме собрались люди, мы с матерью пошли к нему.

У Тета пряталось более полусотни жителей Сауту, в основном женщины, старики, дети, и так как малолетки и грудные дети беспрерывно плакали, нас вскоре нашли.

Это было на следующее утро. В дом зашли солдаты и попытались выгнать людей на улицу. Когда это не получилось, они вышли и с улицы бросили в переднюю комнату гранату. Не могу сказать, скольких убило этим взрывом, сам я был оглушен и ранен в правую руку.

Мисиров Ахмат, сын Зейтуна (в Сауту жили два Ахмата из рода Мисировых), видя, что оставаться нельзя, закричал, чтобы выходили женщины и дети — их, мол, солдаты не тронут. Люди сгруди-

лись у выхода, а мы — шестеро подростков — разобрав кладку, сквозь дыру выбрались из дома и убежали к Мисирову Шикау.

Здесь от солдат пряталось человек 30. В скором времени сюда пришел Мисиров Тета и сообщил, что военные устраивают какое-то собрание для жителей села.

Люди, однако, боялись и ни на какое собрание идти не захотели. Пошли три молодые девушки, но и они скоро вернулись в слезах и рассказали, что люди, собравшиеся в доме Тета, уже расстреляны*.

Боясь дальнейшего, мы шестеро ушли в глубь строений усадьбы Шикау и спрятались в одном из сараев, обложившись кизяком.

В течение нескольких дней мы сидели там, без питья, еды и, из-за отсутствия воды, пили мочу.

В конце концов, на 6—7-й день я через дымовое отверстие вылез на крышу. Село сгорело — не все, конечно, но значительная часть домов. Развалины их еще чадили.

В соседнем дворе, с другой стороны склона, коношился солдат. Кажется, я успел спрятаться, когда он посмотрел в мою сторону. Как потом выяснилось, красноармейцы остаток дней, проведенных в Сауту после расстрелов, посвятили мародерству. Вспомнить все, что было вывезено из Сауту, я, конечно, не могу, я этого и не знал никогда, однако могу сказать, что у нас дома забрали все ткани — большой сундук; у Мисирова Цуа вообще всю саклю вычистили, скотина тоже вся пропала.

Вечером солдаты начали сжигать оставшиеся дома. Дождавшись ночи, мы и другие жители

* Все, включая грудных детей, — всего около 60 человек.

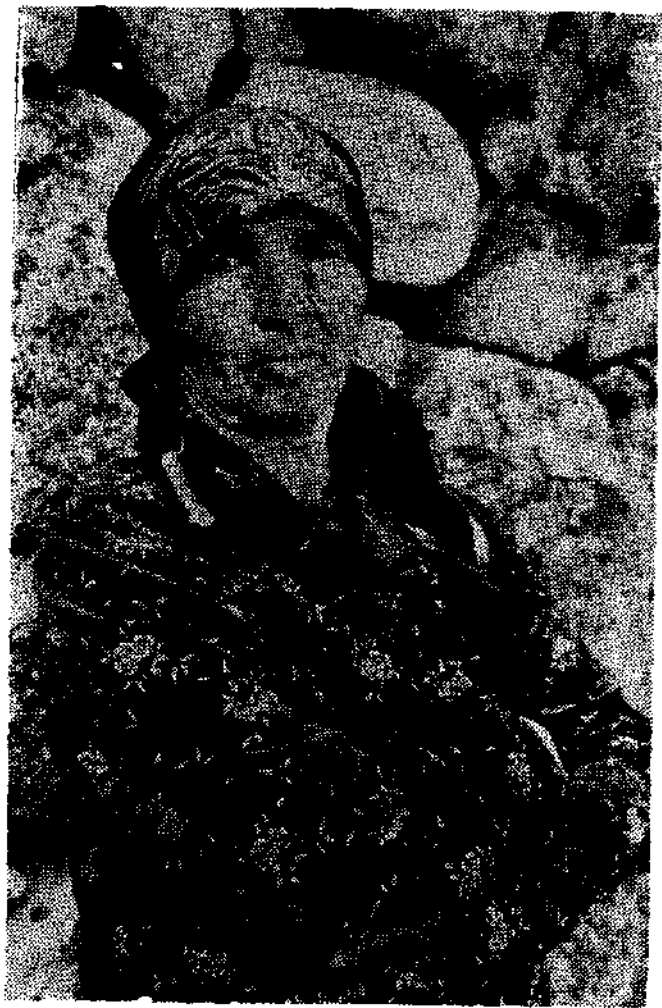
села — всего человек 30 — бежали в горы — в местечко Зына Дорбун баши. На следующее утро двинулись еще дальше, а я, отдельно от всех, пошел в Дурмет, где, по моим предположениям, должны были собраться люди нашего рода. Мы прятались в горах около недели и вернулись в село только после ухода частей Красной Армии из ущелья.

Что касается причин всего этого, то я лично сказать ничего не могу. Конечно, были и дезертиры, были и те, кого называли бандитами, — сам я считаю, что они таковыми не являлись. Но их было не так уж и много, а уж про их нападения на армейские подразделения и говорить не стоит — не было такого...

До описанных событий все они сидели тихо, как мыши, а простые жители сел всем, чем могли, помогали солдатам — во всяком случае ни в хлебе, ни в айране никто из проходивших отказа не получал...

**БАЙСИЕВА
(МАМАЕВА)
ТАНИ
МАГОМЕТГЕРИЕВА,
1935 г. р.**

Мне тогда было семь лет, поэтому, может, что-то и забыла. Но помню — когда началась стрельба, Мисиров Зубей стал прятать наши вещи во дворе. Брат мой был у бабушки по отцу. Когда начали расстреливать всех подряд, мы ушли к другой бабушке. Едва мы пришли туда — опять стрельба. После того как застрелили сына Мисирова — Ахмат-эфенди, мы опять перебрались в другое место, боясь, что и нас убьют. Там нас было человек 60, нас нашли в конце концов и, сказав, что хотят провести собрание, вывели всех во двор. Несколько стариков попытались отделиться в сторону, и в это время начали убивать нас, женщин. Мы стояли возле стены, когда солдаты начали палить по нам. Видя, что помощи никакой не будет, некоторые начали читать зикир (молитву) и с богом на устах умерли от рук солдат. Самой последней упала молоденькая женщина, чья-то сноха. А я осталась под плотной шалью матери. Я даже не знала, что они умерли. Слышала жалкий шепот матери, просящей воды. Вместе с матерью там умерли и две мои сестры. Потом я выбралась из-под шали, но принести для матери воды не смогла: увидела, как солдаты, убивавшие наших родных, резали кур, и вновь спряталась, выглянув во второй раз, увидела, как они ели яблоки. Помню,

как сейчас, что они аккуратно срезали кожуру. Я снова спряталась под шаль. В это время еще раз проверили трупы. Мать, уже мертвая, лежала, вытянувшись, а я скрылась под большой шалью. Они меня не заметили. Но я тоже была ранена, потом насчитала пять ран....

Брат отца Байснев Окуб потом вытащил пулю из моего тела. Я была залита кровью и трое суток находилась рядом с матерью. После этого тайком добралась до дома, вышла к окраине Сауту, но никого не увидела. Потом встретила одного парня, Кульчаева Далхата, и вместе с ним присоединилась к какой-то группе беженцев.

Затем — уже смутно помню — вновь началась стрельба. После страшной ночи пришел Мисиров Исмаил и спросил, кто сможет идти дальше. Я заплакала, рассказала все, что было, и попросила взять меня с собой. Он закутал меня в свой тулуп и вынес в Дурмет. Там мне очистили раны, промыли. Там мы провели еще две ночи.

А из 60 человек никого не осталось, погибли все. Уцелела одна я. Из моих близких там были убиты: моя мать Цакоева Кызчык, сестра моя Буслимат, она была старшей в семье, взрослая девушка, ее младшая сестра Рахимат, моя бабушка Гузиева Кубул, Байсиева Коккай. Отец мой тогда похоронил пятерых.

**ГАЗАЕВ
МУХАДИН
БУТТУКОВИЧ,
1925 г. р.**

Вечером я пришел к сестре — проведать. Поужинали вместе, посидели, и потом я отправился к себе. Но до дома я дойти не успел — услышал выстрелы. Отец, мать и соседи тоже высыпали на улицу. Было примерно 10 часов вечера. Определить точно, где стреляют, было трудно, но кажется, звуки шли сверху — со стороны Сауту.

Надо сказать, что все села в ущелье располагались очень близко друг к другу. Это были, в основном, родовые поселения по 20—30 домов в каждом, но жили тогда большими семьями, и в среднем в ауле жителей было человек 200—250. Можно было найти места, где от скал одного склона до скал другого, а это километра 3—4 пространства, где возможно строиться, располагались три и больше селений.

Почему я это все рассказываю — человеку со стороны непонятно, как люди умудрялись прятаться, когда солдаты шли и убивали всех подряд. Жители ущелья могли быстро переходить из села в село, передавать друг другу новости и все такое. Да и строили тогда не так, как сейчас. Дома ставились веками, комнаты присоединялись друг к другу, и в старом семейном доме могло быть много помещений, некоторые из них даже выходов не имели — так, пустота где-то в глубине скопища построек — коровники, сарай — все это сюда же лепилось.

Так что в ином доме, чтобы найти человека, солдатам потребовалось бы раскидать по камням весь дом. Тут же — если село не в самой пойме реки, а на склоне — скалы, расщелины, пещеры; их иногда даже обстраивали под хозяйственные нужды.

Сейчас, когда кто-то вспоминает, как это было, как он прятался, многие, не знающие старых сел и домов, удивляются: как это — спрятался в доме? Мол, убивать не хотели, а так нашли бы.

Прятались, тем и спасались. А уж убивали всех, поголовно и не просто так, а искали, находили и убивали.

Короче говоря, в ту ночь все ущелье знало, что в Сауту (а это одно из самых больших сел было — под тысячу жителей разных родов) происходит что-то неладное. Под утро сказали: солдаты идут и убивают всех.

Следующий день провели дома — колебались: прятаться или уходить. В конце концов решили хотя бы отвести в безопасное место скотину, и на второе утро погнали овец за село Шканы, в горы. Однако не успели мы пройти и сотни метров, как шальная пуля со стороны ранила одну из овец. Вернулись домой, и мы — мой дядя по отцу, Газаев Кара, и я — вышли из села, чтобы все-таки уточнить, что как.

Недалеко от Шканы мы наткнулись на солдат и, спасаясь от них, бежали в местечко Ирцибаши, в горы. На следующий день и оставшиеся двое братьев моего отца с семьями перебрались туда же.

Не было ни пищи, ни топлива. Настолько ослабли, что не могли пройти пятиста метров, чтобы собрать ветки. Так мы протянули неделю.

Когда вернулись, увидели страшную картину. Сестра моя — Мару — была замужем за Темиржа-

новым Исмаилом. Один ее мальчик был убит на руках ее свекрови, второй пристрелен во дворе. третий — на ее руках. Его обгорелые останки завернули в кафтан и закопали.

Там погибли моя сестра, трое ее сыновей и свекровь... Да, их было пять человек. Убили всех и подожгли дом. Был ли там еще кто-нибудь, не могу сказать. Я других не видел.

**ГЛАШЕВ
КЯМАЛ
УЗЕИРОВИЧ,
1937 г. р.**

Помню мало. За день или за два до событий, мы, дети, ездили в Четет-Журт за дровами — там работала бригада из нашего села. Именно тогда в ущелье начали постреливать, и взрослые вернулись с нами. Интересно, что по дороге в Глашево нас догнал небольшой конный отряд — что-то сказали взрослым, и остальную часть пути мы уже шли не дорогой, а в обход и поверху.

Только добрались домой — все взрослые нашей семьи ушли в Коспарты, на похороны кого-то из родственников. Вернулись вечером, а мать осталась у своего брата. Этой ночью все и произошло. Все мы жили в одном старом доме. Все — отец, его четыре брата со своими семьями и их мать. Деда в живых уже не было, а Рамазан — один из братьев — был в армии. Старшим был отец. Среди ночи дверь распахнулась от сильного удара. Мы, дети, лежали втроем на одной кровати в первой комнате, а отец находился в следующей, поменьше. Один из вошедших — а было их три-четыре человека — откинул покрывало, под которым лежали мы, и обернулся к остальным: «Здесь дети». Ему что-то ответили, он прошел к дверям комнаты родителей и заглянул туда. Не увидев отца он не мог, но прикрыл дверь и сказал, что никого нет.

Они повернулись и уже начали выходить, но тут отец, видимо, не успевший в своей комнате, вышел сзади.

Один из пришедших ухмыльнулся: «Ты-то нам и нужен». Отец пошел с ними, и потом мы слышали, как они поочередно собрали всех братьев, кроме Гитче (Абусалама?), который сумел как-то спрятаться в доме. Захватив с собой бабушку, прибежавшую на шум, эти люди завели их в одну из комнат дома и расстреляли. Из братьев выжил только Ахмат.

Мы же на рассвете ушли в местечко Кызыл-Кая и жили там недели две.

**ГУЗОВА
(КИЛЬЧАЕВА)
САНИЯТ
ЖАНХОТОВНА,
1919 г. р.**

Я с двумя сыновьями — Магомедом и Мустафой, возрастом 5 лет и 2 года и 2 месяца — и мужем приехала в гости к матери (отца в то время уже не было в живых) с Лескенского фанерного завода, где мы жили. В Сауту мы пробыли месяц или два. Эти события произошли в ноябре. В тот день выпал снег, но очень мало. День был туманный.

В первую ночь расстрелов я ночевала не в родительском доме, а в доме дяди (брат отца) Кильчаева Гергока. Его убили на моих глазах. Стреляли издали, и я не видела стрелявшего. Расстреляли и его семью. В первую ночь к нам никто не приходил, мы слышали стрельбу и не выходили. Утром, когда стало известно, что в селе убивают, мы перешли в дом двоюродного брата отца Кильчаева Хасанби. Четыре парня, четыре брата — Исмаил, Жикир, Солтан, Билял — были на фронте. К ним собрались соседи и родственники, более тридцати человек, полагая, что этот дом никто не тронет. Там мы провели день и ночь. На следующий день нас нашли: открыл двери и вошел в дом один-единственный солдат в зимней форме наших войск.

Он вошел, а мы, как сидели, так и продолжали сидеть. Солдат не произнес ни одного слова, он расстрелял нас и вышел. У меня на руках был мой

младший сын, я его прижимала к груди. Одна пуля прошла через кисть моей руки, сердце сына и вошла в мой бок. В меня попали еще четыре пули. Стрелял он из автомата.

Мой старший сын, очень шустрый мальчик, хорошо говорил по-русски, наверное, даже лучше, чем по-балкарски, когда услышал голоса во дворе, вышел со словами: «Меня дяди не тронут». Его убили там же, около порога дома.

Тридцать человек было убито, уцелело ранеными — трое: моя мать, Мисирова Кеккез и я. Калекой, без еды, без воды, я провела девять суток с мертвыми. Раны мои были чем-то перетянуты, но не перевязаны как следует.

Были убиты: Хасан Кильчаев — хозяин дома — и его жена, их невестка Сюйдюм — жена Исмаила. К тому времени было известно, что Исмаил погиб на фронте. У Сюйдюм и Исмаила было двое детей, мальчик и девочка, они тоже были расстреляны вместе с матерью.

Потом пришел один старик. Он поднял меня и отнес к себе в дом. Я не знала, были или не были в то время войска в селе, т. к. у меня не было возможности выходить из дому.

В то время за живыми и мертвыми смотрели, первым помогали, вторых — прибирали. Карчаев Жикирия, Мисиров Иса, Мисиров Идрис, а также Байсиев Жикирия, Байсиев Окуф, Байсиев Махаметгерн. Это были старые люди, все они умерли.

Никто из представителей работников района или армии в похоронах жителей Сауту не участвовал.

**ЖАНГУРАЗОВА
(МИСИРОВА)
ХАЛИМАТ
МУСАЕВНА,
1930 г. р.**

...Брат моей матери — Таукенов Рамазан — и Токуев Хажимет шли сверху с сенокоса. Они неожиданно натолкнулись на наших солдат, и те погнались за ними. Но аллах спас их: разбежались в разные стороны и через ущелья, овраги добрались до дома. Это было под вечер. В эту ночь мне приснился сон: вся моя одежда покрылась черно-серыми пятнами. Но спала я крепко и никакой стрельбы не слышала. Будить меня, видимо, не стали. Утром я рассказала сон отцу, а он подсказал: «Такой нехороший сон следует рассказывать нечистым землям или мусору». Есть у народа такое поверье.

Сарай и наш дом стояли друг против друга. Двор сарая был большой, машина свободно заезжала. Пошла и рассказала свой сон в сарае. По пути нашла патроны, мелкие такие, красивые, наверное, автоматные. Не знаю почему, но собрала их и пришла домой. По одному, по два человека начали сходить люди: женщины, дети. Среди них было и четверо мужчин — двое стариков и два несовершеннолетних паренька. Все думали, что убивают только мужчин, и были уверены, что стариков, женщин и детей не трогают. Поэтому старики и не боялись, но нас на улицу отец не выпускал.

С нами была мать Мисирова Юсуфа Хажимырзаевича, ему тогда было лет 15—16. Она все время

причитала: «Юсуф остался дома, навсрное, его убили» — и вскоре, забрав с собой мою старшую сестру Шерифу, ушла к себе. Шерифа сейчас живет в Кенже.

Немного погодя, отец вышел на улицу и, вернувшись, сказал: «Боже мой, убили Хуболову Кезибан и ее двух детей». Дальше он не стал рассказывать. Муж Кезибан, Мисиров Митяй, погиб на фронте. Солдаты застрелили его жену, детей, отца, мать. Отец взял лопату, тяпку и собрался идти хоронить Кезибан и детей, но в это время пришли люди и сказали, что солдаты убивают всех подряд, и что село ими переполнено. Отец остался...

Дом наш был большой и крепкий, но скоро в нем стало тесно... Шли со всех сторон, даже с нижнего конца села пришли Сарбашевы — Халимат и Жамият, сестра и жена Сарбашева Хусей...

Собралось много народа — где-то около 70 человек. Мать Мисирова Юсуфа (сама она из рода Мамаевых) нашла сына и вместе с моей сестрой Шерифой возвращалась к нам. Чтобы не убили Юсуфа, приняв его за взрослого, на него одели платье. По пути, недалеко от нашего дома, им встретился красноармеец.

Когда Стампул, Шерифа и Юсуф попытались скрыться, он сказал: «Вы мусульмане, и я мусульманин. Не бойтесь меня, я иду за водой». В руках у него были ведра. «Меня не бойтесь, но приказано уничтожать всех жителей этого ущелья», — добавил он.

Это может и сегодня подтвердить Юсуф, слава богу, живой еще. Шерифа спросила солдата, можно ли бежать в другие села. В ауле Турахабла жили родственники по матери, возможно, она хотела убежать к ним, но красноармеец посоветовал просто спрятаться поглубже. Он был казах или киргиз.

Вернулись они заплаканные. После этого закрыли ворота, задвинули большой деревянный засов. В доме отец сделал два тайника для хранения корма для скота и пищи. Говорят, что при белых некоторые спасали добро именно в таких местах. Это были две комнатки с замурованными входами. Отец хотел открыть комнату побольше, но мать отказалась идти туда. Тогда выбрали маленькую. Дверь ее выходила в сарай и была обмазана глиной, точно так, как стены сарая. Так что трудно было что-либо заметить. Со стороны большой комнаты было маленькое оконце, чтобы проникал свет. Отец снял его и забросил нас туда, хотя мы отказывались и просили, чтобы он спрятал только Ильяса. Но Шерифа настояла на том, чтобы спрятали нас всех, т. е. детей. Вместо стекла отверстие заложили фуфайкой Ильяса, и в полумраке трудно было догадаться, что там есть окно. Внутри комнатки была картофельная яма. Шерифа заставила срочно выгрести картофель и затолкала нас четверых туда, в эту яму. Мы были маленькие и худые и вчетвером находились там. Отец, бедный, как-то подбирался к нам и сообщал, что творилось в селе. Рассказал о том, что убили нашу старшую сестру, что сожгли мечеть. В это холодное время звуки распространялись далеко, и мы сами тоже слышали, как двигались солдаты.

Восемь детей моего свекра Мисирова Махмуда — потом он вернулся тяжело раненным — и его жена жили рядом с нами. Они тоже спрятались в нашем дворе. Дети его Солтан, Осман, Мурат, Мухадил, Музафар — пять мальчиков, Аминат, Салихат, Саният — три дочери. Старший сын прибежал в ту ночь с места работы. Все погибли, всех уничтожили в нашем дворе — мать и 8 детей. Мать звали Эркекан, из рода Габоевых. Уничтожили и семью ее

брата Ахмата... Более 60 человек были уничтожены в нашем доме. Это произошло на третий день...

Да, в полдень третьего дня. В первый день мы даже не осознали, что творится. Прошел второй день, мы уже спрятались. Наступил третий день. В полдень постучались в ворота, отец вышел и сказал: «Постой, постой, я сейчас открою». Он немного говорил по-русски. Солдаты с шумом ворвались во двор, вошли в ту комнату, где вначале сидели мы. Все разбросали, перевернули, но ничего не нашли и пошли туда, где сидели все. Сказали им, что будут проводить собрание и вывели под навес. Ахмат в это время был в яме, и Стампул столкнула своего сына, Юсуфа, туда. И он оказался в одной яме с Ахматом. Всех остальных убили под нашим навесом. Отца моего, Мисирова Мусу, Мисирова Мухая, Мисирова Хизира, Темиржанова Гитче, отделив от других, повели в подвал сарая и расстреляли там.

Я могу перечислить имена, но всех, наверное, не вспомню. Был старик Мисиров Батырбий, жена его Нанук, дочь Халимат, сыновья Хизир, Мухай, дети Мухая, жена его Наибхан, дочь Жансурат, вторая дочь Абидат, третья дочь Кёккёз. Имена сыновей забыла: в этой семье было 9—10 детей.

Тех четверых стариков, которых убили в подвале, не сожгли. Самый старший Батырбий, остальные женщины и дети, их всех расстреляли во дворе, точную цифру не могу назвать, более 60 человек. Их перестреляли, потом сожгли. Их стоны и крики до сих пор звенят в ушах. Стоны допоздна раздавались, но мы их в это время не видели, т. к. сидели в яме. Сожгли тоже не сразу. Сперва ушли, расстреляли всех и ушли. В это время Ильяс поссорился с Шерифой, он говорил, что нужно было погибнуть всем вместе, а теперь, мол, сгорим зажи-

во. Уже вечером они вдвоем вышли из ямы, где мы уже несколько дней стояли на ногах. Они так устали, что сразу же уснули. А мы, Хизир и я, остались в яме. Все стены нашего укрытия были пробиты пулями, был большой котел; так и его стенки тоже были пробиты насквозь. Нас спасла только яма.

Ночью я услышала голос, зовущий нас. Долго молчала, думая, что опять солдаты вернулись. Потом вышла из ямы, разбудила Шерифу с Ильясом, и тогда мы узнали, что это Юсуф ищет нас. Он рассказал нам, что всех убили, остались он и Ахмат. Он также сообщил, что солдаты сжигают все дома подряд и что срочно надо уйти, чтобы не стореть в доме. В нашем доме был очаг, над которым висела цепь для котла. Цепляясь за цепь, мы выбрались по дымоходу на крышу. Все горело, и было светло как днем. Наших убили последними, так я думаю, потому что сжигали дома, где были убитые. Пока до нашего дома не дошли. О том, что сжигают дома, отец нам сообщил еще тогда, когда был живой.

Мы, шесть человек, выбрались из села и спрятались в овраге возле нижнего кладбища. Через верхнее кладбище ночью выбрались за село. И только там выпили воды. Был снег, пробирал холод, а я была босая на одну ногу. Мы совсем обессилили, не могли двигаться: голодные, холодные, испуганные. Здесь Юсуф сказал, что где-то виделдохлую лошадь, и повел нас туда. Труп лошади не нашли и перешли в Дурмет, там заночевали под камнем. Чуть свет отправились в сторону Турахабла, хотели перебраться туда. Но по пути встретились еще с несколькими односельчанами и с ними вновь вернулись в Дурмет. Там мы находились еще девять дней. Потом сообщили, что армия ушла из се-

ла, и мы вернулись домой. Пусть и врагу не придется видеть то, что мы увидели в селе. Кругом дым, гарь, от горелого трупного запаха невозможно дышать. Не могли узнать убитых родственников: соединяли большие кости и хоронили как взрослых. Мелкие косточки собирали в наволочки и зарывали в землю.

Участвовали ли в похоронах наши солдаты или районные руководители? Из солдат Советской Армии и районного руководства никого не было. Хоронили родственники или односельчане, оставшиеся в живых. Из других селений были. Каркаев Мухамед увидел, как горит наш дом, пришел и помогал.

Складывали кости в ямы и сверху закрывали каменными плитами.

Немцы пришли уже после того, как всех похоронили. Пришлось и от них прятаться. Но они были всего несколько дней, никого и ничего не трогали.

**КИШТИКОВА
(ЭХЧИЕВА)
ФАЗИКА
ЛОКМАНОВНА,
1936 г. р.**

Мы жили в ауле Чегет-Эль, но в эти дни я как раз находилась в доме своей тети Зарият Гумаевой в Сауту. Сейчас сказать точно, в какой день все это началось, не могу — дат не знаю, ведь я тогда была совсем ребенком. Просто помню, что в одну из ночей началась стрельба, поздно ночью, мы уже легли. Думали, что стреляют дезертиры, удивлялись только, что так долго и часто палят.

Потом в дверь постучали. Когда мы открыли, на порог упала Ану Темиржанова, раненная в шею. Она и сказала, что пришли солдаты и убивают всех без разбору. Сама она, истекающая кровью, пробежала от своего дома метров 300.

Мы быстро оделись, решили спрятаться у Темиржанова Османа, но до того растерялись, что долго не могли решиться выйти из дома, сидели у дверей одетые и испуганные и чего-то ждали. Нас было 6 человек: Хусей Гумаев, Зарият, ее сын Нух — 15 лет, дочь Жангулез — 13 лет, Ану Темиржанова — ей было лет 16, и я. Досиделись до того, что пришли солдаты. Сначала мы слышали шум и выстрелы у соседей, у Темиржанова Омара, а потом стукнули и в нашу дверь. У порога стоял баран. Он заблеял, и на этот звук начали стрелять и бить в двери. Хусей сказал Зарият: «Открой, все равно сбегают». Двери открыли, и 5—6 солдат сразу же

ворвались в дом. На улице осталось еще человек 9—11. Они приказали выйти на улицу, мы взяли раненую Ану под руки и выбрались во двор. Нас построили по росту, и я оказалась последней. Только-только светало, и форму я, честно сказать, не разглядела толком. Зарият заплакала, запричитала, убьют, мол, сейчас Хусея.

В этот момент они начали стрелять. Первым убили Хусея. Я помню, как он упал, заскреб землю, потом перевернулся и как-то странно вытянулся. А все бросились обратно в дом — двери остались открытыми. Солдаты не гнались за нами, они стреляли в нас. Ранили всех, кроме меня. Уже в доме Зарият догнала пуля. Она умерла сразу, только вскрикнула. Я забилась в нишу под кроватью и оттуда видела все, что происходило в комнате, и часть двора сквозь дверной проем. Нух, Жангули и Ану, обняв друг друга, сидели на кровати, как раз на той, под которой я спряталась. Жангули и Ану умерли быстро, а Нух еще вставал и пил воду. Но пока во дворе были солдаты, он терпел, не шевелился и не стонал. Один солдат с огнем в руке зашел в дом и осмотрел его. Не знаю, заметил ли он, что Нух еще жив, но под кровать этот человек заглядывал, и я думаю, что меня видел, но ничего не сказал. Потом и другие подходили к кровати, приглядывались и прислушивались к Нуху, Жангули, Ану. Все они были в длинных шинелях и ушанках.

Вскоре они ушли, и после этого я слышала женские крики, такие надрывные, громкие, — это солдаты зашли в дом Махета-Хажии. Вот только после того, как они ушли оттуда, застонал Нух. Застонал, встал с кровати и выпил два черпака воды. Он был ранен в грудь. Я сказала ему из-под кровати: «Пойдем к нам». Но ни он, ни я идти не могли — он

из-за раны, а у меня кружилась голова. Мы легли, и я заснула, а утром Нух был уже окоченевший.

На следующий день, когда я, съевшись лежа под одеялом, появился какой-то высокий, смуглый солдат — казах или узбек, взял со стола еду, два ведра воды и унес. Вернувшись, он шагнул ко мне и откинул одеяло. Я даже не смотрела на него, лежала, крепко зажмурив глаза. Он несколько мгновений помедлил, набросил на меня одеяло и снова ушел.

Так, на кровати, под одеялом, почти не шевелясь, я провела день и ночь. А наутро почувствовала, что умираю от жажды. Встала и в средней комнате выпила из бочки рассол. Как раз в этот момент в дверь заглянул красноармеец. Я обмерла, но он ничего не сделал.

На третий день я так хотела пить, что все-таки вышла из дома. Во дворе была канава, где обычно плавали утки. Сейчас вода не текла, но на дне была лужа. Из нее я и выпила. Когда я встала с колена, то увидела солдата, идущего вдоль стены по улице, — у него еще из-за ворота шинели виднелось что-то вроде бархатного воротника, должно быть, поддел под шинель что-то. В одной руке он держал винтовку, а в другой — большой черный чемодан.

Солдат направил винтовку на меня и спросил: «Куда идешь?» Я развернулась и побежала, но не в дом, потому что боялась, что он погонится за мной, а к стоявшему поодаль стогу и быстро зарылась в него. Там и провела остаток дня и ночь.

Все время хотелось пить, голода не чувствовалось, хотя все, что я съела — это несколько черпаков рассола из айрана.

На следующий день я вылезла из-под стога, где-то в обед. И пошла вниз по улице рода Темиржановых. Повсюду были разбросаны платки, отрезь

материи, покрывала, валялись разбитые сундуки... У дома Сафии Темиржановой полулежала у забора ее убитая невестка — имени ее я не помню. На повороте улицы имени Карчаева Хасима, поставив винтовки у стены, толпились солдаты, одетые кто как, очень пестро: у кого каракулевая лапеха на голове, у кого бурка поверх шинели. Я, прячась за забором, вышла на большую улицу, они меня так и не заметили. Здесь я нашла воду в канаве и напилась.

Я пошла домой, в Четет-Эль, и, когда была уже достаточно близко, по мне со стороны села начали стрелять. Потом я узнала, что стреляли свои. Они в бинокль не могли разглядеть мое лицо и подумали, что идет переодетый в женское солдат. Не знаю почему, но в меня не попали. На границе земли Тикаевых был большой камень. За ним я увидела двух красноармейцев и, испугавшись, что они подстерегают меня, свернула в сторону, перебралась через забор во двор школы. А там Кайгермазов Кушу скотину стережет. Он, узнав меня, обрадовался: «О, аллах, откуда ты взялась! Живая!» Но в этот момент в стенку между нами ударили пули, и мы забежали в здание, где, как оказалось, собрались все Кайгермазовы. Они дали мне воды, я пила и не могла остановиться, пока меня не вырвало. Рассказала все... Мало это помню с этого момента. Тогда, как только я оказалась среди людей, у меня начало болеть сердце, я совершенно обессилела и была едва-едва в сознании.

Когда пришла в себя, сын Куму — Ахмат (ему было лет пятнадцать) отнес меня домой. Но здесь никого не было, и двери заперты. Только у соседей — Эльсуеровых — возился в доме старый дед — Зашу Эльсуеров. Он вернулся домой с коша, куда бежали все жители, и собирал еду для подствен-

ников. Старик был совсем глухой и упрямый, к тому же его сын воевал на фронте, поэтому Зашу считывал, что солдаты, если даже и встретят его, трогать не будут. Дед был рад видеть меня живой, накормил, напоил. А потом мы легли спать.

Зашу сразу захрапел, а я не могла. Вскоре сквозь оконца в стене сакли стал пробиваться свет. Мне казалось, что вокруг сакли навалили хворосту и подожгли, что снова пришли солдаты. В середине ночи Зашу тоже проснулся и вышел из дома. Я побежала вслед за ним. Мы увидели, что все село, вернее часть его, расположенная на солнечном склоне, объята огнем. Дома полыхали ярко-ярко, и дым был густой, с хлопьями сажи.

Старик согрел пищу, мы поели, начали собираться. Он взял хлеба, топленого масла, муки, яиц. При этом Зашу все время сокрушался, говорил, что ему надо уходить, что его родные на коше с голоду умирают. Он не знал, где находятся мои родители. В нерешительности Зашу несколько раз спускался к реке, ходил туда-сюда по берегу. Видимо, и перенести на ту сторону меня он не смог бы — слишком дряхлый был.

Рассвело. Хуртаев (Хуртуев) Муса вынес в огород свою больную жену — подальше от огня. Зашу пошел к Мусе, а тот ему говорит, что уходи, мол, старый, если сгореть не хочешь. Все это время я бегала за Зашу, держась за его одежду. Когда стало совсем светло, мы все-таки двинулись по улочке между горящими домами, а затем у мечети вернули на большую дорогу. Здесь Зашу закатал меня в тулуп, боясь, что меня заденет пуля, ведь стрельба не утихала с ночи.

Через несколько минут мы увидели сестру моего отца — Чанаеву (Цанаеву) Ужай. Жители, во всяком случае некоторые из них, еще оставались в селе,

но попрятались под камнями, скальными выходами, в различных расщелинах. Ужай обняла Зашу и заплакала. Она рассказала, что меня уже считали погибшей. Дальше мы пошли вместе и через какое-то время оказались в Гюлчю. Там семьи из Чегет-Эль прятались в пещерах. Горели костры. До этого люди 5—6 дней сидели без пищи. Затем четыре человека пошли в село разыскивать одного парня из рода Геляевых; он был больной, слабоумный и, когда жители перебирались в Гюлчю, сбежал обратно в Чегет-Эль.

Эти четверо не нашли беднягу, зато прямо перед нашим приходом они пригнали из села несколько волов и одного из них тут же зарезали на берегу.

Помню, что, еще не сняв с туши шкуру, мужчины нарезали мяса и зажарили его на вертелах для детей...

**КУЧУКОВА
РАУЗАТ
МАМЕЕВНА,
1936 г. р.**

Днем Калмыков — так звали моего старшего брата — видел, как через перевал прошло много людей. Он предложил Хавсат уйти из села. Хавсат — наша мачеха. Нас было двое детей от первой жены, она умерла, и отец женился на Хавсат. Она была беременна, скоро должна была родить и отказалась идти куда-либо. В доме нас было трое. Отца не было.

Ночью ударом выбили дверь и вошли в комнату. Узнали у Хавсат, где отец, а затем попросили воду. Их было много. Она подавала воду, кружка переходила из рук в руки. Они много пили.

Я не могу вспомнить, на каком языке произнесли слова: «Дай воду». Я тогда не знала русского языка. Или это было сказано на русском, и позже уже перевела, или это было сказано на балкарском. Они застрелили Хавсат и ушли...

**МАМАЕВ
БАРАЗ
КАПЛИЕВИЧ,
1918 г. р.**

Я по состоянию здоровья не был призван в армию. До оккупации ущелья немцами работал в Центральном статистическом управлении Черекского района, жил в селении Турахабла. Мы всем селом ушли в горы, как только стало известно, что в Сауту убивают всех подряд. Было это в ноябре, число я не припомню. В горах мы пробыли до тех пор, пока не прекратились убийства и поджоги в ущелье и отряд, совершавший все это, не покинул села. Сколько дней мы пробыли в горах, точно сказать не могу. В то время я слышал, что мирных жителей убивали и поджигали дома в селениях советские солдаты, но сам никого из них не видел, однако немцев в Черекском ущелье тогда не было.

Люди, вернувшиеся с гор в села, начали искать и хоронить своих родственников в Сауту. Там на похоронах никого, кроме балкарцев, уроженцев Черекского ущелья, я не видел. Сам участия в погребениях не принимал, но видел, проходя мимо селения, как собирают целые, полуобгоревшие и обгоревшие трупы и несут их хоронить на кладбище Сауту, где была вырыта траншея.

Немцы вошли в ущелье в какой-то период после нашего возвращения, то ли во время похорон, то ли несколько позже.

Работать секретарем сельского Совета в Верхней Балкарии я стал не сразу по восстановлении советской власти после оккупации, а после того как

мой предшественник на этой должности, Мустафа Туаевич Моттаев, был арестован. Дату (число и месяц), с которой я начал работать секретарем сельского Совета не помню.

Весной нас — председателей и секретарей сельских Советов Черекского района — вызвали в райисполком в Коспарты. Председатель Черекского райисполкома Бозиев провел с нами инструктаж. Сказанное им сводилось к следующему: необходимо составить акты, где нужно указать материальный ущерб, причиненный жителям, а также акты на погибших с указанием, что все это дело рук немцев.

Никто из присутствовавших Бозиеву возражать не стал. К тому времени в Черекском ущелье находился отряд по борьбе с бандитизмом под командованием Бижева, было арестовано множество людей, практически в селах не осталось мужчин.

Председателем нашего сельсовета работал безграмотный человек, который даже не умел читать, поэтому все акты составлял я. Делалось это так: вызывались люди и опросом определялись погибшие и имущественные потери семей. Умышленно ничто не упускалось. Если что-то пропущено, то только из-за недостатка информации.

Акт от 13 июня 1943 года написан не моей рукой, но подпись в акте моя. Сейчас я точно не могу сказать, чей это почерк. Список составлен на основании нашей информации.

Третий член комиссии Амитай Моллаев в то время работал секретарем партийной организации колхоза имени Кирова.

Все три свидетеля из колхоза имени Сарбашева: Хусей Жангоразов — председатель колхоза, Юсуп Мотаев — секретарь партийной организации колхоза, Хасим Карчаев — красный партизан.

Якуба Жангуразова я не знал никогда. Как земляков знал Баттала Табаксоева и Исмаила (второе настоящее его имя — Хутай) Занкишиева. Никто из них в расстрелах мирных жителей в Сауту и поджогах домов участия не принимал.

**МИСИРОВ
АБУЛЛА
ШИКАУОВИЧ,
1926 г. р.**

Осенью 1942 года мне было 16 лет, и жил я вместе со своими родителями, в селении Сауту Черекского района. В одну из ночей ноября нас разбудили частые выстрелы, раздававшиеся по селу. Мы не успели ничего сообразить, — а в доме, кроме меня, были: мать, невестка и двое ее детей — как снаружи внезапно выбили ставни, по нам, еще лежащим в постелях, начали стрелять. Меня пули не задели, они прошли выше и изрешетили одежду, висевшую на стене. Это длилось какие-то мгновения. Сразу после этого я выскочил на веранду и увидел, что стрелявшие были бойцами Советской Армии. Их видела и моя мать: раненная, она поползла из дома вслед за мной. Я был несколько ошеломлен, что поначалу даже не догадался посмотреть живы ли остальные. Но все они навсегда остались в доме...

Солдаты обстреливали дома наших соседей. Когда они отошли подальше, мы постарались выяснить, жив ли кто из родственников. Старшего брата отца — Цуа мы обнаружили истекающим кровью в подвале дома, и больше никого из родственников мы не нашли. Произошедшее позднее видится мне смутно... Мы прятались, убегали... В конце концов, мы вернулись к дому Цуа, где нас встретила его плачущая дочь — Цуа умер. На рассвете прибежала 4-летняя дочь Идриса, Фаризат, и сообщила,

что солдаты сжигают дома рода Темиржановых, она рассказала, что красноармейцы убили дочь Кичи Мисирова — Рахыймат. Кичи, услышав это, ушел искать тело дочери, но вскоре вернулся, т. к. село было наводнено солдатами, убивавшими всех подряд...

Я действительно не могу рассказать все по порядку — в те часы все перемешалось в моей голове. Перед глазами какие-то разрозненные картинки, короткие эпизоды...

Помню, как нас нашли. Всех вывели во двор, кажется, сказали, что будет собрание или митинг... Всех, практически всех представителей нашего рода, к тому моменту оставшихся в живых. Было нас человек 60, не меньше. Меня, кажется, спросили: «Ты бандит?», ну а остальные были старики, женщины, дети — им вопросов не задавали. Как, каким чудом уцелел — не знаю. В какое-то мгновение я бросился бежать и, видимо, так неожиданно для солдат, что пули их винтовок меня не задели. Сбежал и забился в какую-то дыру в стене...

Я слышал, как расстреливали наш род совсем рядом, за каменным забором. Все они умерли там, лишь жена Цуа Мисирова — Стампул случайно добралась до моего убежища, простонала, что она вся изранена, и тут же, на моих глазах, скончалась.

Ночью, когда уже горели почти все дома, мы, оставшиеся в живых, вышли из Сауту. У пещеры возле нашего огорода собралось несколько человек — это был один из самых неприметных выходов из аула, — выпили воды из реки и двинулись вверх. На следующий день через Курнаят добрались до местности Дурмет, где и жили несколько дней, кто как мог — в пещерах, в расщелинах, под камнями. Через несколько дней кто-то сказал, что солдаты

ушли, и мы вернулись в Сауту. Некоторые дома выгорели полностью, остались одни стены из камня, другие еще чадили. Были сакли, почти не пострадавшие, — редко, но были...

Все последующие дни мы разыскивали и хоронили своих близких. Из соседних сел приходили люди, помогали, но мертвых было много, мы все равно не успевали, тем более, что огромное количество тел обгорели настолько, что родные узнавали их только по случайным предметам — кольцу, брошке... Иные вообще в золу превратились — хоронили только кости. Отдельные могилы мы, конечно, уже не рыли, а выкопали траншеи в пять рядов, в них и уложили всех погибших. Там были похоронены и семьи трех братьев отца — Цуа, Тета и Кичи Мисировых.

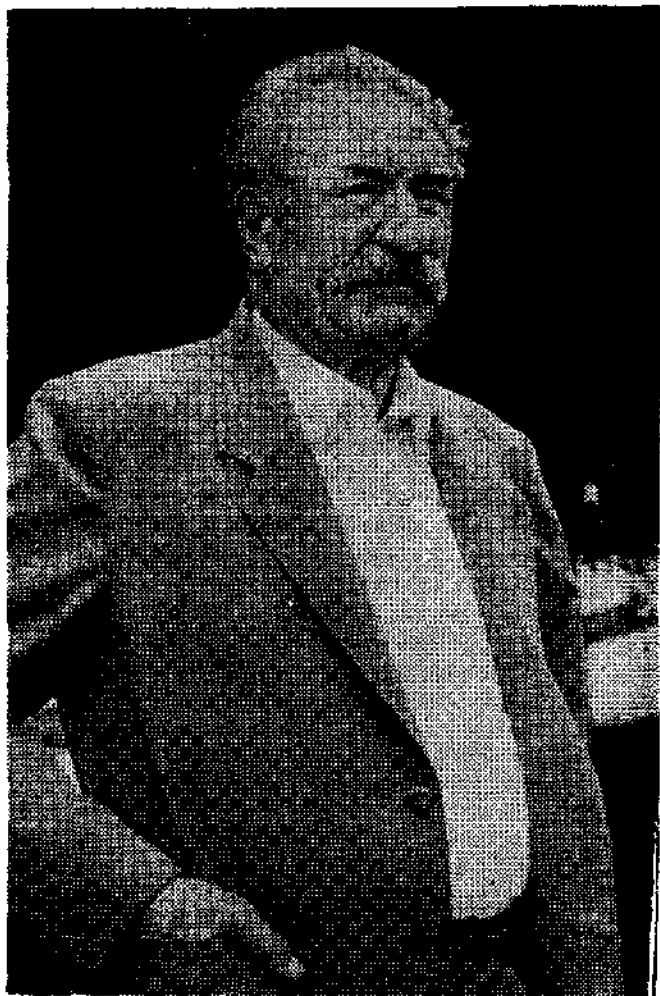
**МИСИРОВ
АЛИ
ЧЕФЕЕВИЧ,
1918 г. р.**

В октябре 1942 года я вернулся домой в село Сауту. Прибыл на три месяца из эвакогоспиталя Ростова, где находился после осколочного ранения и тяжелой контузии, полученных мной на Донбассе.

В октябре — ноябре через Сауту постоянно проходили войска, отступавшие на Орджоникидзе через Ташлы-Талу; дезертиров — и не только своих — хватало, но конфликтов с частями регулярной армии не было, страдали только разрозненные группы солдат — едва ли не таких же дезертиров. Да и их не трогали, отбирали оружие и отпускали.

Фронт был уже близко, руководство района разбежалось, говорили, что ушли в Ташлы-Талу, и единственной властью было командование какой-то части, численностью около батальона, стоявшей в больнице рядом с селом Мухол. С этого отряда все и началось. Начали исчезать люди. Вскоре стало известно, что их задерживают бойцы отряда, уводят в больницу и больше о них — ни слуху ни духу.

Как раз в этот момент на окраине Сауту отходящими войсками была оставлена пушка — большая зенитка — вместе с расчетом. Она застряла на подъеме дороги, а помогать расчету, видимо, не стали — отступали в спешке, и порядка никакого не было. Про пушку, естественно, узнали те, которые считались бандитами и скрывались от властей. Они пошли в Сауту и уговорили расчет пушки об-

стрелять больницу. Пушку откатили на руках до Кунньюм, и, кажется, из развалин Абай-Кала она обстреливала больницу, вплоть до ухода ее гарнизона в Ташлы-Талу. Было это приблизительно 25 ноября. Сразу после ухода солдат жители сел обыскали здание больницы и в подвале нашли 7—8 трупов тех сельчан, что пропали раньше.

На третий день после ухода военной части из больницы, появился отряд Накина. Села ущелья волновались. Я тоже не знал, что делать, ведь я работал ответственным секретарем райисполкома и, естественно, не собирался дожидаться прихода немцев.

В то же время ни малейшего намека или указания по сворачиванию работы органов власти не поступало. Ночью 27 ноября я со своим годовалым сыном ночевал у тестя. Утром вместе с несколькими товарищами мы собирались уходить в Ташлы-Талу. Приблизительно в 2 часа ночи началась стрельба. Шум, крики, автоматные очереди, взрывы; понять, что происходит, я не мог, а по дому уже стреляют. Все, кто был в доме, разбежались кто куда, я же, как был в нижнем белье, так и спрыгнул в картофельную яму. Через некоторое время я выглянул.

Солдаты гоняли людей и расстреливали группами по 5—10 человек. Всех. Женщины, дети — без разницы. Мисирова Алибека, а он полный калека был, пристрелили, не задумываясь. Убегавшим детям стреляли в спину...

Главное, поначалу я подумал, что нагрянули немцы, но теперь уже четко слышал русскую речь. Говорили чисто.

Сколько все это продолжалось — не помню. На фронте я никогда сознания не терял, а тут упал в обморок и сколько так пролежал — бог его знает.

А может, это и не обморок был, просто не соображал как следует.

Через какое-то время, может 3 дня, может 5, я выбрался из ямы. И наткнулся на солдата — молодой парень, вроде киргиз. Он увидел меня, повернулся и убегает. Я идти не мог, только ползал — ведь было уже холодно, шел снег, а я был практически раздет. Не знаю, что подумал этот солдат, увидев меня, но выглядел я, должно быть, страшно.

Я позвал его, сказал, чтоб вел меня к командире. Когда добрались до штаба, я рассказал все о себе, но, видимо, меня это не спасло бы. На мое счастье в штабе Накина находился врач райбольницы, фамилия его, если не ошибаюсь, была Рубье. Он хорошо знал меня, знал, что я фронтовик, что я работаю в райисполкоме.

Меня уложили, врач растер меня гусиным жиром... Потом у меня поднялся жар, и остальное помню плохо.

Что могу сказать точно: разговоры о том, что Энеев якобы принимал участие в расстрелах, — неправда. Он, Настуев Далхат и какой-то кабардинец специально приехали, чтобы прекратить кровопролитие.

В одну из ночей разведка донесла, что со стороны Зылги подходят немцы, и этой же ночью отряд Накина снялся и ушел в Ташлы-Талу. Сам я остался в доме.

Все мои погибли — жена, сын, сестра с двумя детьми, но я не хоронил их — лежал больной, не в силах встать. Говорили, что целые тела попадались редко, в основном — обгоревшие останки, которые хоронили в мешках, наволочках, просто завернув в ткань...

**МИСИРОВ
ЮСУП
ХАЖИМЫРЗАЕВИЧ,
1925 г. р.**

В одну из ночей поздней осени 1942 года мы с матерью проснулись от треска автоматных очередей. Где-то через полчаса совсем рядом раздался взрыв, настолько сильный, что вздрогнул весь дом. Мы перебрались во вторую — большую — комнату. Остаток ночи провели, мечась между окнами и дверью, пытаясь хоть что-то разглядеть. Затем, рассчитывая, что ей безопаснее сделать это, мать пошла к родственникам. Она быстро вернулась и сказала, что, кроме Мисировой Шерифы, ни одного живого человека не видела, но та позвала ее к себе в дом, где, по ее словам, собрались многие.

Мать сказала, что ждать нам нечего, из семьи отца никого не осталось, и поэтому надо идти к Шерифе. На том и порешили. Так как мы знали, что в подобных случаях всегда охотятся за мужчинами, могущими держать оружие, мать накинула на меня свой большой платок, и в таком виде, замаскировавшись двумя старухами, мы благополучно добрались до дома Шерифы.

Там действительно собралось очень много людей. Страх лишает разума — люди сгрудились бездумно и нерасчетливо, ни еды, ни воды нет, дети плачут, даже по нужде и то сходить невозможно, все же вперемешку — мужчины и женщины.

Только на следующее утро люди начали приходить в себя. Один из старших, Мисиров Ахмат, начал наводить порядок. По его указаниям мужчины

прятали труп подстреленной лошади. Женщины устроили какое-то подобие туалета, в собранной детской моче сварили картошку...

Прошли еще день и ночь. Утром третьего дня четверо стариков, неосторожно выйдя из дома, прямо во дворе были окружены солдатами. Их отвели за дом в потреб и расстреляли. Вернувшись, красноармейцы попытались открыть двери, и когда это не получилось, пригрозили, что подожгут дом.

Люди начали выходить. Моя мать спрятала меня и Ахмата Мисирова в картофельную яму, закрыв ее досками и накинув сверху попону. Всех остальных выстроили во дворе и расстреляли из автоматов. Раненых убрали.

Среди ночи мы вылезли из ямы. В селе слышались неясные голоса, раздавались редкие выстрелы. Некоторое время Ахмат и я ползали среди тел, лежавших во дворе, но, убедившись, что все мертвы, решили спрятаться на крыше. Так и сделали. Среди убитых не было нескольких человек, в том числе и Шерифы. Мне почему-то казалось, что они спрятались в нише стены, где обычно живут собаки, — рядом с ней, но уже внутри дома был очаг. И я, собрав камешки, побросал их в дымоход. После долгой паузы оттуда отозвались. Меня позвали по имени. Тогда я сказал им, что солдаты идут и сжигают все дома, поэтому надо перебраться к нам.

Собравшись вместе (Ахмат, Ильяс, Хызыр, Шерифа, Халимат и я), мы решили уходить из села. Вновь разделившись, разными путями прокрались к яблоне, что росла на кладбище Сауту. Оттуда уже все вместе двинулись в Дурмет.

На пятый или шестой день, считая от первых выстрелов в Сауту, мы наконец оказались в безопасности, утолили голод и жажду. Спасибо пастухам — без их радушия и человечности мы бы погибли.

МОКАЕВА
(ГЛАШЕВА)
Зоя
АХМАТОВНА,
1934 г. р.

У моего деда, Глашева Гергока, и бабушки, Оркуят, урожденной Эдекаевой, в то время было в живых пять взрослых сыновей: Узеир, Хызыр, Ахмат, Абусалам, Рамазан. Все женатые. Они жили отдельными семьями, но под одной крышей большого дома. У Узеира было два сына и две дочери, у Хызыра — два сына, у Ахмата — пятеро детей, у Абусалама — один сын, у Рамазана — одна дочь. Рамазан был на фронте, а остальные братья не призывались и жили в селе.

В тот день наши были на похоронах в Коспарты. К вечеру вернулись домой, только жена Узеира осталась в Верхнем Чегете, у своего родного брата, Эндреева Жагафара.

После ухода в армию Рамазана, который жил с бабушкой (деда к тому времени уже не было), с ней ночевала я. Бабушка дала мне кусок сахара и сказала: «Что-то мне неспокойно, пойду скажу ребятам, чтобы они укрылись в старом доме: там безопаснее». Старый дом располагался в стороне от нового, и там держали скот. С этими словами она вышла во двор, а я осталась в комнате. Во дворе бабушка увидела своих сыновей, которых вывели из комнат и приготовились расстрелять. Мой отец еще сказал: «Зря ты вышла, им и нас хватило бы». Затем их всех вместе с бабушкой завели в

нашу комнату. Днем к нам приходили гости из Чегета, поэтому у нас были выставлены скамейки в ряд, их не успели прибрать. Трех сыновей — Узеира, Ахмата, Хызыра и их мать, Оркуят, заставили поднять руки, лица осветили фонариком, посадили на скамейку и начали в них стрелять. Я лежала на кровати и все видела из-под одеяла. Когда убили всех, повернулись в мою сторону и выстрелили один раз по кровати, пуля прошла выше. Меня не освещали фонариком, и поэтому не могу утверждать: заметили они кого-то или нет. Скорее всего, выстрелили просто так.

В грудь бабушки попало пять пуль, но она умерла позже своих сыновей. Она еще успела обнять всех их и умерла, обнимая Узеира. Узеир, у которого в комнате остались дети, видимо, пытался доползти до них, но не смог выйти из комнаты. Он бился головой о порог и так и не переполз через него и скончался в объятиях своей матери.

Я оставалась в комнате до утра, никто уже не двигался, у порога во дворе караулил часовой, который был мне виден. Вскоре он ушел. После этого я пошла в комнату к матери. Она ничего еще про расстрелы не знала и сидела, ждала мужа...

Наши комнаты были с одного края длинного дома, и, как оказалось, первыми они зашли к нам. Моя мать узнала среди них Османова Алиби, жена которого, урожденная Тогузаева, была ее родственницей.

Вторым вывели Хызыра, оставив жену и малых детей, третьим Узеира, а затем подошли к порогу комнаты, где находился Абусалам и хотели войти, но отец сказал, что его брат в армии. Абусалам был дома, но жена на стук не открыла дверь, и они поверили Ахмату и не стали настаивать, и как раз в этот момент вышла бабушка.

...Мать осмотрела всех, но, кроме отца, живых не было. Она положила под него большой толстый платок и ушла. Давать ему воду оставили мою младшую сестру, которая была на два года моложе меня.

Утром, обойдя все дома, мать сказала, что, кроме детей, никого в живых нет.

Ушло все село. Уходили в местечко «Зырых», где жили под большим камнем. Позже раненых тоже перенесли туда.

Жену Глашева Османа убили. Османа в ту ночь не было дома, он заночевал в каком-то селе, где он был днем на похоронах. Его старшая дочь забрала двух своих сестреноч-близнецов и ушла из села.

Близнецы были грудные, их сестра, которая тоже была молода, не сумела как следует их завернуть. Было холодно. К тому, когда к ним подошли взрослые, с которыми была я, близнецы уже остыли.

Кроме этих двух детей и своих из дома, которых расстреляли у меня на глазах, из мертвых я никого не видела.

**НОГЕРОВА
(ГЛАШЕВА)
ХАЛИМАТ
ИСАЕВНА,
1930 г. р.**

Сын Глашева Шахара, Салых, когда еще было светло, ходил по домам и говорил, что через Су-канский перевал перевалили и идут в сторону нашего села 16 неизвестных лиц. Никто не внял предупреждению.

В тот вечер дома были: Иса — отец, Фатимат — старшая сестра, она была замужем за Гериевым Исмаилом Чофановичем, к нам она пришла с сыном, Абдул-Керимом, он был младше Фатимат, но старше меня, Маруша и Сосланбек — сестра и брат, оба младше меня. Сосланбек был самым маленьким в семье.

Ночью выбили дверь, и в дом вошли четверо. Один в бурке и круглой шапке, одежду остальных не запомнила. У того, в бурке, в руках была винтовка с фонариком. Мы спали в двух комнатах. Во вторую комнату можно было попасть только через первую. Открыв наружную дверь, они сразу увидели кровать Абдул-Керима. Они подняли его с кровати и сказали: «Руки вверх». «А то ты не выстрелишь, если я руки подниму», — ответил Абдул-Керим.

Двое вывели брата. Пока возились с Абдул-Керимом, старшая сестра спрятала меня под кровать. Те двое, которые остались в доме, вошли к нам в комнату. Фатимат спросила, не зажечь ли лампу.

Один из них ответил по-балкарски, что лампа не нужна. Это говорил мужчина в бурке. В это время мы слышали, как во дворе выстрелили.

Мужчина в бурке наставил на Фатимат пистолет и спросил: «Где твой муж-бандит?». Сестра показала Почетную грамоту, которую получил ее муж, когда он работал на строительстве оборонительного канала, и письмо мужа с фронта. Они ушли. Этот балкарец в бурке был Муралин Занкишиев. Я его знала. Тогда я окончила 3-й класс и ходила в четвертый. У него лицо было изъедено оспой, во рту были металлические зубы. В ту ночь с ними были еще Аслан Настаев и какой-то еврей, который, как говорили потом, тоже убивал.

Я вышла во двор, как только пришельцы ушли, и пошла искать брата.

Они застрелили его, отведя недалеко от дома. Он еще был жив. Я пыталась дать ему воду, но он вскоре умер.

Когда я была во дворе, появился солдат. Он поставил меня к каменному забору и выстрелил из пистолета. Я упала, хотя пуля в меня не попала, но то ли от каменных осколков, то ли от ожога огнем у меня долго гноились и не заживали руки.

**САРБАШЕВА
(ТЕМИРЖАНОВА)
ХАНШИЯТ
ОМАРОВНА,
1914 г. р.**

Нас в семье было семеро. Отец, мать, два брата и три сестры. Оба брата были на фронте. Старшая сестра Рахыймат была тяжело больна, ее сыну Мамаю исполнился год. У средней сестры Фатимат была шестимесячная дочь Сакинат. Зятья наши тоже воевали.

В ноябре части Красной Армии отступали через наше село. К нам в дом зашли два солдата и попросили дать еды для раненых, лежащих в обозе. Отец дал им продукты, а потом сказал: «Может, и мои сыновья там», — снял с головы большую овечью шапку и дал одному солдату, у которого не было головного убора. Этот солдат обрадовался, тут же одел шапку и хотел дать отцу кусок материи, но отец отказался и не взял.

Я не помню, чтобы в селе кого-нибудь из солдат убили. Помню, как мы, женщины села, плакали им вслед. Раненых и свое имущество они везли на воловьих арбах.

После того как ушли солдаты, дезертиров в селе я не видела. Наверное, они ночью приходили к себе домой, а утром рано уходили. Среди жителей села не было такого, чтобы кто-то кого-то упрекал, что, мол, мой сын в армии, а твой в дезертирах. Такого не было.

Никто не знал, что наше село уничтожат. Наоборот, мы были очень спокойны. Число не скажу, помню лишь, что это было ночью в субботу. В верхней части села началась стрельба. Наш род Темиржановых как раз жил в самой верхней части села, но выше нас, семьи Омара, жили и другие.

В эту ночь в нашем доме ночевала мать мужа Фатимат из пос. Кашхатау, Черкесова Зарият, ее дочь лет 14 и два мальчика лет по 6 и по 8. Мы уже разделись и лежали в постели. Отец закончил молиться и тоже готовился лечь спать. Мы думали, что стреляют дезертиры, ни у кого и в голове не было, что это могут быть красные. В это время дочь Таукенова Ортабая крикнула из-за забора: «О Омар! Шабата семью перебили всех до единого!» Отец сразу вышел из дому. Мы все думали, что стреляют те, кого у нас называли бандитами, и он надеялся, что его не тронут.

Прошло время, а он не возвращался. Тогда я и Фатимат пошли его искать, и нашли его во дворе у Темиржанова Абхаза. Он лежал мертвый, верхняя часть черепа была оторвана, и его мозги растекались по земле. Тут же откуда-то из темноты появились солдаты. Наш дом с домом Абхаза соединяла узкая улочка, мы бросились бежать. Нам крикнули: «Стой!», я остановилась, а Фатимат нет. Несколько раз ей стрельнули вслед. А мне вот сюда, к лопатке с левой стороны, приставили ружье. На ружьях были штыки. Тот, который держал ружье, нажал на курок, но ружье не выстрелило. Он выругался по-русски и еще раз перетянул затвор. Я рванулась вперед, споткнулась и упала, потеряла сознание. Очнулась я от крика Келля — моей матери. Русский язык она не знала, кричала на балкарском. Ее остановили. Приставили ружье к шее и выстрелили, а я все это видела, шея по-

полам разошлась, точно так, как бывает, когда брюхо рыбе распарывают. Не издав ни звука, мать упала на меня и моментально скончалась. Рядом был большой камень, и сейчас стоит на том же месте, кровь из раны матери фонтаном ударила в этот камень, и он окрасился в красный цвет. И я была вся в крови. Солдаты подошли, у меня был сарафан из красного материала, один из них концом штыка приподнял край сарафана, дернул туда-сюда, толкнул штыком в бок Келля, выругался и ушел. Ругался он по-русски. Они уничтожили семью Абхаза и направились к Таубулатовым, в дом Фирдина. Их было шесть человек. Я их видела своими глазами и тогда думала, что они бандиты. Потом потеряла сознание, не знаю, сколько так пролежала. Когда очнулась, начало светать. Выбравшись из-под матери, взяла ее под руки и потащила к дому. Она была босая, с голыми руками, ногами, наверное, выскочила из постели и бросилась к нам на помощь. Когда я дотащила ее до дома, бедная Фатимат лежала мертвая у самого порога. Одна пуля попала ей в спину и вышла, разорвав ей в клочья левую грудь. Я положила мать рядом с ней.

Отец лежал во дворе у Абхаза, а мать и сестра — на земле у дома, целую неделю, пока не закончилась эта бойня, они валялись на земле.

Как я сказала, Рахыймат была тяжело больна, ни на что вроде бы не реагировала, что живая, что мертвая — одно и то же. Эти четверо из Кашхатау забились в темный угол комнаты, дети плачут...

В стене было отверстие, вдруг оттуда слышу голос матери Ибакъа Темиржанова, Рахыймат: «Ханший, если живая, отзовись, — говорит, — весь ваш род истребили». А я спрашиваю: «Кто истребил, бандиты?» «Нет, не бандиты, красноармейцы, — от-

вечает она, — никого не щадят, убивают всех подряд, если можешь спрятаться, прячься, я иду прятать сыновей».

Рахиймат застрелили, но прежде, чем это произошло, она успела спрятать своих сыновей в навозе. Наших же всех убили в первый же вечер, всех до единого в ущелье.

Она ушла, посоветовав мне спрятаться, а куда я спряталась бы с двумя детьми и больной сестрой?

Мама я успокоила, а Сакинат плачет. Тогда я взяла и дала ей целую грудь мертвой Фатимат. Молоко было, она пила молоко из груди мертвой матери. После этого Сакинат успокоилась. Но ненадолго. Начали плакать оба — и Мамай, и Сакинат. Плачут от голода. Келля замачивала баранью шкуру для обработки. Я выжала воду из шкуры, процедила и дала попить. Это уже во второй, а может, в третий вечер было. Но вода, что выжимаешь из шкуры, соленая, и они оба начинают плакать от жажды. Я тогда помочу Мамаю, а его мочу заливаю в рот Сакинат. Помочу Сакинат, ее мочу заливаю в рот Мамаю. Мамай вроде бы ничего, а Сакинат вырывала. Но на время они замолкали.

На третий день нас все-таки услышали. Услышали и начали стучать в дверь, а я была спокойна, знала, что убьют. Вывели на улицу. Дети оба у меня на руках.

И Рахиймат выволокли на улицу. Женщина и девочка из Кашхатау взяли ее под руки. Выстроили нас всех в ряд. Их трое, все в форме, напротив встали.

Мне мой младший брат написал письмо с фронта. На мое счастье это письмо было у меня в кармане. Один из этих солдат спрашивает меня: «Где твои братья?». Я говорю: «На фронте воюют». «Где, — спрашивает он меня, — там?» — и показыва-

ет на горы. Имеет в виду, что они бандиты. «Нет,— отвечаю я,— на фронте. Вот здесь в кармане у меня письмо». Он залез ко мне в карман и вытащил письмо.

Другие солдаты зашли к нам в дом, набрали вещей, платки обвязали вокруг пояса, отрезыв материи, шкуры, одежду свернули в рулоны и ждут.

Зарият показала старшему свои паспорта. Он взял мое письмо, их паспорта и ушел. Минут пять его не было. Потом идут двое в гражданском. Они, эти двое, обращаются к нам по-балкарски. Кто такие — я не знаю. «Спрячьтесь,— говорят,— чтоб вас не нашли, а то те, что идут за нами вслед, все равно вас в живых не оставят». Когда они нам так сказали, уже темно. Мы решили: будь что будет, и вернулись домой.

Ночь прошла относительно спокойно. Под утро кто-то тихо постучал в двери. Мы все примолкли. «Если есть живые, прошу именем аллаха, откройте двери, это я, Мариям», — раздался слабый женский голос за дверью.

Когда я открыла двери, увидела Мариям всю в крови, три пальца на ее правой руке висели на коже. У нее было девять ран. Черный платок на голове был весь в крови. «Умираю от жажды, дай воды...» — прошептала Мариям. Я слышала, если раненому дать воды, то у него со рта пойдет пена, и он умрет. Да и не было воды. Я выжала шкуру и эту жидкость налила ей в рот.

Была опасность, что могут прийти за ней по ее кровавому следу и вместе с ней убьют и нас. Насыпала я ей в карманы сырой картошки, чтобы она поела, если ее начнет мучить жажда. Взялила на спину, у нас был сарай с переходом в пещеру, отнесла ее туда. Сказала, что, если кого-то из нас убьют, пусть хоть один останется в живых, и ушла.

На седьмой день муж Зухры (Сарбашев Ахмат) позвал меня: «Ханший, если жива — выходи, убивать перестали». Мы вместе с Зарият вышли на улицу и встретили Туменова Адильби. Где бы он ни жил — пусть живет долго. Его бедная Тумаева Кюмюш спрятала в нишу каменного забора, а нишу эту заделали камнями. Кто он такой, я не знаю. Знаю только, что он был из пос. Кашхатау. У Кюмюш сын, Кёккёз, ушел в армию, и она усыновила Адильбий. У него жена еврейка. Сейчас живет в Нальчике. Жил раньше в Кизилкия, был учителем. Когда он вышел из своего укрытия и увидел убитых, он сильно плакал.

Я, Зарият, Адильбий пошли за водой, к речке Шкырты. Адильбий куда-то ушел, я потом его не видела в селе. А мы с Зарият набрали воды в казан и пошли обратно. Трупы лежали неубранные, а солдаты проходили мимо нас и смеялись над нами. Дома в селе еще горели. Многие пили воду и умирали у реки.

Вечером солдаты окончательно покинули село. Карчаев Жикирья и я пошли искать живых. Отец лежал на том же месте. Я подошла к нему, собрала руками его мозги, положила их ему в череп, нашла отколовшийся кусок кости и приставила на место. Вместе с ним мы подтащили отца к нашему дому и положили рядом с моей матерью и сестрой.

По селу прошел слух, что скоро в село войдут немецкие войска и не пощадят никого, особенно тех, у кого родственники на фронте.

Я взяла двоих детей на руки, ввалила на спину раненую Мариям, а эти кашхатауские взяли под руки Рахиймат, и мы покинули село, ушли вверх по реке Шкырты в горы. На окраине села к нам присоединился родной брат Мариям, Темиржанов Гузенр, ему тогда было лет 14—16, точно не пом-

ню. Ночью мы вместе с Гузеиром оставили детей, Мариям и кашхатауских на берегу реки, дошли до Сауту, собрали сырой картошки и вернулись обратно. Все вместе прошли до водопадов, разожгли костер, пожарили картошку, поели и всю ночь провели там. Было очень холодно. После мучительной ночи, проведенной на берегу реки, решили, что от судьбы не уйдешь, и спустились в село.

Дома еще горели. В доме Темиржанова Идриса лежали штабеля трупов, сложенных в большую кучу. Алибек Темиржанов, отец Мариям, сидел рядом с этой кучей горящих трупов со вздернутой вверх бородой и тлел. Мариям спросила, не ее ли это отец. Я обругала Мариям и не дала ей смотреть в ту сторону. Мы хоронили Алибека потом, сзади у него все сгорело, от прикосновений превращалось в пыль.

Начали хоронить убитых, после того как все живые вернулись в село. Каждый хоронил своих. Пришли люди с других сел, помогали мне, например, Ульбашевы из села Шаурдат. До сих пор я им за это благодарна. В тот день я перетаскала на себе так много трупов, что плечи были синими от ссадин. А потом оставшиеся в живых собрали съестные продукты и отнесли на кладбище. Даже раздать пищу было некому, немцы погрузили эти продукты на санки и отвезли к себе. Они нам на кладбище сами помогали доставить продукты.

**СУМАЕВА
(САРБАШЕВА)
ТАГИЙ
ЮСУПОВНА,
1926 г. р.**

Днем через село прошел какой-то отряд, и до ночи все было тихо. Село уснуло, они вернулись и стали убивать людей и жечь дома. Проснувшиеся от криков и выстрелов в полной растерянности ожидали своей участи.

В конце концов они дошли и до нас. Сначала за-вернули к соседям — к Сарбашевым. Жили там два брата — Магомет и Ахмат. У первого семеро детей, у второго — трое. Плач, стоны, ругань, стрельба...

За пару минут все стихло, и солдаты двинулись к нам. Сын Мисирова Биляла, Мажит, убежал от кого-то, заскочил в наши ворота, тут его и настигла пуля. Умер сразу.

Из нижней части села к нам шел Ахмат Мисиров, он только-только демобилизовался по ранению. Но солдаты на это не посмотрели — застрелили. Начали стучаться к нам. Решили не открывать, но испугались, что разозлим их. Нас было 17 человек: мой родной дядя по отцу Окуф (Якуб), его дочь Кезибан с тремя детьми, Халимат и Келимат, моя мать Зайнаф, брат отца Жумуш с двумя своими невестками Халимат и Багалы, Карчаева Курика и мы, дети, — Таги, Рагибат, Саудат, брат Рамазан и я.

Едва открыли двери, как они начали стрелять. Все опешили, только Рагибат не растерялась и выбила окно. В это окно успели выбраться мы вшестером — Багалы, Халимат, Курика, шестилетний Зулкарней, Рамазан и я.

Но когда мы перебегали двор, по нам несколько раз выстрелили, и одна из пуль убила Зулкарнея. С Рамазана сбило шапочку, но сам он остался невредим.

Мы забежали в дом Ыйбака Темиржанова. Там забились в одну из внутренних комнат, и преследовавшие нас солдаты не нашли нас.

Немного погодя, хотели перебраться в коровник, но там не было места. Сам Ыйбак и его братья — Махти, Ибрагим, Казий и его двоюродный — Мажу — прятались там, обложившись кизяком.

Перелезли через стену в дом Курмана Таубулатова. Здесь собрались: отец Курмана, Чопу, его мать Уплуй, сестра Чамий, невестка Хабий со своей девочкой, мать Ыйбака Темиржанова Кермахан и две его невестки — Рахимат и Галя с девочкой. Дождались ночи, а когда стемнело, закрыли окна — дома в селе полыхали так ярко, что было светло как днем. И так, закупорившись в доме, просидели мы семь дней.

Дети плакали от жажды и голода, а мы боялись выходить из дома.

Вышли наружу только потому, что боялись, что сожгут вместе с домом. Халимат, никому ничего не сказав, убежала к Мисирову Мусе, там собралось около 60 человек.

Когда их нашли, перебили всех, а дом сожгли. Халимат так и погибла вместе с теми несчастными.

Мы же пытались выбраться из села, но несколько раз натыкались на часовых оцепления, и вскоре трое солдат, поймав нас, уже построили в ряд, что-

бы удобнее было расстрелять. По какой-то причине нас все-таки решили повести в штаб. Привели и заперли в хлеву.

В соседнем дворе — у Таубулатова Махетхажи — в это время убивали женщин. Мы видели, как расстреливали Кермахан, Рахимат, Галю с дочкой, жену Мисирова Бараза, Мариам. Мариам держала на руках ребенка-грудничка. В него попала пуля, и тельце отбросило метра на два, а Мариам отшибло пальцы и ранило в лицо, но она осталась жива. У нее хватило сердца притвориться мертвой. И раненая Кермахан, как оказалось, просто потеряла сознание.

Потом к нам зашел какой-то военный и, вручив письмо, потребовал, чтоб мы доставили его бандитам. Он сказал, что если ответ придет вовремя, то мы все останемся живы. С этой бумагой отправились Карчаева Курика и Таубулатова Чамий.

Но из-за частой перестрелки, которая к тому времени началась, они смогли пройти только до пещеры сразу за окраиной села. Переночевав в ней, они вернулись как раз в тот момент, когда нас уже хотели расстрелять.

Все-таки отпустили нас. Я вернулась домой, там вповалку лежали трупы. Когда я увидела это, потеряла сознание и, падая, сильно ударилась головой. Лежала, видимо, долго, а придя в себя и выйдя на улицу, увидела, что солдаты бегут из села.

Они ушли. Все, оставшиеся в живых, посчитались и начали хоронить убитых. Хоронили в длинных общих могилах. Кто-то принес яблок, и мы ели их прямо на кладбище...

**ТЕМИРЖАНОВА
(САРАКУЕВА)
БАГАЛЫ
КАРАБАШЕВНА,
1919 г. р.**

В тот вечер к нам в дом пришли Саракуев Юсуп и Саракуев Кумук из села Курнаят. Точную дату сказать не могу, но помню — на второй год войны, осенью. От них мы узнали, что в их село вошли военные — наши, свои, и начали расстреливать людей. Юсуп сказал, что они скоро будут в Сауту и всем надо покинуть село. Почти все мужчины, которые в то время были в селе, в этот же вечер покинули село и ушли в горы. Женщины, дети, глубокие старики решили остаться в селе, посчитав, что их не тронут. Кроме того, остались мужчины, вернувшиеся с фронта инвалидами, их было, помоему, двое. У многих отцы, братья или сыновья были на фронте. Три моих брата были на фронте. Таких было много. Все дезертиры, без исключения, покинули село, оставили только Темиржанова Эдика в верхней части Сауту, при входе в село.

Ночью, мы уже собирались ложиться спать, когда к нам домой зашел Эдик и сказал: «Здесь скоро будут военные: если есть мужчины пусть покидают село. Детей и женщин они не тронут». Он ходил по селу и предупреждал всех, что скоро в село войдут военные. Все, кто был в это время у нас дома, пошли в дом Сарбашева Якуба (Окьюф). У него дома собралось человек 15. В селе начали стрелять. Кроме Якуба, которому было лет 80, никого из

мужчин с нами не было, только женщины и дети. Под утро к нам присоединились еще несколько женщин. От них мы узнали, что убивают всех подряд, дома сжигают.

Детей мучила жажда, они начали плакать.

Утром к нашим дверям подошли двое мужчин. Дернули двери, они были закрыты, ни слова не говоря, развернулись и ушли. Через некоторое время вернулись четверо. Остановившись подальше от дверей, крикнули: «Выходите строиться!» Мы все притихли и ждали. Они вновь крикнули: «Выходите, не то будем стрелять!» Кричали по-русски, но сами они не были русскими. Мы сначала открыли двери, но потом испугались и закрыли их. Мужчины были вооружены. Одеты были в гражданскую одежду. Запомнились их большие шалки.

Мы выдернули окно, которое выходило на задворки и начали убегать. Эти четверо нас не видели. Но через окно успели выйти только несколько человек, 5 или 6, не помню. Следом за мною вылезал сын Темиржанова Мустафы, лет семи. В это время в дом бросили гранату. Все, кто был в доме, погибли, а у сына Мустафы оторвало макушку, он так и остался, повиснув на стене.

Оттуда оставшиеся в живых пошли в дом Темиржанова Ыйбакъа. Нас встретила его мать и сказала, что Ыйбакъа, Гузеира и Эристаева Сулея она спрятала в навозе, а сама осталась сторожить. Она предложила пойти в дом Таубулатова Амида, и мы все пошли туда. Когда мы туда пришли, в этом доме встретили около 30—35 человек.

В этом доме мы находились два дня. Ни пить, ни есть ничего не было. На третий день перед рассветом мы решили идти в горы. Ыйбакъ вместе со своими братьями ушел вперед. Я тогда была в положении, на 6—7-м месяце, шла следом за ними. Чуть

отстав. от меня, шла Мисирова (Темиржанова) Мариям с ребенком на руках. Ребенку было два дня.

Мы уже вышли за село и вдруг услышали крики: «Стой! Стой!». К нам наперерез бежали два красноармейца в форме. Я тогда подумала: «И так, и так убьют». И бросилась со скалы в речку Ирцишки. Вслед мне стреляли, но мне удалось уйти. Остальных всех завернули. Я была босиком и льдом глубоко порезала ступню, пальто промокло, стало тяжелым.

Меня встретил Ыйбакъ, ему тогда было 14 лет. Он дал мне свою фуфайку и помог идти.

В верховьях реки мы встретили мужчин. Они перевязали мне ногу. Разожгли костер, дали поесть. Потом начали собираться люди, прорвавшиеся из села через заслоны. Всего собралось человек 60. Пробыли мы там 2—3 дня. Разведчики донесли, что военные покинули село. И мы с горы Дурмет спустились в село.

Дома были сожжены, люди сожжены. Люди узнавали своих родственников среди погибших по оставшимся лоскуткам одежды, обуви и по каким-то только одним им известным приметам. Некоторые трупы сгорели полностью, их кости собирали в мешочки и хоронили эти мешочки.

Потом прошел слух, что идут немцы. Мы вновь покинули село. Но немцы никого не трогали, и мы вернулись.

Они помогли нам похоронить оставшихся мертвых. Отвезли на санках на кладбище приготовленные нами жертвоприношения. Они ни одного человека в селе не убили.

**ТЕТУЕВА
(ГАЗАЕВА)
КАКУС
БУТТУКОВНА,
1911 г. р.**

...В ту ночь, когда началась стрельба в Сауту, мы, жители Шканы, бежали в лес — «Уллу атыач», — находившийся в нескольких километрах от села. Пришлось резать скот, ночами ходить домой за картошкой и другими продуктами.

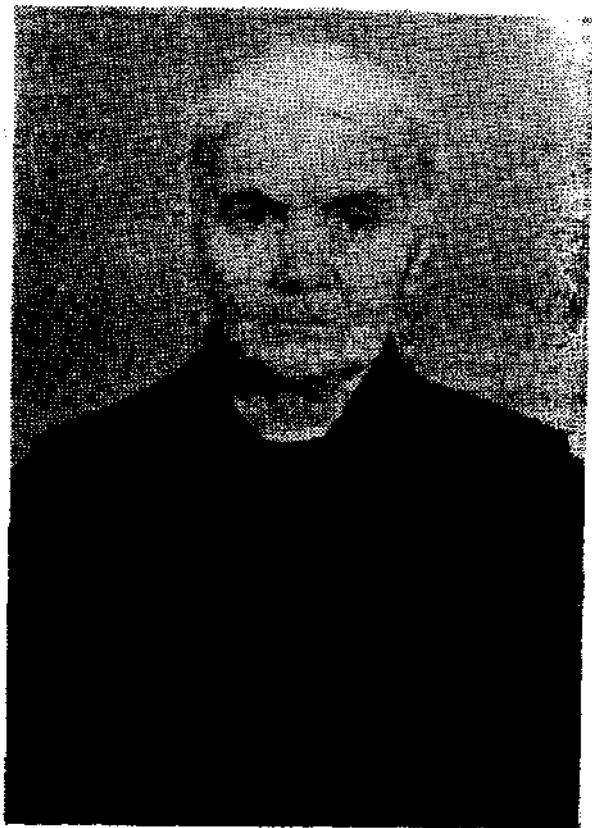
После того как части Красной Армии ушли из Черекского ущелья, мы вернулись. Наш дом, как и некоторые другие дома Шканы, был сожжен. А в Сауту сгорело больше половины всех строений, а жители почти поголовно убиты.

В первый же день возвращения я вместе со своими братьями — Ахматом, Мухадином и сестрой Сабис Газзаевыми пошла в Сауту в надежде найти родственников.

Здесь проживала моя сестра, Мару Буттуковна, 30 лет, с мужем и тремя детьми. Она была в это время беременна, и через месяц у нее ожидались роды.

Их дом сгорел полностью. Недалеко от пепелища среди множества обгоревших трупов мы с трудом опознали обугленные тела Мару и ее детей: Ибрагима — 8 лет, Рамазана — 6 лет, Даута — 3 лет.

Их останки мы завернули в ткань и похоронили в общей могиле на кладбище села Сауту.

В этот же день мы нашли то, что раньше было семьей Сарбашева Аслануки — родственника моего мужа: Сарбашева (урожденная Зашаева) Кабахан Мусаевна — мать Аслануки, Сарбашева (урожденная Муртазова) Нафи Аслангериевна — жена, Сарбашев Исмаил, 6 лет, — сын, две дочери — Шамшият и Нажабат — 12 и 15 лет.

Каждый из них был убит выстрелом в упор в голову. Как потом рассказывали, их выводили во двор, якобы для проведения собрания, а затем, построив в ряд, расстреливали. Позже, замечая следы преступлений, трупы стаскивали в один дом и сжигали.

Семья Сарбашева Аслануки не была связана с дезертирами, а его отец незадолго до войны был убит бандитами. Его именем был назван колхоз. Сам Асланука находился в это время на фронте и погиб позже.

После похорон мы вернулись в Шканды. Жить пришлось в конюшне. Пол застелили сеном, так и спали. Родственники и земляки, чьи дома уцелели, помогали нам, чем могли. Вскоре с фронта вернулся демобилизованный по контузии муж — Тетуев Инзрел Бадияевич. В конюшне мы жили по 8 марта 1944 года.

**ХУЛАМХАНОВА
КУЛИЗАР
МАХЕТОВНА,
1903 г. р.**

В ту ночь, точного числа я не помню, но месяц был ноябрь, вся наша семья была дома. Моему мужу тогда было около тридцати лет. Его не призывали на службу по какой-то причине. Было темно, но до полуночи, видимо, было еще долго, когда с улицы донеслись какие-то глухие звуки. Я думала, что во дворе кто-то колет дрова. Потом я четко различила три выстрела, прозвучавших подряд, и спросила мужа: «Что за выстрелы?» Хусей успокоил меня: «Не бойся, это стреляют на постах Зына».

Сразу после нашего разговора постучали в дверь. Я сказала мужу: «Открой». Он встал из-за стола, но дверь открывать не стал. За дверь кто-то сказал по-русски: «Здесь никого нет». Другой голос возразил: «Есть». На дверь то ли нажали, то ли чем-то ударили, но крючок сорвался, дверь раскрылась, и в комнату вошли 8—10 военных. Они были в красноармейской форме. Ничего не говоря, ко лбу Хусея приставили пистолет и выстрелили три раза подряд. Я видела, как он падал лицом вниз рядом со мной. Одна пуля, выпущенная в Хусея, слегка задела меня. Ощущение было как от укуса комара. След не остался от пули, была маленькая царапина. Затем один из военных, обращаясь к кому-то, кто был вне комнаты: «Товарищ Настаев, и ее можно?» В этот момент кто-то заглянул в комнату, я успела разглядеть на нем

военную форму, особенно шапку, лицо я не разглядела и не запомнила, он сказал: «Можно». Все говорилось на русском языке, балкарского ни одного слова я от них не слышала.

В этот момент лампа погасла. Тот, который убил моего мужа, стал заряжать свой пистолет, направил дуло в мою голову и начал считать: «Раз, два, три...» На счет «три» я, боясь, что он выстрелит в лицо, повернула голову. Пуля вошла с левой стороны затылка и вышла из левой щеки на уровне рта, раздробив часть челюсти. Рубцы видны и сейчас.

От выстрела показалось, что меня подбросило высоко вверх, а затем швырнуло на землю. На самом же деле я оказалась в сидячем положении, ноги мои были под кроватью, а руками я за что-то ухватилась.

В это время солдаты, из стоявших рядом, нанесли 3—4 удара ногами по спине в районе почек, которые у меня болят с тех пор, руки мои ослабли, и я откинулась назад. Кто-то сказал: «Уже умерла». Все вышли, а я потеряла сознание.

Пришла в себя под утро, когда уже кричали петухи. Я не понимала, что произошло, почему, если все живы, никто не идет к нам. Я поползла в комнату к Бабаке. Было еще темно, я доползла до кровати свекрови, и сразу же моя рука наткнулась на ее ногу. Нога была холодна. Поняв, что Бабака мертва, я поползла к себе в комнату. Проползая по двору обратно, я заметила то, чего не заметила раньше. Дверь в комнату Татауа, брата Хусея, была открыта, хозяин лежал убитый — сам в комнате, а ноги во дворе. Жена Татауа, Мариам (она была родом из Зылги), лежала на кровати, а ее голова свесилась вниз с кровати. Вскоре пришел сын старшего брата Хусея, Ахия. Он увидел мертвого Хусея и заплакал. Затем Ахия позвал меня к

себе. Я думала, что их семья жива и согласилась пойти. Опираясь на Ахию, я добралась до их части дома. Кумук и его жена Хорасан были еще живы. Кумук издавал предсмертные хрипы, его раненая жена вторила ему стонами. Ее маленький сын лежал в люльке перед ней. Кроме названных, из семейства Якуба никто не пострадал, т. е. из детей. Дети, видя, что мне плохо, принесли бузу, но я не могла пить — лицо мое опухло; я глотала кровь.

Ахия пошел к моей старшей сестре Абидат, которая была замужем за Глашевым Абусаламом. Моя сестра и ее муж остались в живых благодаря Ахмату, брату Абусалама. Ахмат обманул людей из отряда, сказав, что хозяин в армии, а его жена с ребенком в Безенги у родителей. Сестра была на последнем месяце беременности. В то время у них были мальчик и девочка. Сын потом умер в высылке.

Ахия сказал сестре, что я жива, она пришла и забрала меня к себе. Уходя, она закрыла двери, чтобы звери не тронули трупы.

Вскоре все, кто мог идти, собрались и ушли из села. Ребенка Хорасан забрали, а сама она и Кумук умерли.

Сестра оставила меня в своей комнате, а сама с семьей ушла в горы, сказав мне: «Ты полежи здесь, а мы придем и заберем тебя». Я лежала, но 3 или 4 дня никто не приходил. Наконец, выбравшись во двор, я увидела, что дым заволок все ущелье. Я решила уходить. Опираясь на палку, я вышла за дом на развилку трех дорог. После колебаний выбрала путь на север. Дошла до родника у дороги, где смочила рот водой. Вслед за мной к роднику подошла какая-то женщина, гнавшая впереди себя двух груженных ослов. Я ее никогда не видела. Она сказала: «Ты, наверное, жена Глашева

Хусея. Я сейчас не могу взять тебя с собой, но если там, под горой, есть кто-нибудь из Глашевых, то я пришлю».

Я добралась до мельницы, когда сверху спустилось несколько человек. Они шли за мной. Люди жили под горой. Там резали скот и варили мясо. Я жевать не могла, и поэтому меня пытались поить бульоном. На новом месте мы пробыли 12 дней. Моя сестра не пришла за мной, потому что она разродилась.

После возвращения в Глашево начали хоронить покойников. Всех хоронили в одной длинной могиле. Похороны растянулись на несколько дней.

Вскоре после этого меня забрали Батчаевы — родственники моей матери. У них я прожила около недели, а затем меня переправили в Безенги к матери. У меня родился сын Сагид. Ему было восемь месяцев, когда нас выселили. Он остался жив, имеет семью. В течение 6 лет я плохо говорила, в основном старалась писать, а не говорить.

**ХУБОЛОВ
АБДУЛЛА
ОСМАНОВИЧ,
1920 г. р.**

В тот вечер мы все были дома и, как всегда, рано легли спать. Ближе к рассвету к нам постучали в дверь. Мы не открыли засов. Трое ворвались в дом. Вошедшие по-русски спросили: «Где хозяин?». Я ответил также на русском, что его нет.

Когда собрались уходить, стоявший третьим прошел вперед, вытащил из кармана фонарик и, осветив отца, приказал ему встать. Его подняли и вывели в коридор.

Мы — я, мать, брат, сестра — продолжали лежать. Кто-то из троих спросил отца: «Ты знаешь по-русски?» Он молчал. Я крикнул из дома по-балкарски: «Скажи, что знаешь». Отец сказал по-русски: «Знаю». Ему тут же выстрелили в лоб, и он упал замертво.

Эти люди были вооружены пистолетами и винтовками. После убийства отца они ушли. Я выбежал на улицу, уже светало. Они шли прямо в больницу, видимо, там был их штаб.

К троице, заходившим к нам, присоединились еще 7—9 человек. Кроме них, я других людей не видел. Все они были в советской форме, никто из них не говорил по-балкарски.

Они пришли к нам после того, как перебили Глашевых. Убили старшего брата моего отца и его дочь. Там же убили Хуболова Хамита, а его жену ранили. Убили Хуболова Тамука с женой, причем она сумела бежать после убийства Тамука. Но по-

том, когда она пробиралась по саду с ребенком на руках, ее заметили и начали стрелять сзади. Жена Тамука была убита, а ребенок остался жив. Утром, когда мы уже пришли, ребенок барахтался на матери. Убили Эндреева Буттука, Эндрееву Мукуш ранили.

Утром мы ушли в горы и там пробыли, видимо, не менее недели. Вернувшись домой, начали хоронить покойников. К этому времени дома уже сгорели. Большинство тел лежало на улице. Многие были изувечены: у кого глаза выбиты, у кого голова изуродована. При похоронах нам никто не помогал.

**ЭНДРЕЕВА
(ГЛАШЕВА)
НАЗИФА
МАЛКАРУКОВНА,
1920 г. р.**

Я вышла замуж за Эндреева Биляла Буттуковича в 1936 году. Из пяти сыновей Буттука к 1942 году женатыми были Мухамат и Билял, а Солтан, Адрахман и Рамазан еще не успели жениться: кто-то из-за возраста, кто как. Все жили вместе, одной семьей. У Мухамата тогда было трое детей (девочка и два мальчика), у нас детей не было.

В тот вечер в доме были: Эндреев Буттук Бютюкович, его жена, Эндреева (урожденная Хуболова) Саният Хажибатыровна, жена Мухамата, Эндреева (урожденная Глашева) Аминат Юсуповна с тремя детьми, я, Адрахман, Рамазан и соседка — Эндреева Зулюйха Хажбиевна. Было беспокойно, и мы все не спали. Под утро постучали в ворота. Я услышала стук и сказала об этом свекру. Он удивился: «Почему не открываешь? Может гости?» Я ответила, что боюсь. Тогда он открыл сам. Его жена, которая вышла вместе с ним, слышала, что кто-то из вошедших, а их было шестеро, спросил по-балкарски Буттука: «Что так долго?»

В дом вошли не все. Одного из вошедших, высокого, с автоматом в руках, я знала, т. к. он сватался к моей младшей сестре Ханипе. Это был Аслан Настаев. Кто-то из них попросил спички. Я пошла за спичками в свою комнату, где я увидела еще двоих. Они, выбросив постель на пол, что-то иска-

ли. Один из них был в бурке и круглой шапке. Мой отец позже рассказывал, что в ту ночь они (не конкретно эти люди, а из этой группы) забрали его бурку и шапку на дому в Глашево.

Я взяла спички и вернулась в общую комнату. После того как Буттук вернулся в дом, впустив пришельцев, он взял на руки внука. Однако Саният было приказано взять ребенка у него. В этот момент Буттук сказал жене: «Если ты возьмешь ребенка, то со мной что-то сделают...» Буттука отвели в его комнату. У Буттука была астма, и он курил, засыпая в трубку, какую-то траву. Мы сами ходили ее собирать. Двери были открыты, и мы слышали разговор в соседней комнате. Кто-то взял табак Буттука, и Буттук сказал: «Мы же давно друг друга знаем, это мой лечебный табак, зачем ты его берешь?» Затем раздался выстрел. После этого они ушли, и мы заглянули в соседнюю комнату. Буттук лежал на полу: пуля попала ему в рот. Из рта шла кровь. Мы пытались положить его на кровать, но он уже был мертв.

Утром мы пришли в дом Хуболова Абусалама, брата Саният. Абусалам лежал в коридоре, его брат, Осман, тоже убитый, — в комнате, и во внутреннем закутке на полу лежала мертвая Шамдари, незамужняя дочь Абусалама.

Жена Османа до нашего прихода каким-то образом сумела перенести мужа на кровать, а тело Абусалама и его дочери на кровати укладывали мы.

Больше из убитых в ту ночь я никого не видела, т. к. рано утром все село, и мы в том числе, бежало в горы. Пока мы были там, наш дом, вместе с телом Буттука, сгорел.

В ту же ночь в моем родительском доме в Глашево были убиты: бабушка (мать отца), которую мы называли Чачи, но не могу с уверенностью ска-

зять, что это ее настоящее имя, моя мать (Налжан Хажиевна, урожденная Бозиева) и две сестры (Буслима, старше меня, развелась с мужем и жила с родителями, и Ханипа — незамужняя). Моя мать спрятала своего мужа в погреб. Сначала вошедшие увидели Разият. Эта сестра наша была еще совсем маленькая. Пришедшие решили, что дома никого нет и собрались уходить, но в это время наша мать, которая была в глубине дома, каким-то звуком выдала себя. Ее убили выстрелом снаружи. Она шла к дочерям. Пуля попала ей в голову. Затем убили Буслима, которая перед этим выходила во двор. Она убежала к себе в комнату и закрыла дверь на засов. Ее убили, обстреляв дверь из автомата. Семь пуль попало в Буслима. Сестра сумела дойти до своей кровати, где сразу же и умерла.

Ханипа, когда пришельцы вошли в комнату, показав письма братьев, спросила: «Зачем вы убили ее? Ведь два наших брата в армии...» Тот, который смотрел письма, предложил уйти и вышел, но кто-то из стоявших во дворе вошел в комнату и застрелил ее. Все это слышал мой младший брат, который скрывался в той же комнате, где была сестра.

Отец рассказывал, что у бабушки Чачи были прострелены обе руки.

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Архивные материалы, касающиеся обстоятельств Черекской трагедии, вызывают особый интерес. Они дают, быть может, самое яркое ощущение духа того времени, представляя реальные характеры и цели людей, манеру их мышления.

Не имея возможности опубликовать все документы, имеющие отношение к описанным событиям, авторы посчитали нужным привести некоторые, пусть не самые яркие, но наиболее типичные из них.

Стилевые, орфографические и пунктуационные особенности оригиналов полностью сохранены.

**П Р И К А З
ПО БОЕВОМУ УЧАСТКУ**

«1» ноября 1942 г.

Действующая Армия

Дезертиры, населяющие пункты Средне-Балкарского района, превратились в уголовных бандитов и с оружием выступают против Рабоче-Крестьянской Красной Армии, убивая командиров, политработников и бойцов, защищающих нашу Родину.

П Р И К А З Ы В А Ю:

1. В целях ликвидации вооруженных банд, начальнику райотдела НКВД и органам местной власти взять заложников из числа семей дезертиров и бандитов с условием, что если их члены семей, находящиеся в бандах, ведущих вооруженную борьбу против РККА, в течение двух дней не сдадутся добровольно и не сдадут оружие, заложники будут расстреляны, а остальные члены семей репрессированы.

Исполнение проводить на месте.

2. Начальником гарнизона Средней Балкарии назначаю капитана **БОРОВИКА**.

3. Начальнику гарнизона Средней Балкарии навести твердый порядок и воинскую дисциплину на территории гарнизона, применяя самые жесткие меры к нарушителям.

Начальник боевого участка
гвардии генерал-майор
Сахаров

Начальник штаба боевого участка
гвардии подполковник
Головин

42 г.

ЦАМО, ф. 1047, оп. 1, д. 19.

БОЕВОЕ РАСПОРЯЖЕНИЕ № 0020 ШТАДИВ 11 НКВД.
22.XI.42 г. 16.00 ФАНЗАВОД

Карта 200 000

КОМАНДИРУ 4-го ЭСК. 17 КП. т. КАРАТАЕВУ

1. С получением, немедленно выступить в Среднюю Балкарию на соединение с капитаном ЛЯШЕНКО, с задачей:

а) ликвидировать бандгруппу, находящуюся в селении В. Балкария.

Принять самые решительные меры по ликвидации бандгруппы. В случае необходимости применять по отношению бандитов и их пособников самые решительные меры вплоть до расстрела на месте, сжигание их построек и имущества.

2. По ликвидации банды принять на себя охрану имеющегося в В. Балкарии автотранспорта и другого имущества.

3. Обеспечить охраной встречу транспорта с горючим (бензином), идущего в Ср. Балкарию.

4. Весь автотранспорт и имущество сопровождать под охраной из Ср. Балкарии до Фан. Завода.

Получение подтвердить.

КСД — подполковник /Ш и к и н/

НШД — капитан /Т я ж е л о в/

—отп. 3 экз.

НО-1 капитан /О ж и г и н/

1 экз. — адресату

2 — « — 17 КП

3 — « — В дело

Отправлено

16.00 22.XI.42

Получено

т.б.

ЦГАСА, ф. 38677, оп. 1, д. 4, л. 49.

КАПИТАНУ Т. ЛЯШЕНКО

1. Немедленно объединить для борьбы с бандитизмом весь л/состав (независимо от частей) находящихся в р-не Ср. Балкарии.

2. Повести самую решительную, беспощадную борьбу с бандитизмом и их пособниками, уничтожать бандитов и их пособников на месте, сжигать полностью постройки и их имущество, уничтожать все, что может возродить почву для бандитизма. Ни в коем случае не проявлять жалости даже косвенным пособникам.

В Мухол до особого распоряжения оставить 3-й эскадрон с задачей борьбы с бандитизмом и охраны ущелья Черек-Балкарский.

КАРАТАЕВУ поставить задачу держать связь с Накиным.

Если Вам представится возможность захватить заложников (родственников бандитов), то доставляйте их Фан. Завод, а если нужно, уничтожайте на месте, широко объявив об этом населению. Высылаю Вам последние известия, объявите их бойцам и населению. Бензин Вам выслан 460 кгг вместе с автотранспортом захватите одну испорченную пушку 772 ап находящуюся в районе САЛТЫ. Донесения направлять им ежедневно.

Отп. 2 экз. КСД — подполковник /Ш и к и н/
НШД — капитан /Т я ж е л о в/

1-й экз. Ляшенко

2-й экз. дело

Отправлено _____

Получено _____ НО-1 Капитан /О ж и г и н/

ЦГАСА, ф. 38677, оп. 1, д. 4, л. 54.

КАПИТАНУ НАКИНУ

1. С отрядом численностью 150—200 чел. немедленно выступить в Мухол с задачей:

а) ликвидировать банду;

б) восстановить порядок в селениях Мухол, Салты, Верх. Балкария;

в) захватить у пр-ка пушку;

г) повести самую решительную, беспощадную борьбу с бандитами и их пособниками, уничтожать их на месте, сжигать полностью постройки и имущество, уничтожать все, что может возродить почву для бандитизма.

Ни в коем случае не проявлять жалости.

2. После ликвидации банды в Мухол оставить до особого распоряжения 3 эск 17 кп с задачей:

а) борьба с бандитизмом;

б) прикрыть ущелье Черек-Балкарский;

в) вести разведку в направлении Голуб. озера;

г) установить и держать связь с отрядом капитана Бондарева.

3. При боевых действиях захватывать заложников (родственников бандитов).

4. Исполнение задачи донести.

Снятие Вас особым распоряжением.

КСД подполковник
НШД — капитан /Т я ж е л о в/

Напис. 2 экз.

20.00. 28.11.42

Карта 1: 200 00

ПОДПОЛКОВНИКУ т. ШИКИНУ

Доношу, что с 23.00 до настоящего часа веду бой. В 5.00 28.11.42 г. очищен кишлак Салты, банда частью из Салты ушла в кишлак В.-Балкарию. Трупов насчитывается до 1200 человек.

Сила противника в кишлаке В.-Балкария насчитывается и по показу заложников до 150 человек, вооружение — винтовки, стан. руч. пулеметы и пушки, попытка овладеть В.-Балкарней захлебнулась.

По данным заложников, в Мухоле насчитывается 80 человек немецких автоматчиков и до 200 бандитов вооружение тоже, говорят, что имеют пушки. В 16.00 от про-ка Мухол получил ультиматум, который высылаю Вам. Замысел пр-ка овладеть всеми высотами и оседлать дорогу, идущую на Фан-завод, данный замысел пр-ка установлен наблюдением.

Имею потери 2 кр-ца убитых и 5 раненых.

Решил овладеть дорогой, идущей на Фан-завод и высоты 3158. Занять круговую оборону Кишлака Салты.

Жду дальнейших указаний.

(Довожу до сведения, что, начиная с кишлака Зилги и кончая кишлаком Шканты, население стало поголовно).

Ком. отряда Ф. Накин

28.11.42 г.

ЦГАСА, ф. 38677, оп. 1, д. 5, л. 12.

**КОМАНДИРУ ОТРЯДА КАПИТАНУ т. НАКИНУ.
БОЕВОЕ РАСПОРЯЖЕНИЕ № 0027 ШТАДИВ 11 НКВД.
ФАН. ЗАВОД 29.11.42 г. 12.25**

Карта 200 000

1. Обеспечить дорогу, идущую в Салты и Мухол в долину Псыгансу—Фан. Завод, действуйте решительно по ликвидации бандгруппы, выполняя мой приказ № 0025 от 26.11.42.

2. Через заложников установите место расположения пушки в штабе бандитов и наличие немцев и при благоприятных условиях захватите пушку и штаб.

3. Всех банд. пособников уничтожать вместе с жилыми домами. Детей и женщин не трогать.

4. Через рацию, которая Вам послана 28.11.42, и 10 кавалеристов доносите мне о ходе действий ежедневно, при любых обстоятельствах.

5. Посылаю сводку информбюро, проработайте со всем отрядом и доведите до сведения местное население.

6. С получением сего немедленно шлите связного с подробным описанием боевых действий. Укажите, что это за 1200 трупов указанных Вам в донесении, и какие имеются трофеи.

КСД — подполковник /Ш и к и н/
НШД — капитан /Т я ж е л о в/

Отп. 2 экз.

1-й экз. Накину

2-й экз. дело

Отправлено 12.30

Получено _____

ПНО-1 капитан /М и х а й л е н к о/

ЦГАСА, ф. 38677, оп. 1. д. 5. л. 13.

ШТАРМ 37

1. Противник перед фронтом дивизии за истекшие сутки активности не проявлял.

2. Отряд капитана Накина с 23.00 27.11 до 20.00 28.11.42 вел бой в Салты, большинство банды и их пособников уничтожено, а часть отошла в сел. Верх. Балкария, по отходу банды отряд находится в Салты.

3. По показанию заложников, в сел. Верх. Балкария насчитывается банда до 150 чел. вооружен винтовками, 1 пушка и по неточным данным якобы имеются станковый и ручные пулеметы.

В сел. Мухол (из показаний заложников) 80 немецких автоматчиков и до 200 бандитов из местного населения.

В 16.00 23.11.42. Командир отряда т. Накин из Мухол от банды получил ультимативную записку (копия прилагается).

4. Банда все время стремится овладеть высотами и оседлать дорогу, идущую через перевал в долину Псыгансу — на ФАН. ЗАВОД.

5. Отряду дано распоряжение перекрыть дорогу, идущую через перевал в долину Псыгансу, установить место нахождения штаба банды, правильность наличия немцев в Мухол, захватить пушку в штаб банды, далее выполнять мой приказ № 0025 от 26.11.42.

6. По донесению командира отряда все население Мухол, Салты, Каспарты, Зылги и прилегающих населенных пунктов восстало и выступает против Советской власти.

7. В Салты насчитывается 1200 трупов (данные о потерях банды мною уточняются). По выяснению донесу дополнительно.

8. Наши потери: Убито — 2 чел. Ранено — 5 чел.

9. Отряд т. Бондарева находится в Бабугент на своих прежних позициях.

В р-н Голубых озер выделен мною взвод, который 27.11.42 занял оборону прикрытия тыла с направления ущелья на Дагаут и Мухол.

КСД подполковник /Ш и к и н/
НШД капитан /Т я ж е л о в/

Отп. 2 экз.

1-й экз. Штарму

2-й экз. дело

Отправлено 13.20

Получено —

ПНО-1 капитан /М и х а й л е н к о/

ЦГАСА, ф. 38677, оп. 1, д. 9, л. 31.

ПОДПОЛКОВНИКУ т. ШИКИНУ

20.00 30.11.42

Карта: 1 : 200 000 Салты

Доносу, что в 5.00 30.11.42 овладел Кишлаком В.-Балкария и Кумюн. В течение дня вел уничтожение населения и построек. Банда, руководимая Патука, частью ушла в горы, а часть уничтожена. На всем протяжении дня банда активности не проявляла, вела редкую перестрелку. Из-заложников в Кишлак Мухол отправил второй ультиматум и сообщение Сов. Информбюро, ответа не получил. В Кишлаке В.-Балкарии взорван склад с боеприпасами. Уничтожено 300 человек. За период с 27.11.42 по 30.11.42 г. уничтожено пять населенных пунктов: В.-Балкария, Салты, Кумюн, В. Чегет и Глашев, из них три первых сожжено. Уничтожено до 1500 челов, по показаниям заложников уничтожено 90 человек бандитов, 400 человек (мужчин) могущих носить оружие, а остальные женщины и дети.

Пушка взята. Дорога, идущая на Мухол, контролируется и на Фан-Завод.

Занял оборону, веду разведку в сторону Мухол. Заложил секрет в составе 20 человек в ущелье против больницы Мухол.

Прибыли кр-цы из расчета батарей, которые находились в банде Даруменидзе и Кагладзе, последние заявили, что банда имеет до 150 чел. 29.11.42 приходил немец, обещал подбросить бойцов до 400 и закрыть ущелье против больницы. Немцы должны прибыть сегодня или завтра.

Прошу мин и снарядов к пушке.

Имею потери — 14 раненых и 3 убитых. Прошу
выслать людей для выгонки скота.

30.11.42

Командир отряда
капитан Ф. Н а к и н

ЦГАСА, ф. 38677, оп. 1, д. 5, л. 15.

Тов. НАКИН!

Получил Ваше второе донесение. Благодарю, шлите донесения с расчетом, чтобы оно мне поступало ежедневно.

Действия Ваши нахожу хорошими, а действия бойцов просто замечательными.

Если Вы очистите Среднюю Балкарию от этой сволочи, которая вместо защиты от немецких оккупантов предала свою Родину и сами стали бандитами, то Вы совершите дело огромной важности — очистите тыл наших войск.

Новой задачи я Вам не ставлю, она остается прежней, принимайте все меры к ее выполнению. Не забывайте коварство бандитов, не идите ни на какие провокации, форсируйте выполнение задачи, деритесь умением и хитростью, не бейте в лоб.

Убитых у Вас мало, это хорошо, а раненых много. Со стороны Бабугент в Вашу сторону ведется разведка, бандиты прикрывают это ущелье. Старайтесь связаться с Бондаревым.

По имеющимся данным — банда держит связь с немцами в Жемтала, я приму кое-какие меры, чтобы прекратить эту связь.

Высылаю Вам боеприпасы, табак и соль, ишаков верните немедленно, если можно, нагрузите их чем можно из продовольствия.

Держите связь со мной по радио.

Мои лучшие Вам пожелания, привет всем бойцам и командирам.

Шлю Вам последние известия. Форсируйте выполнение задачи.

Подполковник /Ш и к и н/

«30» ноября 1942 г.

ЦГАСА, ф. 38677, оп. 1, д. 5, л. 16.

КАПИТАНУ ТЯЖЕЛОВУ

1. Высланную Вами радиостанцию получил 29.11.42 г. 23.00, сегодня работаю весь день, но с вами связаться не могу.

2. Заложников беру, действую беспощадно, население все уничтожаю, а постройки жгу.

При получении второго приказа тактику уничтожения изменил.

3. По поводу установления телефонной связи с отрядом на Голубых озерах и отрядом Бондарева установить никак не могу (они не отвечают), проверить линию не в силах, т. к. по щели на голубоезеро проехать невозможно, везде бандиты обстреливают.

4. Посылал два ультиматума и ответа на мои требования не поступило.

5. Машины, оставленные здесь, все поголовно разбиты и растащены бандитами и запчастей собрать не с чего.

6. По поводу продуктов пока не надо ничего, если можно, то пришлите сами, табаку и водки.

7. Машины, которые находятся на Кош, мне не нужны, так как по эту сторону перевала не проедет (лед).

8. Кавалеристы 10 человек, высланные вами для связи, я их не получил.

20. 30.11.42 г.

Командир отряда
капитан Ф. Накин

ЦГАСА, ф. 38677, оп. 1, д. 5, л. 17.

**БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ 0035 ШТАДИВ 11.
ФАН. ЗАВОД. 1.12.42**

ШТАРМ 37

1. Противник перед фронтом дивизии за истекшие сутки активности не проявлял.

2. Отряд капитана Накина в 5.00. 30.11.42 овладел кишлаком Верх. Балкария и КУМЮМ. В кишлаке Верх. Балкария взорвал склад с боеприпасами банды, уничтожено 300 бандитов и их пособников.

Пушка, отнятая бандой у бойцов 72 зенитного полка, отбита и находится сейчас в отряде т. Накина.

3. В итоге за период с 27.11 по 30.11.42 отбито у банды 5 населенных пунктов. Кишлак Верхняя Балкария, Салты, Кумюм, В. Чегет, Глошев из них три первых уничтожено путем сожжения. Уничтожено за это время до 500 человек, из них 90 чел. бандитов, 400 чел. мужчин, имеющих связь в бандой, остальные пособники бандитов.

4. В отряд Накина прибыли из расчета пушки 772 полка, кр-цы Даруменлудзе и Кагладзе, которые находились в банде и доложили, что банда насчитывает до 150 чел. Кроме того, 29.11 прибыл в банду немец и обещал подбросить помощь 400 немцев, прибытие последних банда ожидает 30.11 или 1.12.42 в с. Мухол.

5. В настоящее время отряд занял оборону по высотам севернее и северо-вост. Салты ведет разведку на МУХОЛ. Кроме того, прикрывает дорогу на перевал к долине Псыгансу.

6. Потери отряда за весь период: убито 5 чел.
Ранено — 14 чел., которые эвакуированы на Фан.
Завод.

КСД подполковник /Ш и к и н/
НШД капитан /Т я ж е л о в/

ЦГАСА, ф. 38677, оп. 1, д. 9, л. 32.

КАПИТАНУ т. БОНДАРЕВУ

Ваши донесения получены. Информую Вас о действиях т. Накина. 30.11 он захватил почти все населенные пункты, на 50—60 % уничтожил банду и разгромил их пособников, захватил пушку и другие трофеи, имеет много продуктов.

Вам необходимо принять все возможные меры к установлению связи с Накиным, вести в его направлении разведку.

Со стороны КАРАСУ бандиты в Средней Балкарии помощи не получают, есть данные, что они имеют связь с немцами в Жемтала.

Мины пока еще не прибыли. Если Вы уничтожили двух «Ванюш», то заслуживаете большой похвалы, а люди, которые выполняли эту задачу, награды.

Привет всем бойцам и командирам.

КСД подполковник /Ш и к и н/

«1» декабря 1942 г.

ЦГАСА, ф. 38677, оп. 1, д. 6, л. 15.

**КОМАНДИРУ СВОДНОГО ОТРЯДА
КАПИТАНУ т. НАКИНУ**

Ваше донесение получено. Дальнейшая задача продолжать очищать населенные пункты, в первую очередь МУХОЛ.

Принять меры к установлению связи с капитаном Бондаревым. Со стороны Бабугент в Вашем направлении ведется разведка. Примерно в 6 км от оз. Церик-гель разведка (от кав. взв. 17 кп т. Гузанова) встретила с противником и была обстреляна, имеется один убитый и один ранен.

Ставлю им задачу настойчиво входить в связь с Вами. Принимаю меры к разведке маршрута Средняя Балкария — Жемтала, откуда якобы бандиты поддерживают связь с немцами.

Немедленно принимайте меры к уборке трупов, используя для этого местное население.

Пушку вытаскивайте тоже силами населения, если таковое осталось, если нет, то держите при себе до благоприятного момента.

Боевой привет всем бойцам и командирам. Желаю успеха.

Подполковник /Ш и к и н/

« » декабря 1942 г.

ЦГАСА, ф. 38677, оп. 1, д. 5, л. 17.

НКО СССР
штаб 37-й армии
«3» декабря 1942
№ 0169

КОМАНДИРУ ОД ВВ НКВД

В своем боевом донесении № 0035 от 1.12.42. Вы сообщаете, что 27.11.42, по 30.11.42 отрядом капитана Накина уничтожено 1500 человек, из них 90 чел. бандитов, 400 человек мужчин, имеющих связь с бандой, остальные пособники бандитов.

КОМАНДУЮЩИЙ АРМИЕЙ ПРИКАЗАЛ:

Проверить истинное положение об убитых пособниках бандитов.

Цифра 1500 чел. слишком большая, вероятно, есть напрасные жертвы.

Результаты проверки особым донесением доставить в Штаб.

Командиру отряда капитану НАКИНУ дать по этому вопросу исчерпывающие и точные указания, в которых особо обратить внимание его на то, что уничтожению подлежат только враги Красной Армии, но ни в коем случае не местное население, ничего общего не имеющего с бандой.

Начальник штаба 37-А
Генерал-майор /Р а з у в а е в/
Начальник оперативного отдела
полковник /П е т у х о в/

Отп. 2-экз.

1.12.42.

Испт. Корж.

ЦАМО, ф. 1047, оп. 1, д. 19.

ПОДПОЛКОВНИКУ т. ШИКИНУ

10.00 3.12.42. с. Салты

Карта 200 000

Доношу, что населенные пункты согласно приказа от бандитов и их сообщников очищены. 2.12.42. очищен Мухол, провел митинг и оставил гарнизон 3 эскадрон 17 кп и с задачей согласно приказа. Пушка находится возле меня и готова к бою. Веду разведку в сторону голубых озер, высланная мною разведка еще не вернулась, о результатах сообщу. Сегодня получил письмо от бандитов, которое высылаю Вам. По словам делегатов завтра утром, т. е. 4. 12. 42, должна сдаться группа в количестве 25 чел., о результатах сообщу. Банда в количестве 97 истреблена, частью ушла на соединение с немцами в Жемталу, остальные пытаются сдаться.

По поводу радиосвязи, то радиосвязь не работала, село питание.

Продукты есть, картофель, яблоки, немного муки и скот. Направляю раненого красноармейца и задержанного красноармейца, находившегося в данной банде Погосян 662 сп. Трупы собираю.

Нач. сводного отряда
капитан **Н а к и н**

ЦГАСА, ф. 38677, оп. 1, д. 5, л. 1.

АКТ

13 июня 1943 г. Мы, нижеподписавшиеся, комиссия в составе Зашасва Магомед Асланбековича — председателя Сельского Совета депутатов трудящихся селения Верхняя Балкария Черекского района Кабардино-Балкарской АССР — он же председатель комиссии и членов: Мамаева Барас Каплиевича — секретаря Сельского Совета депутатов трудящихся, Моллаева Амитаи Шотаевича с участием граждан селения Верхняя Балкария Карчасва Хасим Эдиховича, Моттаева Юсупа Омаровича и Жангаразова Хусей Юсуповича, составили настоящий акт о зверствах, грабежах, и насилиях, учиненных немецко-фашистскими оккупантами и их пособниками над мирными жителями, проживающими на территории Сельского Совета селения Верхняя Балкария.

6-го декабря 1943 года, группа немецко-фашистских оккупантов, под руководством майора Германской Армии, фамилии которого установить не удалось, при активной помощи изменников родины — немецко-фашистских пособников Жангуразова Якуба, Табаксоева Баттала и Занкишизова Исмаила врывались поселки, находящиеся на территории Верхне-Балкарского Сельского Совета депутатов трудящихся, где они учиняли грабежи, издевательства и насилия над мирными жителями, жгли дома, расстреливали мирных жителей, стариков, женщин и детей, а именно:

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Пол	Год рожден. (возраст)
1	2	3	4
1.	Цраев Занибек Кючюкович	муж.	80 лет
2.	Цраев Локман Кючюкович	—«—	70 лет
3.	Муртазов Сарбий Ортабаевич	—«—	70 лет
4.	Болатов Зулкарней Кокенович	—«—	71 год
5.	Адиқанова Қоқуш Бағитиrowна	жен.	76 лет
6.	Мечукаева Хоппик Муссовна	жен.	71 год
7.	Тетүев Басханук Муссович	муж.	62 года
8.	Мамаев Абулла Ханбиевич	—«—	22 года
9.	Кайгермазов Магомед Хамырз.	—«—	26 лет
10.	Моттаева Хабий Хамырзаевна	жен.	50 лет
11.	Казиев Кушу Тогуланович	муж.	100 лет
12.	Болатов Магомед Локайевич	муж.	10 лет
13.	Сарабашева Нафий Аслаигериевна	жен.	50 лет
14.	Сарабашева Кабижан Муссаевна	жен.	80 лет
15.	Сарабашев Исмаил Аслануков.	муж.	6 лет
16.	Сарабашева Нажабат Асланук.	жен.	15 лет
17.	Сарабашева Шамшият Асланук.	—«—	12 лет
18.	Гадиева Саният Шонтуевна	—«—	35 лет
19.	Гадиев Орлов Чомакович	муж.	5 лет
20.	Гелыев Курман Буккуевич	—«—	55 лет
21.	Кабардуков Бучок Фуруевич	—«—	90 лет
22.	Чубоков Байдулла Якубович	—«—	7 лет
23.	Чубокова Саният Якубовна	жен.	5 лет
24.	Куйинова Жокка Таусоевна	—«—	85 лет
25.	Хульчаев Омар Оразаевич	муж.	99 лет
26.	Хучинаев Гетче Ындырбаев.	—«—	75 лет
27.	Жангоразова Аминат Карабиев.	жен.	16 лет
28.	Баллиев Тамук Эльжарнал	муж.	61 год
29.	Гериев Асланмурза Туаевич	—«—	80 лет
30.	Эхчиев Локман Замолотович	—«—	61 год
31.	Байсиева Кисчик Гылыуовна	жен.	40 лет
32.	Байсиева Буслуйма Магометов.	жен.	20 лет
33.	Байсиева Доммай Магометов.	—«—	9 лет
34.	Карчаева Айшат Хасановна	—«—	40 лет
35.	Карчаева Фолехи Жекеровна	муж.	12 лет
36.	Карчаева Хабибуллах Жекеровна	—«—	8 лет
37.	Карчаева Эльяс Жекерянов.	жен.	2 года
38.	Гумаев Юсуб Элясович	муж.	90 лет
39.	Мисиров Пуда Омарович	—«—	90 лет

1	2	3	4
40.	Мисиров Стампул Темирсол.	—«—	50 лет
41.	Мисиров Буслуй Цуасенов.	—«—	15 лет
42.	Мисиров Тахибат Цуасенов.	—«—	12 лет
43.	Мисиров Майриш Цуасенов.	—«—	8 лет
44.	Мисиров Юсуб Цуасенов.	—«—	6 лет
45.	Мисирова Бадии Тинбековна	жен.	30 лет
46.	Мисирова Кеккай Махмут.	—«—	8 лет
47.	Мисирова Гуляй Махматов.	—«—	6 лет
48.	Мисирова Кукуш Махмут.	—«—	5 лет
49.	Мисирова Эрменбий Махматов.	жен.	2 года
50.	Мисиров Кичи Омарович	муж.	80 лет
51.	Мисиров Хабибат Тетаусолтанов.	муж.	50 лет
52.	Мисиров Кишмат Кекесович	муж.	15 лет
53.	Мисирова Нюса Кекесовна	жен.	12 лет
54.	Мисирова Арзнят Титаевна	жен.	25 лет
55.	Мисирова Сакинат Титаевна	жен.	20 лет
56.	Мисирова Абусалам Титасвна	—«—	6 лет
57.	Мисиров Тета Омарович	муж.	82 года
58.	Мисиров Гитче Махетович	—«—	60 лет
59.	Мисирова Маруся Тетаевна	жен.	5 лет
60.	Мисирова Люба Тетаевна	—«—	2 года
61.	Мисиров Ахмат Зентович	муж.	75 лет
62.	Мисиров Токи Махматович	—«—	45 лет
63.	Мисиров Кокез Ахматович	—«—	15 лет
64.	Мисиров Сейда Ахматович	—«—	10 лет
65.	Мисиров Магомет Ахматов.	—«—	6 лет
66.	Мисиров Эльяс Ахматович	—«—	4 года
67.	Мисирова Роза Ахматовна	жен.	2 года
68.	Мисиров Хызыр Ахматович	муж.	1 год
69.	Байсиева Кубул Кайденаков.	жен.	25 лет
70.	Байсиев Кокез Магометович	муж.	12 лет
71.	Карчаева Леска Петровна	жен.	45 лет
72.	Целишев Махет Кокеевич	муж.	100 лет
73.	Целишева Айка Ахматовна	жен.	80 лет
74.	Целишева Ратият Акуевна	—«—	30 лет
75.	Целишев Хызыр Махетович	муж.	30 лет
76.	Целишева Халимат Махетовна	жен.	1 год
77.	Мисирова Хадижат Хусеевна	—«—	45 лет
78.	Мисирова Кысчык Хамитовна	—«—	9 лет
79.	Мисирова Икзилхан Мамаевна	—«—	12 лет
80.	Мисирова Келимат Кумуков.	жен.	15 лет

1	2	3	4
81.	Мисиров Заубатыр Губиевич	муж.	85 лет
82.	Мисирова Аяна Магометовна	жен.	80 лет
83.	Мисиров Шашару Шаукович	муж.	30 лет
84.	Мисирова Нажибат Якубовна	жен.	15 лет
85.	Мисирова Назибат Якубовна	жен.	9 лет
86.	Мисирова Кызчик Якубовна	жен.	7 лет
87.	Мисиров Мухажир Якубов.	муж.	5 лет
88.	Мисирова Мухуржан Заубат	жен.	35 лет
89.	Мисирова Мухурбий Чафан.	жен.	1 год
90.	Мисирова Халымат Чафан.	жен.	2 года
91.	Кильчаев Гирчак Гемаевич	муж.	85 лет
92.	Кильчаева Налифхан Каншауви.	жен.	75 лет
93.	Кильчаева Афу Гиркоговна	жен.	40 лет
94.	Кильчаева Марьян Гирхаловна	жен.	25 лет
95.	Кильчаева Мару Биляковна	жен.	5 лет
96.	Кильчаева Наурган Гирхасовна	жен.	1 год
97.	Кильчаев Токуй Исмаилов.	муж.	85 лет
98.	Кильчаева Сыйдум Архотова	жен.	30 лет
99.	Кильчаев Мухадим Исмаилов.	муж.	4 года
100.	Кильчаева Захида Исмаиловн.	жен.	2 года
101.	Карчаева Сыйдум Ахмадовна	жен.	81 лет
102.	Карчаев Хасан Акуевич	муж.	12 лет
103.	Илистинова Балдан Балоевна	жен.	53 лет
104.	Илистинова Хамли Маиловна	жен.	25 лет
105.	Илистинова Калмык Маиловна	жен.	8 лет
106.	Илистинова Жансурат Мухай.	жен.	28 лет
107.	Илистинов Магомет Кокезов.	муж.	3 года
108.	Илистинова Жемитхан Кекезов.	жен.	1 год
109.	Цепишев Гитчек Цацукович	муж.	40 лет
110.	Цепишев Мустафа Махатов.	муж.	45 лет
111.	Цепишева Салимат Махатов.	жен.	40 лет
112.	Цепишев Хусей Мустафов.	муж.	12 лет
113.	Цепишева Шопи Мустаф.	жен.	7 лет
114.	Цепишева Маруся Мустаф.	жен.	5 лет
115.	Цепишев Хасан Мустаф.	муж.	3 года
116.	Карчаев Табой Алтуевич	муж.	75 лет
117.	Карчаев Минюш Сарашуев.	муж.	76 лет
118.	Карчаева Жансурат Сараш.	жен.	9 лет
119.	Карчаева Халымат Сараш.	жен.	2 года
120.	Карчаева Хамният Заубатовна	жен.	38 лет
121.	Карчаева Шамкыз Локмановна	—«—	8 лет

1	2	3	4
122.	Карчаева Кизикан Локманов.	жен.	9 лет
123.	Карчаев Талхат Локманов.	муж.	2 года
124.	Сарабашева Халимат Исаев.	жен.	30 лет
125.	Сарабашева Абидат Магомет.	—«—	5 лет
126.	Сарабашева Майриш Магомет.	—«—	6 лет
127.	Сарабашев Серафин Магомет.	муж.	10 лет
128.	Сарабашев Базан Магомет.	—«—	8 лет
129.	Сарабашева Ваханат Магомет.	жен.	2 года
130.	Сарабашева Халимат Борисов.	—«—	30 лет
131.	Сарабашева Атим Софеевна	—«—	29 лет
132.	Сарабашев Мажмудин Ахмат.	муж.	3 года
133.	Сарбашев Исмаил Ахматов.	муж.	3 года
134.	Сарбашев Якуб Исмаилович	—«—	90 лет
135.	Сарабашева Халимат Якубовна	жен.	15 лет
136.	Сарбашева Келимат Якубовна	—«—	20 лет
137.	Сарабашев Зайнаф Дукаевна	—«—	45 лет
138.	Карчаев Абулла Идинович	муж.	75 лет
139.	Карчаева Фатимат Абдулов.	жен.	70 лет
140.	Карчаева Аснат Абдулаев.	жен.	15 лет
141.	Илистинова Марьям Мушхаев.	жен.	20 лет
142.	Илистинова Халимат Карабашев.	—«—	26 лет
143.	Илистинова Халимат Ахияевна	—«—	6 лет
144.	Илистинов Эльяз Ахияевич	муж.	3 года
145.	Илистинов Нух Ахияевич	—«—	1 год
146.	Сарбашев Чукал Каполович	—«—	8 лет
147.	Сарбашев Дархат Каполович	—«—	7 лет
148.	Мисирова Хатапа Абуллаевна	жен.	25 лет
149.	Мисиров Борис Алневич	муж.	2 года
150.	Мисирова Талай Калуовна	жен.	30 лет
151.	Мисиров Байдуллах Аслангериев.	муж.	76 лет
152.	Мисирова Айшат Зашаевна	жен.	95 лет
153.	Мисиров Инал Чинчикович	муж.	55 лет
154.	Мисиров Ахмат Акбашевич	—«—	22 года
155.	Мисиров Ахбат Тимурзуевич	—«—	100 лет
156.	Мисирова Айшат Шабазовна	жен.	48 лет
157.	Мисирова Кезибан Хусеевна	жен.	30 лет
158.	Мисирова Фазика Митаевна	—«—	5 лет
159.	Мисирова Салимат Митаевна	—«—	2 года
160.	Мисирова Стамгул Арафевна	—«—	47 лет
161.	Мисиров Батурбий Кайтыров	муж.	100 лет
162.	Мисиров Мамух Асланович	—«—	95 лет

1	2	3	4
163.	Мисиров Кизар Батибиевич	муж.	40 лет
164.	Мисиров Хабий Батирбиевич	—«—	45 лет
165.	Мисиров Мухай Батирбиев.	—«—	59 лет
166.	Мисирова Наифхан Сурадовна	жен.	50 лет
167.	Мисирова Абидат Мухаевна	—«—	17 лет
168.	Темиржанов Шамшудин Абуллаев.	—«—	15 лет
169.	Мисиров Хажмурат Мухаев.	муж.	9 лет
170.	Мисирова Нухчул Мухаевна	жен.	6 лет
171.	Мисиров Далхат Мухаевич	муж.	5 лет
172.	Мисирова Люба Баразовна	жен.	9 лет
173.	Мисирова Кисчик Баразовна	—«—	5 лет
174.	Мисирова Саният Кучуковна	—«—	30 лет
175.	Мисирова Шарау Мустафаев.	—«—	8 лет
176.	Мисуров Чачык Мустафаев.	муж.	6 лет
177.	Мисирова Люба Мустафов.	жен.	2 года
178.	Мисиров Мусса Кокнаевич	муж.	80 лет
179.	Мисирова Фатимат Цициунов.	жен.	40 лет
180.	Мисиров Муста Мусаевич	муж.	5 лет
181.	Мисиров Аллахберди Мусаев.	—«—	2 года
182.	Мисирова Зурият Кантаевна	жен.	45 лет
183.	Мисирова Солтан Махмутовна	—«—	8 лет
184.	Мисирова Аминат Махмутов.	муж.	7 лет
185.	Мисиров Мурат Махмутов.	—«—	3 лет
186.	Мисиров Осман Махмутов.	—«—	5 лет
187.	Мисирова Салихат Махмутовна	жен.	2 года
188.	Мисирова Рахимат Кучуковна	—«—	42 года
189.	Мисирова Шамдари Ахматовна	—«—	12 лет
190.	Мисиров Хажидат Ахматович	муж.	6 лет
191.	Мисиров Рамазан Ахматович	—«—	8 лет
192.	Мисиров Базан Ахматович	—«—	3 года
193.	Темиржанов Гидче Бакуевич	—«—	58 лет
194.	Темиржанова Нафисат Хажмурз.	жен.	50 лет
195.	Темиржанова Лейля Гидчиевна	—«—	6 лет
196.	Темиржанова Тани Макловна	—«—	43 года
197.	Темиржанов Махти Абуллаевич	муж.	8 лет
198.	Темиржанов Шамшудин Абуллаев.	—«—	2 года
199.	Темиржанов Хамзат Бакуевич	—«—	70 лет
200.	Темиржанова Шефи Жумакуевна	жен.	60 лет
201.	Темиржанова Майрыш Хамзатовна	—«—	15 лет
202.	Темиржанов Исхак Хамзатович	муж.	12 лет
203.	Темиржанов Мазан Бакуевич	—«—	67 лет

1	2	3	4
204.	Темиржанова Забит Кушуевна	жен.	60 лет
205.	Темиржанова Фати Мазановна	—«—	12 лет
206.	Темиржанова Токуй Мазановна	—«—	8 лет
207.	Темиржанов Шохай Мазанович	муж.	6 лет
208.	Темиржанова Арзи Мазановна	жен.	5 лет
209.	Темиржанов Ахмат Мазанов.	муж.	3 года
210.	Темиржанов Жахрат Зентович	—«—	79 лет
211.	Темиржанова Рахимат Узеир.	жен.	25 лет
212.	Темиржанов Пахау Махатов.	муж.	2 года
213.	Темиржанова Шамар Кекезовна	жен.	45 лет
214.	Темиржанова Шамкиз Кекезовна	—«—	4 года
215.	Темиржанов Али Кекезович	муж.	3 года
216.	Темиржанов Буттуй Эльмуревн.	—«—	60 лет
217.	Темиржанова Фаржат Индрисов.	жен.	12 лет
218.	Темиржанова Аминат Хатимовна	жен.	85 лет
219.	Темиржанов Жашау Карамурзов.	муж.	90 лет
220.	Темиржанова Хадижат Магомет.	жен.	40 лет
221.	Темиржанов Фати Зарак.	муж.	14 лет
222.	Темиржанова Мару Бутитуновна	жен.	30 лет
223.	Темиржанов Ибрагим Исмаилович	муж.	8 лет
224.	Темиржанов Рамазан Исмаилов.	—«—	6 лет
225.	Темиржанов Даут Исмаилович	—«—	3 лет
226.	Темиржанова Назифа Муссаев.	жен.	40 лет
227.	Темиржанов Харун Юсупович	муж.	6 лет
228.	Темиржанов Далхат Юсупович	—«—	3 года
229.	Темиржанов Деулетхан Титоев.	—«—	120 лет
230.	Темиржанов Махет Бакуевич	—«—	90 лет
231.	Темиржанова Менау Токмиевна	жен.	80 лет
232.	Темиржанова Кезибанк Якубовна	—«—	25 лет
233.	Темиржанова Зулкарней Мустафаев.	муж.	6 лет
234.	Темиржанов Магомед Мустафаев.	—«—	5 лет
235.	Темиржанов Гамет Мустафаев.	—«—	4 года
236.	Темиржанова Муталиф Мустаф.	жен.	3 года
237.	Тауболатов Мусса Асланбеков.	муж.	80 лет
238.	Темиржанов Альбек Хамзатович	—«—	85 лет
239.	Темиржанов Хусей Альбекович	—«—	20 лет
240.	Темиржанов Бараз Эльмурзаев.	—«—	80 лет
241.	Темиржанова Рахимат Хажибекир.	жен.	40 лет
242.	Темиржанова Таня Ивановна	—«—	30 лет
243.	Темиржанова Галя Ахматовна	—«—	2 года
244.	Тауболатов Бараз Хажиевич	муж.	85 лет

1.	2	3	4
245.	Тауболатова Кызыу Батырбеков.	жен.	50 лет
246.	Тауболатова Зухура Баразовна	—«—	20 лет
246.	Тауболатова Кези Баразовна	—«—	12 лет
247.	Тауболатова Маржанат Баразов.	—«—	10 лет
248.	Тауболатов Даниял Баразович	муж.	8 лет
249.	Тауболатова Захидат Баразовна	жен.	6 лет
250.	Тауболатова Халимат Бараз.	—«—	3 года
251.	Тауболатов Бокминат Махетович	муж.	39 лет
252.	Тауболатов Эльяс Шохоевич	—«—	8 лет
253.	Тауболатова Калимат Шохоев.	жен.	10 лет
254.	Темиржанов Абхаз Курманович	муж.	96 лет
255.	Темиржанова Аминат Бимурзаевна	жен.	90 лет
256.	Темиржанова Лиза Борисовна	—«—	30 лет
257.	Темиржанов Омар Таубаевич	муж.	90 лет
258.	Темиржанова Балдан Эльмурзаевна	жен.	80 лет
259.	Темиржанов Шабат Исмаилович	муж.	55 лет
260.	Темиржанов Афу Исаевич	—«—	15 лет
261.	Темиржанова Аминат Хузеировна	жен.	28 лет
262.	Темиржанов Амит Адрахманович	муж.	6 лет
263.	Темиржанова Шахи Адрахмановна	жен.	4 года
264.	Темиржанова Маруся Адрахмановна	—«—	1 год
265.	Темиржанов Махмут Артаевич	муж.	50 лет
266.	Темиржанова Рахимат Хажмурзовна	жен.	38 лет
267.	Темиржанова Сансибил Махмутовна	—«—	4 года
268.	Темиржанова Зулиха Махмутовна	—«—	3 года
269.	Темиржанов Жалимат Ахматович	муж.	40 лет
270.	Темиржанова Салихат Ахматовна	жен.	30 лет
271.	Темиржанов Анкерим Ахматович	муж.	18 лет
272.	Гумаева Буслимат Аубекировна	жен.	40 лет
273.	Гумаев Суфиян Мухадинович	муж.	10 лет
274.	Гумаев Хадис Мухадинович	—«—	6 лет
275.	Гумаева Аминат Мухадиновна	жен.	5 лет
276.	Гумаева Халимат Мухадиновна	—«—	4 года
277.	Гумаев Татау Муссаевич	муж.	90 лет
278.	Гумаева Женистхан Хажомаровна	жен.	40 лет
279.	Гумаева Лейля Хажимуразовна	жен.	2 года
280.	Гумаев Хусей Исмаилович	муж.	45 лет
281.	Гумаева Зарият Исмаиловна	жен.	40 лет
282.	Гумаев Нух Хусеевич	муж.	15 лет
283.	Гумаева Жансурат Хусеевна	жен.	14 лет
284.	Тауболатова Щерифа Махетовна	—«—	30 лет

1	2	3	4
285.	Тауболатова Нажабат Хажимурз.	жен.	16 лет
286.	Тауболатова Бусли Баймурзаев.	—«—	80 лет
287.	Сарбашева Зумуш Канжаевна	жен.	85 лет
288.	Сарбашева Желимат Бракиев.	жен.	40 лет
289.	Сарбашева Халимат Баразовна	жен.	30 лет
290.	Темиржанова Шахар Муссаевна	жен.	100 лет
291.	Саракуев Исмаил Занихотович	муж.	60 лет
292.	Карчаева Науш Кушуевна	жен.	60 лет
293.	Мисиров Огурлу Исмаилович	муж.	15 лет
294.	Мисирова Кртынай Касбулатовна	жен.	90 лет
295.	Мисиров Хаджимурат Тамукаевич	муж.	2 года
296.	Мисиров Беки Дабекевич	—«—	90 лет
297.	Мисиров Алибек Хамзаевич	—«—	95 лет
298.	Мисирова Сырмахан Хакимовна	жен.	90 лет
299.	Мисирова Келимат Тамуковна	—«—	11 лет
300.	Мисиров Махмут Тамукаевич	муж.	7 лет
301.	Мисирова Лиза Тамуковна	жен.	2 года
302.	Мисирова Жаминат Хамитовна	жен.	40 лет
303.	Мисирова Мажит Мукаевна	—«—	8 лет
304.	Мисирова Женлетхан Муссаевна	—«—	15 лет
305.	Мисирова Ахмадия Муссаевна	—«—	8 лет
307.	Мисирова Шехер Холаевна	—«—	80 лет
308.	Мисирова Балдан Заурбековна	—«—	76 лет
309.	Мисиров Аскер Индрисович	муж.	16 лет
310.	Темиржанов Осман Махмудов.	—«—	6 лет

Всего погибло от рук немецко-фашистских захватчиков и их сообщников триста десять человек мирных жителей, в том числе детей в возрасте до 16 лет — 150 человек.

О чем и составлен настоящий акт.

Председатель комиссии: подпись

Члены: подписи

Свидетели: подписи

Исполнительный комитет Черекского райсовета
Депутатов трудящихся настоящий акт заверяет:

Председатель Черекского райсовета Депутатов
трудящихся: Б о з н е в

Секретарь исполкома: подпись

Настоящий акт зарегистрирован в книге актов
по ущербу за № 19 от 23 июня 1943 г.

Секретарь исполкома: подпись

ЦГА КБАССР, ф. р-290, оп. 1, д. 19, л. 1—6.

АКТ

15 июня 1943 года. Мы, нижеподписавшиеся, комиссия в составе Эндреева Таусолтана Кайсыновича — председателя сельского Совета народных депутатов трудящихся селения Средняя Балкария, он же председатель комиссии, Османовой Маржан Ажиевны — секретаря того же Совета, и Асанова Юсупа Хажуовича — гражданина этого же селения с участием граждан Асановой Жаурият Индрисовны, Саракаева Зулкарнея Кульчукаевича, Оракова Тенб Замолатовича и Саракаевой Сакинат Зулкарнеевны уроженцев селения Средняя Балкария Черекского района Кабардино-Балкарской АССР составили настоящий акт о зверствах и бесчинствах немецко-фашистских оккупантов и их сообщников, учиненных в поселке Глашево.

6 декабря 1942 года отряд немецко-фашистских оккупантов под командованием майора немецкой армии, фамилии которого установить не удалось, при поддержке изменников Родины бандитов Жангуразова Якуба — коменданта Черекского района при оккупантах, Табаксоева Баттала — шефа полиции и других ворвались в поселок Глашево, где начали бесчинствовать и грабить мирных жителей, забирая ценности и имущество последних. Над гражданами пытавшимися противодействовать бесчинству, грабежу и насилию бандита зверски издевались, избивали их выводили из домов и тут же публично расстреливали. Ценности и имущество забирали, а дома сжигали. Таким образом по селению Глашево в результате злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников из 125 домов сожжено 52 дома, а из 512 человек мирных жителей расстреляно и зверски замучено 63 человека: стариков, женщин и детей, а именно:

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Пол	Год рожде- ния
1	2	3	4
1.	Хуболов Абусалам Хажбатырович	муж.	1875
2.	Хуболова Шамдара Абусаламовна	жен.	1924
3.	Хуболов Осман Хажбатырович	муж.	1878
4.	Хуболов Хамид Хажамарович	муж.	1889
5.	Хуболов Тамук Хажбиевич	—«—	1894
6.	Хуболова Фатимат Ибрагимовна	жен.	1898
7.	Эндреев Буттук Буттукович	муж.	1889
8.	Глашев Борис Малкоевич	—«—	1871
9.	Глашева Биба Махмудовна	жен.	1869
10.	Эндреева Нуржан Шаухановна	—«—	1920
11.	Глашева Хафсат Магомедовна	—«—	1907
12.	Глашев Чече Эльмурзаевич	муж.	1867
13.	Глашева Дулдус Мамшоевнa	жен.	1871
14.	Глашева Хабиба Хасимовна	—«—	1908
15.	Глашев Мухтар Махмудович	муж.	1920
16.	Глашев Улдарбий Хажимурзаевич	муж.	1939
17.	Глашева Гитче Таукановна	—«—	1878
18.	Глашев Абдул Керим Исаевич	—«—	1924
19.	Глашева Найжан Таукановна	—«—	1878
20.	Глашева Бислимат Малкаруковна	—«—	1909
21.	Глашева Ханифа Малкаруковна	—«—	1921
22.	Глашева Шамка Хажиевна	—«—	1922
23.	Глашева Таги Ортаевна	—«—	1880
24.	Глашева Айза Тамуковна	—«—	1870
25.	Глашева Найжан Кызевна	—«—	1908
26.	Глашев Идрис Якубович	муж.	1901
27.	Глашев Якуб Хамидович	—«—	1903
28.	Глашева Найжан Таубиевна	жен.	1905
29.	Глашева Маржанат Османовна	—«—	1936
30.	Глашева Иллаука Османовна	—«—	1937
31.	Глашева Багалы Османовна	—«—	1940
32.	Глашева Нажабат Османовна	—«—	1938
33.	Глашева Шохи Шардановна	—«—	1918
34.	Глашев Шахар Малкоевич	муж.	1859
35.	Глашев Абдурахман Шахарович	—«—	1914
36.	Глашев Магомед Шахарович	—«—	1886
37.	Глашев Али Шахарович	—«—	1888
38.	Глашева Хадимат Таукановна	жен.	1909
39.	Глашев Хасан Магомедович	муж.	1925

1	2	3	4
40.	Глашев Кральби Магомедович	муж.	1931
41.	Глашева Байллиу Магометовна	жен.	1938
42.	Глашева Жемнат Татауовна	—«—	1889
43.	Глашев Кумук Якубович	муж.	1889
44.	Глашев Татау Якубович	—«—	1892
45.	Глашев Хусей Якубович	—«—	1895
46.	Глашева Харасан Якубовна	жен.	1896
47.	Глашева Марьям Татаевна	жен.	1901
48.	Глашева Каба Сантановна	—«—	1869
49.	Глашев Рамазан Тауканович	муж.	1926
50.	Глашев Осман Исмаилов	—«—	1899
51.	Глашева Аминат Таукановна	жен.	1899
52.	Глашева Марьям Исмаиловна	—«—	1919
53.	Глашева Хайджат Исмаиловна	—«—	1871
54.	Глашев Узеир Гергокович	муж.	1901
55.	Глашев Хизир Гергокович	—«—	1910
56.	Глашева Кабахан Заурбековна	жен.	1867
57.	Глашев Масхут Эльмурзаевич	муж.	1872
58.	Глашева Шейда Масхутовна	жен.	1924
59.	Глашева Сакинат Масхутовна	—«—	1928
60.	Глашев Шахай Макоевич	муж.	1900
61.	Глашев Хасан Шахоевич	—«—	1930
62.	Глашев Даут Мокаевич	—«—	1890
63.	Глашева Байдан Эдиковна	жен.	1894

Всего погибло от рук немецко-фашистских захватчиков и их сообщников шестьдесят три человека мирных жителей.

О чем и составлен настоящий акт.

Председатель комиссии:

подпись

Члены:

подпись

Свидетели:

подпись

подпись

подпись

подпись

15 июня 1943 г.

Исполнительный комитет Черекского Райсовета
депутатов трудящихся настоящий акт заверяет.

Председатель Черекского

райсовета /Б о з и е в/ подпись

Секретарь исполкома /А с а н о в а/ подпись

Настоящий акт зарегистрирован в книге актов по
ущербу за № 18 от 23 июня 1943 г.

Секретарь исполкома: подпись

ЦГА КБАССР, ф. р-292, оп. 1, д. 69, л. 1—2.

**НАЧАЛЬНИКУ ПОЛИТОТДЕЛА 37 АРМИИ
ПОЛКОВОМУ КОМИССАРУ ТОВ. ОСАДНИМУ**

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Выполняя ваше задание по расследованию факта невинных жертв, в связи с ликвидацией банд в р-не Ср. Балкарии, мной установлено следующее. При направлении отряда Накина в р-он действия банд приказ командира 11 с. д. войск НКВД гласил «Повести самую решительную, беспощадную борьбу с бандитами и их пособниками, уничтожать их на месте, сжечь полностью постройки и имущество, уничтожить все, что может возродить почву для бандитизма». Издавая такой жесткий приказ, командир дивизии подполковник Шикин руководствовался тем, что якобы ему командующий 37 Армии генерал-майор т. Козлов устно по телефону приказал: «Стереть с лица земли село Ср. Балкария, не считаясь ни с чем». Накин, выполняя приказ командира дивизии, с отрядом в 150 человек 26.11.42 г. выступил в указанном направлении. 27.11.42 г. не доходя Салты командиром отряда, капитаном Накиным, была выслана разведка, которая встретилась с засадой бандитов и была обстреляна.

Продвигаясь вперед, к 2 часам ночи, отряд подошел к с. Салты и окружил ее. Банда, находящаяся в селе, открыла сильный ружейный и автоматический огонь, стреляли из домов, из-под заборов и камней. В результате этого боя отряд потерял 7 человек убитыми и 16 раненых. Очищая это село от банды, бойцы отряда бросали гранаты в окна и стреляли из автоматов по бегущим. По рас-

сказу представителя от политрука достоверно выяснено, что в этом селе было уничтожено до 60 % населения и около 30 % сожжено. Нужно полагать, что в ночном бою, притом при активном сопротивлении банды, в этом селе много было уничтожено невинных жителей, которые ни в коей мере не были связаны с бандой. Убирая трупы убитых, самим отрядом захоронено около 250 чел. разного пола, но это не все, а только меньшая половина из числа погибших, а остальные якобы остались не убранные трупы. В остальных селах такого массового истребления не было. Но из докладной командира видно, что в другой (далее текст неразборчив) новой докладной Накин пишет «В течение дня вел уничтожения населения и построек. Банда, руководимая Патукой, частью ушла в горы, а частью уничтожена» и дальше «в В. Балкарии взорван склад с боеприпасами, уничтожено 300 человек. За период с 27.11.42 по 30.11.42 уничтожено пять населенных пунктов, В. Балкария, Салты, Кумюн, В. Чегет и Глашев, из них три первых сожжены. Уничтожено до 1500 чел. по показаниям заложников уничтожено 90 чел. бандитов, 400 чел. (мужчин) могущих носить оружие, а остальные женщины и дети». От 29.11.42 Накин в своем донесении на имя нач. штаба дивизии капитану Тяжелову пишет: «Заложников беру, действую беспощадно, население все уничтожаю, а постройки жгу, при получении второго приказа тактику уничтожения изменил». От 29.11.42 г. Шикин в своем приказе предупреждал о том, что Накин перегибает палку и много убитых, кроме этого приказа Накин дважды предупрежден полковым комиссаром т. Будко. После этих предупреждений отряд начал действовать осторожней. В Мухоле было проведено собрание с местными жителями на тему: «Бандиты пособники Гитлера». На

собрании выступал местный житель, после собрания было послано 13 человек в горы для жителей, которые уходили на период операции. В других селах средней Балкарии массовых убийств нет. Но так же имелись факты истребления невинных жителей. Например, по рассказу зам. пред. совнаркома Кабардино-Балкарской области т. Бачиева, который находился с Накиным, рассказывает, что в Колхозе «Саврашево» была убита вся семья Соврашева, которая не была связана с бандой, ибо Соврашев был сам убит бандитами в 1930 г. Именем которого и назван колхоз. Такие же случаи не единичны. В отдельных хатах находили по 60 трупов, потому, что жители от страха сбегались в один дом, а брошенные гранаты в окна истребляли до единого человека. 4.12.42 г. Накин оставил С. Балкарию и ушел на перевал. Причина этому та, что в этот район прибыло более батальона немцев-автоматчиков с минометами, кроме того, до 400 чел. бандитов, которые активизировали свои действия, и отряд оказался почти в полном окружении. Перейдя перевал, отряд по приказу командира 11 с. д. войск НКВД занял оборону.

Вывод. 1) Считаю, что отряд Накина уничтожил много невинных жителей, которые совершенно не были связаны с бандитами. 2) Выше указанная цифра убитых, считаю, не реальна, взята с потолка в смысле бахвальства перед начальством. Если считать это количество показано правильно, то на число убитых женщин и детей падает 1010 человек. Эта цифра (далее текст неразборчив) участников этой операции. Это вымысел и ничем не оправдывается. Ибо никто ни в одном селе число убитых и раненых не подсчитывал. 3) Основная вина в том, что пострадало много невинных людей, ложится в равной мере и на командира 11 с. д. т. Шикина и

его заместителя по политчасти тов. Будко в том, что не смогли своевременно предотвратить невинных жертв.

Ст. л-т Сэсков

9.12.42 г.

ЦА МО СССР, ф. 37А, оп. 8900, д. 33, л. 270, 271.

**ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ТОВ. УЛЬБАШЕВУ М. М.**

г. Нальчик

ГРАЖДАНИНУ ГЛАШЕВУ КЕМАЛУ УЗЕИРОВИЧУ

**31 июля 92
214488**

**г. Нальчик
ул. Безенчикская 74 «а»**

Военной прокуратурой Северо-Кавказского военного округа по заявлению граждан Глашевых о расстреле в ноябре 1942 года их родственников в родовом селении Глашево возбуждено уголовное дело и проведено предварительное расследование.

Установлено, что в период с августа 1942 года по февраль 1943 года в ряде районов Кабардино-Балкарской республики, в том числе и в Черекском, активно действовали бандгруппы из числа местных жителей, сформировавшиеся в основном из числа скрывающихся дезертиров Красной Армии и лиц, уклоняющихся от военной службы.

В ноябре 1942 года обстановка на фронте в/частей 37 армии Закавказского фронта, оборонявшей территорию Кабардино-Балкарии, сложилась крайне тяжелой. После взятия немецкими войсками г. Нальчика, 11 стрелковая дивизия НКВД СССР оказалась в полукольце, так как была отрезана от Прохладненской и Орджоникидзевской дорог, по которым осуществлялся отход войск и снабжение отступающих воинских частей. В связи с этим командованием 37 армии было принято решение вывести войска, находящиеся в Кабардино-Балкарии, через Верхнюю Балкарию в Грузию. Отступление советских войск через Верхнюю Балкарию препятствовали действия бандформирований.

Особую активность в вышеизложенных событиях проявили бандгруппы Черекского района, возглав-

ляемые Табаксоевым Батталом Исмаиловичем, Занкишиевым Исмаилом Муссаевичем (бывший председатель Верхне-Балкарского сельсовета), Асмановым Н. Л., Цакоевым М. Ш., Кучюковым К. З., Матуевым А. К. и другими.

В ноябре 1942 года отдельные бандгруппы были объединены в крупную Бандповстанческую организацию под руководством агента немецких спецслужб Жангузарова Якуба Даутовича, который до войны работал пропагандистом Черекского райкома ВКП(б), будучи на фронте, перешел на сторону немцев. Окончил спецшколу, получил звание офицера немецкой армии.

В селении Верхняя Балкария Жангузаров создал штаб бандповстанческой организации, который координировал действия бандгрупп. Руководителями организации были назначены Табаксоев и Занкишиев (оба убиты в 1944 году при ликвидации банды). Общее руководство деятельностью бандповстанческой организации осуществлялось из г. Нальчика через представителя немецких спецслужб — Махарадзе (бывший полковник Красной Армии, перешел на сторону немцев).

С 20 ноября бандгруппы Верхней Балкарии стали нападать как на отдельных красноармейцев, так и на небольшие армейские подразделения, вступать в перестрелку с отрядами по борьбе с бандитами, пытались перекрыть дорогу, идущую через селения Сауты, Мухол и Грузию.

21—23 ноября 1942 года бандгруппа Табаксоева численностью до 200 человек заняла господствующие высоты вокруг селения Мухол и Сауты и предприняла атаки на эти населенные пункты. 3 эскадрон кавалерийского полка и 1 батальон 276 стрелкового полка 11-сд ВВ НКВД СССР вели в эти дни оборонительные бои против этой бандгруппы. В

пос. Сауты бандитами было захвачено подразделение зенитчиков 772 артполка ПЗО и одно орудие. Захваченным орудием бандиты обстреляли здания райисполкома и больницы. Впоследствии здание райисполкома было сожжено.

В этом же селении бандиты производили обыски и грабежи в домах местных жителей из числа активистов и коммунистов, ушедших на фронт в партизанские отряды.

Воинский гарнизон селения Мухол укрылся в здании райбольницы, затем отступил ночью из этого селения.

Потери подразделения 11 сд ВВ НКВД СССР в указанных столкновениях с бандой за период с 21 по 25 ноября составили 5 убитых и 5 раненых.

Командующий 37 армией генерал-майор Козлов Н. М., узнав о бандовстанческом выступлении в Черекском районе Кабардино-Балкарии, поставил задачу врио командира 11 сд ВВ НКВД СССР подполковнику Шикину принять меры по ликвидации бандгрупп Черекского района.

26 ноября 1942 года подполковник Шикин приказал командиру роты 278 стрелкового полка 11 сд ВВ НКВД СССР капитану Накину Ф. Д. сформировать истребительный отряд численностью 150—200 человек из числа бойцов 278 сп и местных активистов, силами этого отряда ликвидировать бандовстанческое выступление. При этом отряду ставилась боевая задача уничтожить бандитов и их пособников на месте.

В ночь на 26 ноября 1942 года отряд под командованием капитана Накина подошел к селениям Средней Балкарии. Из селения Сауты, Кумюм и Мухол отряд был обстрелян стрелковым оружием и зенитной пушкой, ранее захваченной бандитами.

Имея указание подполковника Шикина о том, что если будет оказано вооруженное сопротивление, действовать решительно, вплоть до применения всех видов оружия, капитан Накин отдал приказ о применении оружия.

К 6.00 20.11.1942 г. с. Сауты было взято с боем. При этом во время боя погибло много женщин и детей, поскольку бандиты вели огонь из жилых домов. Капитан Накин, овладев селением Сауты, приказал сжечь все дома, откуда бандиты оказывали вооруженное сопротивление, а также дома и постройки бандитов. Во исполнение этого приказа в с. Сауты было сожжено 40 % всех домов.

По приказу капитана Накина одновременно с группой, наступавшей на с. Сауты, другая группа в количестве 35 человек овладела находящимся в 3 км от с. Сауты, в горах, селением Глашево и продвинулась до селения Верх. Чегет, но под сильным огнем бандитов была вынуждена не закончив операцию отступить в селение Сауты, где вечером того же дня присоединилась к основному отряду.

При овладении селением Глашево местными жителями не было оказано вооруженного сопротивления. Однако, по приказу капитана Накина бойцами истребительного отряда Настаевым Али, Кайгермазовым Чокка, Османовым и другими неустановленными лицами в этом селении было расстреляно более 63 человек.

28 ноября 1942 года капитаном Накиным было доложено в штаб 11 сд ВВ НКВД СССР о том, что в ходе операции по овладению селением Сауты, Глашево и Верхний Чегет имели место многочисленные жертвы среди мирного населения ввиду того, что бои велись непосредственно в указанных населенных пунктах.

Командующий 37 армии генерал-майор Козлов, узнав о гибели мирного населения, приказал провести по данным фактам служебное расследование. Расследованием было установлено, что по вине капитана Накина под предлогом уничтожения пособников бандитов были допущены необоснованные расстрелы местного населения.

Таким образом, капитан Накин, являясь командиром истребительного отряда 11 сд ВВ НКВД СССР, т. е. лицом начальствующего состава, отдал приказ подчиненным расстрелять жителей селения Глашево, не являющихся бандитами и их пособниками, чем превысил предоставленную ему власть и служебные полномочия, что повлекло особо тяжкие последствия — незаконный расстрел более 63 граждан, в том числе детей, то есть совершил преступление, предусмотренное ст. 193—17 п. «б» УК РСФСР — 1926 года (превышение власти при наличии особо отягчающих обстоятельств).

В 1942—43 годах решение по этому преступлению Накина принято не было, так как он 9 января 1943 года погиб.

В настоящее время уголовное дело прекращено на основании УПК РСФСР, то есть ввиду гибели Накина Ф. Д., который является виновным в расстреле жителей селения Глашево.

О принятом решении прошу уведомить всех заинтересованных лиц и разъяснить им, что данное решение они вправе обжаловать военному прокурору СКВО.

Следователь по особо важным делам ВП СКВО

А. Мокрицкий

Текущий архив Верховного Совета КБР.

**Къэбэрдей-Балъкъэр Республикэм и Совет
Нэхъыщхьэм и Президиумым и**

У Н А Ф Э

**Жъабарты-Малкъар Республиканы Баш Советини
Президиумуну**

Б Е Г И М И

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

**Президиума Верховного Совета
Кабардино-Балкарской Республики**

**О результатах работы комиссии Президиума
Верховного Совета Кабардино-Балкарской
Республики по изучению материалов о
событиях, имевших место в Черекском
ущелье в 1942 году**

Комиссией Президиума Верховного Совета Кабардино-Балкарской Республики, изучившей материалы о Черекских событиях в 1942 году, установлено, что с 27 ноября по 4 декабря 1942 года сводным отрядом НКВД под видом борьбы с бандитизмом в Черекском ущелье расстреляно около 700 мирных жителей (поименно установлено 367 человек, в том числе 155 детей в возрасте до 16 лет), сожжено 519 домов с имуществом и хозяйственными постройками, уничтожено или угнано более 500 коров и другого скота неустановленной численности.

Карательная акция данного отряда вызвала ответную реакцию населения, которое с оружием в руках стало защищать себя от массового истребления.

После освобождения республики от немецких оккупантов в Черекском районе были проведены массовые аресты, что привело к уходу в горы не только дезертиров, но и значительной части мирных жителей.

Трагические Черекские события по указанию партийного и советского руководства республики в 1943 году районные органы власти задокументировали актами как злодеяние немцев и их пособников-бандитов Черекского ущелья, что явилось попыткой сокрыть истинных виновников трагедии. В результате в исторической и мемуарной литературе данные события оказались искаженными.

Президиум отмечает, что военная прокуратура Северо-Кавказского военного округа необоснованно затянула рассмотрение коллективного заявления 47 граждан — жителей бывшего селения Глашево с просьбой установить виновников Черекской трагедии.

Президиум Верховного Совета Кабардино-Балкарской Республики постановляет:

1. Принять к сведению информацию комиссии о событиях, имевших место в Черекском ущелье в ноябре 1942 года.

2. Признать факт истребления мирного населения в Черекском ущелье в ноябре — декабре 1942 года актом геноцида.

3. Комиссии Верховного Совета Кабардино-Балкарской Республики по вопросам законодательства, законности и правопорядка, обращения граждан и гласности организовать проверку:

а) обоснованности и законности актов, составленных в июле 1943 года, о зверствах и бесчинствах немецко-фашистских оккупантов и их сообщ-

ников, учиненных в селениях Сауту, Глашево, Верхний Чегет и других селениях Черекского района;

б) причастности как отдельных людей, так и военно-партизанских подразделений, имена которых увековечены в названиях улиц, памятников и др., и внести свои предложения в Президиум Верховного Совета Кабардино-Балкарской Республики до 1 марта 1993 года.

4. Кабинету Министров Кабардино-Балкарской Республики рассмотреть вопрос о создании мемориального комплекса на территории бывших селений Сауту, Глашево, Верхний Чегет, а также сооружении памятника на территории современной Верхней Балкарии погибшим мирным жителям в Черекском ущелье в ноябре — декабре 1942 года; рекомендовать издать в 1993 году на основе материалов комиссии Президиума Верховного Совета книгу «Черекская трагедия».

5. Просить Верховный Совет Российской Федерации распространить действие Закона РСФСР от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий» на погибших и пострадавших в этот период людей, а также осуществить материальную компенсацию родственникам погибших и пострадавшим.

6. Направить справку комиссии Президиума Верховного Совета и решение Президиума Верховного Совета Кабардино-Балкарской Республики в Верховный Совет Российской Федерации и Генеральному прокурору Российской Федерации для рассмотрения в соответствии с действующим законодательством; предложить прокурору Кабардино-Балкарской Республики пересмотреть все уголовные дела, связанные с Черекскими событиями.

7. Опубликовать материалы комиссии и решение Президиума Верховного Совета Кабардино-Балкарской Республики в средствах массовой информации.

Председатель Верховного Совета
Кабардино-Балкарской Республики
Х. Кармоков

*город Нальчик
19 ноября 1992 года*

№ 1290 — XII — II.

Текущий архив Верховного Совета КБР.

ЭПИЛОГ

Президиум Верховного Совета Кабардино-Балкарской Республики в ноябре 1992 года, обсудив результаты работы комиссии, дал им политическую оценку, признав факт истребления мирного населения в Черекском ущелье в ноябре — декабре 1942 года актом геноцида.

На территории современного сел. Верхняя Балкария запланировано строительство памятника жертвам геноцида.

Увековечив память о них, мы делаем память вечной, передаваемой от поколения к поколению, и превращаем память об этих людях в один из нравственных устоев общества.

Увековечивая память о них, мы пополняем историческую память народа, которая не должна быть в чем-то ущербной или односторонней.

Вместе с тем, к сожалению, до сих пор не дана правовая оценка этой трагедии.

Еще в 1989 году коллективное заявление Глашевых с требованием установить виновников этого злодеяния было направлено в прокуратуру Северо-Кавказского военного округа. Волокита и нежелание органов военной прокуратуры выяснить истинные причины трагедии в Черекском ущелье были очевидны. Поэтому в течение двух лет Президиум Верховного Совета КБР вел переписку с Генеральной прокуратурой СССР и РСФСР с просьбой ускорить рассмотрение коллективного заявления Глашевых и Черекских событий в целом с привлечением материалов, выявленных комиссией.

Однако эти просьбы были проигнорированы.

Только в январе 1991 года было возбуждено уголовное дело, а в июле 1992 года оно было прекращено на основании п. 8, ст. 5 УПК РСФСР, то

есть ввиду гибели Накина Ф. Д., который является виновником в расстреле жителей селения Глашево.

Анализ материалов работы комиссии Президиума Верховного Совета КБР по изучению обстоятельств расстрела мирных жителей трех балкарских селений и сопоставление выводов этой комиссии с результатами проведенного следствия свидетельствуют о неполноте предварительного следствия, которое, по существу, ограничилось возложением ответственности за геноцид на одного Накина.

О крайней неполноте материалов предварительного следствия военной прокуратуры свидетельствовало и то, что в постановлении о прекращении уголовного дела указывалось, что отрядом Накина расстреляны 63 гражданина, тогда как сам Накин в донесении от 30.11.42 г. собственноручно писал, что им уничтожено до 1500 человек.

Поэтому Президиум Верховного Совета КБР обратился к Генеральному прокурору Российской Федерации с ходатайством об отмене решения военной прокуратуры Северо-Кавказского военного округа.

В июне 1993 года Генеральная прокуратура РФ отменила постановление о прекращении уголовного дела и предварительное следствие вновь возобновлено военной прокуратурой Северо-Кавказского военного округа.

* * *

Историю этих событий переделать невозможно. Остается одно — переосмыслить. Назвать вещи своими именами. Геноцид — геноцидом. Зло — злом. Речь идет о нравственном очищении всех тех, кто виновен в гибели около 700 мирных жителей. Наш долг, пока еще живы очевидцы этих дней, увековечить память о них и добиться правовой оценки произошедшего.

Из Черекской трагедии необходимо извлечь уроки:

1. Первый урок — урок правды и честности, во всем.

2. Мы должны всеми силами бороться против любой войны, пока она не началась. Любая война, тем более в ядерный век, не может быть средством разрешения спорных вопросов.

3. Какие бы преступления ни совершали отдельные представители народа, это не дает никакого права обвинять в преступлении весь народ.

4. В центре внимания органов государственной власти всегда должны находиться общечеловеческие ценности — права и свободы человека независимо от национальной, классовой, религиозной и иной принадлежности.

ИСТОЧНИКИ

- ¹ Архив Министерства внутренних дел КБР (далее: АМВД КБР), ф. 2, оп. 2, д. 56, л. 3, об.
- ² АМВД КБР, ф. 2, оп. 1, д. 116, л. 100 об.
- ³ Архив Комитета Государственной безопасности КБР (далее: АКГБ КБР).
- ⁴ Партийный архив Кабардино-Балкарского обкома КПСС (далее: ПАКБО КПСС), ф. 1, оп. 1, д. 420, л. 4.
- ⁵ ПАКБО КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 495.
- ⁶ Центральный архив Министерства обороны СССР (далее: ЦАМО СССР), ф. 2, Гв. СД, оп. 1, д. 19, л. 251.
- ⁷ ЦАМО СССР, ф. 2, Гв. СД, оп. 1, д. 30, л. 27, 28.
- ⁸ Объяснение М. Османова.
- ⁹ ЦАМО СССР, ф. 37А, оп. 8898, д. 16, л. 12.
- ¹⁰ АКГБ КБР.
- ¹¹ ЦАМО СССР, ф. 37, оп. 8898, д. 16, л. 17, 20.
- ¹² ПАКБО КПСС, ф. 45, оп. 1, д. 7, л. 150.
- ¹³ Центральный Государственный архив Советской Армии (далее: ЦГАСА), ф. 38677, оп. 1, д. 3, л. 21.
- ¹⁴ ПАКБО КПСС, ф. 7, оп. 1, д. 7, л. 151.
- ¹⁵ Там же, д. 7, л. 3.
- ¹⁶ Объяснение А. Туменова.
- ¹⁷ Записка в Комиссию Х. Шабатукова.
- ¹⁸ Объяснение Н. Туменова.
- ¹⁹ ЦГАСА, ф. 38677, оп. 1, д. 11, л. 22.
- ²⁰ Объяснение Н. Темукуевой.
- ²¹ ЦГАСА, ф. 38677, оп. 1, д. 7, л. 40.
- ²² ЦАМО СССР, ф. 37А, оп. 8900, д. 33, л. 226.
- ²³ ЦГАСА, ф. 38677, оп. 1, д. 4, л. 49.
- ²⁴ Там же, д. 11, л. 22.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же, д. 4, л. 54.
- ²⁷ Там же, д. 5, л. 8.
- ²⁸ Там же, д. 9, л. 29.
- ²⁹ Там же, д. 11, л. 22.
- ³⁰ ЦАМО СССР, ф. 37А, ф. 8898, д. 22, л. 38.
- ³¹ ЦГАСА, ф. 38677, оп. 1, д. 11, л. 22.
- ³² ПАКБО КПСС, ф. 45, оп. 1, д. 6, л. 90б.
- ³³ ЦГАСА, ф. 38677, оп. 1, д. 9, л. 29, 31.
- ³⁴ ПАКБО, ф. 45, оп. 1, д. 7, л. 150об.
- ³⁵ Объяснение Х. Ногеровой.

- 86 Объяснение Жангуразовой.
87 ЦАМО СССР, ф. 37А, оп. 8900, д. 38, л. 226.
88 ЦГА КБР, ф. р-292, оп. 1, д. 14, л. 1—6.
89 Там же, д. 69, л. 1—2.
90 Объяснение З. Мамаевой, Х. Ногеровой, К. Султановой.
Н. Эндреевой.
91 Объяснение А. Хуболова.
92 ПАКБО, ф. 45, оп. 1, д. 6, л. 9, об.
93 Объяснение А. Хуболова.
94 Объяснение Т. Мисировой.
95 ЦГА КБР, ф. р-273, оп. 1, д. 7, л. 53.
96 Объяснение Х. Османова.
97 ЦГАСА, ф. 38677, оп. 1, д. 5, л. 12.
98 Там же, д. 5, л. 11.
99 Там же, д. 5, л. 13.
100 Там же, д. 9, л. 31.
101 Там же, д. 5, л. 14.
102 Объяснение А. Туменова.
103 ЦГАСА, ф. 38677, оп. 1, д. 5, л. 15 и об.
104 Там же, д. 5, л. 16.
105 Там же, д. 5, л. 17.
106 Там же, оп. 1, д. 5, л. 1.
107 ЦАМО СССР, ф. 37А, оп. 8898, д. 22, л. 41.
108 ЦГАСА, ф. 38677, оп. 1, д. 9, л. 28.
109 ЦГАСА, ф. 38677, оп. 1, д. 5, л. 1 и об.
110 ЦАМО, ф. 37А, оп. 8898, д. 16, л. 107.
111 Там же, оп. 8900, д. 33, л. 226.
112 ЦГАСА, ф. 38677, оп. 1, д. 5, л. 2.
113 ЦАМО СССР, ф. 37А, оп. 8898, д. 16, л. 120.
114 Там же, д. 16, л. 124.
115 ЦГАСА, ф. 38677, оп. 1, д. 5, л. 3.
116 ЦАМО СССР, ф. 37А, оп. 8898, д. 16, л. 130.
117 Там же, д. 16, л. 133.
118 Там же, д. 24, л. 20.
119 АМВД КБР, ф. 2, оп. 1, д. 10, л. 22.
120 Объяснение Б. Асановой.
121 ПАКБО КПСС, ф. 45, оп. 1, д. 13, л. 59.
122 ЦГАСА, ф. 38677, оп. 1, д. 9, л. 43.
123 ЦАМО СССР, ф. 37А, оп. 8898, д. 16, л. 145.
124 Там же, д. 24, л. 20.
125 Там же, д. 22, л. 56.
126 Объяснение Т. Мисировой.
127 ЦАМО, ф. 37А, оп. 8898, д. 18, л. 310б.
128 Там же, д. 16, л. 12.
129 ПАКБО, ф. 45, оп. 1, д. 13, л. 3.

- ⁸⁰ Там же, д. 12, л. 49.
⁸¹ Там же, д. 12, л. 49об.
⁸² Там же, д. 12, л. 21.
⁸³ Там же.
⁸⁴ Объяснение М. Азаматова.
⁸⁵ АМВД КБР, ф. 2, оп. 1, д. 62, л. 11.
⁸⁶ Объяснение А. Мисирова.
⁸⁷ АМВД КБР, ф. 2, оп. 1, д. 116, л. 101.
⁸⁸ ПАКБО КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 819, л. 21.
⁸⁹ АМВД, ф. 2, оп. 1, д. 82, л. 117—118.
⁹⁰ АМВД, ф. 2, оп. 1, д. 116, л. 172об.
⁹¹ АМВД, ф. 2, оп. 1, д. 116, л. 171.
⁹² Картотека, составленная членами комиссии Б. Б. Темукуевым и М. Темуржановым на основе архивных документов АМВД КБР.
⁹³ АМВД КБР, ф. 2, оп. 1, д. 82, л. 117.
⁹⁴ Там же.
⁹⁵ АМВД КБР, ф. 2, оп. 1, д. 10, л. 29об.
⁹⁶ АМВД КБР, ф. 2, оп. 1, д. 100, л. 45.
⁹⁷ Объяснение А. Туменова.
⁹⁸ АМВ КБР, ф. 2, оп. 1, д. 100, л. 45.
⁹⁹ ПАКБО, ф. 45, оп. 1, д. 6, л. 60.
¹⁰⁰ Там же, ф. 2459, д. 216, л. 19.
¹⁰¹ ЦГА КБР, ф.-р. 273, оп. 1, д. 14, л. 4 об.
¹⁰² Там же, л. 14 об.
¹⁰³ Там же.
¹⁰⁴ Объяснение Ж. Залиханова.
¹⁰⁵ Объяснение Б. Мамаева.
¹⁰⁶ ЦГА КБР, ф. р-290, оп. 1, д. 14, л. 1—6.
¹⁰⁷ ЦГА КБР, ф. р-292, оп. 1, д. 69, л. 1—2.
¹⁰⁸ Там же.
¹⁰⁹ АМВД, ф. 2, оп. 1, д. 60, л. 25об, 26.
¹¹⁰ АМВД, ф. 2, оп. д. 9, л. 75.
¹¹⁰ ПАКБО КПИ, ф. 1, оп. 1, д. 296, л. 10.

Авторский коллектив благодарит за содействие в подготовке этого издания членов комиссии Президиума Верховного Совета КБР по изучению Черекских событий, Госкомитет КБР по делам национальностей, а также выражает признательность работникам архивов республики (ЦГА КБР, архив КГБ КБР, архив МВД КБР, бывший партийный архив Кабардино-Балкарского обкома КПСС) за оказанную помощь в сборе документов.

Активное участие в подготовке к публикации книги принял кандидат филологических наук Т. З. Толгуров.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Черекская трагедия	3
Воспоминания очевидцев черекских событий	63
Архивные документы	145

Научно-популярное издание

Азаматов Кямилъ Гитчесавич, Темиржанов Махти Османович,
Темухуев Борис Биязрукаевич, Тетуев Аллим Индарелович,
Чеченов Исмаил Магомедович

ЧЕРЕКСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Редактор *И. М. Гадиев*
Художественный редактор *Ю. С. Алиев*
Фотографии *А. С. Шахмурзаева*
Технический редактор *Л. И. Прокопенко*
Корректоры *Е. Е. Терушкина, Г. Г. Тырнавская*

ЛКБ № 1 от 30.09.91 г.

Сдано в набор 01.02.94. Подписано в печать 16.02.94.
Формат 70×100^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура
литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 8,13. Уч.-изд. л. 7,19.
Тираж 5000 экз. Заказ № 333

Издательство «Эльбрус»
Нальчик, ул. Адмирала Головка, 6

Полиграфкомбинат им. Революции 1905 года
Минниформпечати КБР.
Нальчик, пр. Ленина, 33

Ч **Черекская трагедия: Сборник статей и воспо-
минаний/Сост. А. И. Тетуев.— Нальчик: Эль-
брус, 1994.— 200 с.**

ISBN 5-7680-09006-X

Сборник статей, воспоминаний и документов о трагедии
происшедшей в ноябре 1942 года в Черекском районе Кабардино-
Балкарии.

Ч 0503020900-010
М125(03)-94 Без объявления

© Издательство «Эльбрус», 199